

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как напоминание о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отправляйте автоматические запросы.
Не отправляйте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

HN BIE4 1

**This is an authorized facsimile
of the original book, printed by
microfilm-xerography on acid-free paper.**

**UNIVERSITY MICROFILMS INTERNATIONAL
Ann Arbor, Michigan, U.S.A.
London, England
1981**

HELSINGIN
NYLONISTON
KIRJASTO

М. П. Драгомановъ.

ВЕЛИКОРУССКІЙ
ИНТЕРНАЦИОНАЛЪ
И
Польско-Украинскій
ВОПРОСЪ.

Цѣна 50 коп.

КАЗАНЬ.

Типо-литографія Окружнаго Штаба.

1906.

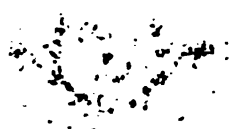
SLAVIC DIVISION

695/30-1995

HARVARD COLLEGE LIBRARY

THE
LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
MICHIGAN
ANN ARBOR, MICHIGAN

6

То, что случилось съ народно-федеральнымъ направле-
ніемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ съ рациональнымъ отношеніемъ къ
Польшѣ въ великорусскомъ политическомъ движеніи 60-хъ
годовъ, повторилось и въ социальномъ движеніи 70-хъ годовъ.
И здѣсь народно-федеральное направление, такъ ясно и энер-
гически провозглашенное Бакунинымъ, очень скоро потуск-
нѣло и уступило мѣсто государственно-централистическому.
Мы не будемъ останавливаться на подробномъ изслѣдованіи
причинъ такой эволюціи, между прочимъ и потому, что нѣко-
торыя изъ этихъ причинъ уже указаны, или намѣчены нами
выше.*) Главною причиною и тутъ была фатальная наслѣдствен-
ность и оппозиціей тѣхъ привычекъ мысли и дѣйствій, въ кото-
рыхъ воспитала общество исторія государства въ періодъ цен-
трализаціи. Въ добавокъ же именно послѣ усмиренія польскаго
возстанія система централизаціи въ Россіи еще болѣе усили-
лась и налегла тяжелымъ гнетомъ не только на административ-
ную жизнь областей, но и на ихъ жизнь нравственную съ
гораздо болѣе рафинированными приемами, чѣмъ въ прежнее,
никалаевское время: въ 1863 г. были запрещены украинскія
книги педагогическаго содержанія, въ 1864 г. великорусскій
языкъ былъ признанъ единымъ языкомъ школьнымъ въ Россіи
собственно, съ 1866 г. даже вопреки мѣстному положенію
1864 г. началось вытѣсненіе польскаго и другихъ народныхъ
языковъ изъ школъ въ Царствѣ Польскомъ; рядомъ съ тѣмъ
поднялась борьба съ остатками народныхъ языковъ въ шко-
лахъ Кавказа; и вообще во всѣхъ школахъ имперіи, кромѣ
отчасти остзейскихъ губерній, воспреобладала, вмѣстѣ съ мини-

*) См. М. И. Драгомановъ. Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій и Польскій
вопросъ.

стерствомъ гр. Толстаго, всеобрусительная катковщина, которая стремилась пролѣзть въ автономную Финляндію. Всякое напоминаніе о чемъ либо мѣстномъ, своеобразномъ и автономномъ стало строго преслѣдоваться не только въ школахъ, но и въ печати, и даже въ театрѣ и разговорахъ, — о чемъ мы могли бы привести десятки анекдотовъ изъ собственныхъ наблюденій и опытовъ въ Кіевѣ и Петербургѣ. Молодая поколѣнія должны были воспитываться въ убѣжденіи, что Россія не только „едина и недѣлима“, какъ гласитъ надпись, сочиненная для памятника Богдану Хмельницкому, который потому никакъ не вытанцовывается, что все таки онъ самъ по себѣ составляетъ протестъ казенному единству, — но даже „единообразна“*). Вотъ эти то именно поколѣнія и выступили на сцену въ социалистической оппозиціи 70-хъ гг., — и было бы противуестественно, если бы они не захватили съ собой изъ школы того духа, въ какомъ ихъ воспитывали. Отдѣлаться отъ этого духа, узнать, что Россія вовсе не единообразна, они могли только посредствомъ собственнаго изученія, часто по источникамъ, — а на это, во первыхъ, нужно было особенное время, а во вторыхъ именно 70-е годы были эпохою, когда въ русской молодежи воцарилось, между прочимъ и при помощи прокламцій Бакунина, нерасположеніе къ научнымъ занятіямъ, понятное, какъ реакція катковско-толстовской „учобѣ“, но тѣмъ не менѣе крайне вредное для всѣхъ жизненныхъ интересовъ страны и въ томъ числѣ для силы социальной оппозиціи. Отъ этого отсутствія научнаго образованія молодежь поддавалась вліянію самыхъ простыхъ формулъ, наиболѣе носившихъ характеръ догматовъ, а также вліянію лицъ, провозглашавшихъ эти формулы. Въ довершеніе всего, выборъ этихъ лицъ — вожаковъ для кружковъ молодежи, — сильно сократился и калибръ ихъ понизился даже сравнительно съ 60-ми годами: лучшіе люди изъ оппозиціи этихъ 60-хъ годовъ, такіе

*) Интересно, что слова «Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія» — явный переводъ съ якобинскаго «une et indivisible», предложены были извѣстнымъ реакціоннымъ доносчикомъ, тайнымъ совѣтникомъ. М. Вл. Юзефовичемъ.

какъ Чернышевскій, или Добролюбовъ, были удалены со сцены. Людей же, которые, какъ Герценъ или Бакунинъ, при активномъ темпераментѣ, соединяли въ себѣ большое и разностороннее образование съ большимъ жизненнымъ опытомъ, съ наблюденіемъ Россіи, — и столицъ и провинцій (последнее хотя бы благодаря, ссылкѣ), — и Западной Европы, — и въ 60-е годы не появилось. Новымъ вожакамъ оппозиціи въ 70-е годы такимъ образомъ неизбежно пришлось, вмѣсто выработки самостоятельной программы, наиболѣе приложимой для различныхъ народовъ Россіи и въ то же время согласной съ самыми передовыми ученіями, выведенными изъ политическихъ уроковъ Запада, — просто скопировать самыя простыя изъ формъ оппозиціонной жизни этого Запада, которыя наиболѣе намолили глаза и уши. Такими формами были для политической оппозиціи французское якобинство, а для социальной — нѣмецкая социальная демократія, — обѣ централистическія, и обѣ пробующія на странахъ въ 10—12.000 квадратныхъ миль, а нѣмецкая социальная демократія даже въ странѣ съ почти одинаковымъ національнымъ составомъ (35 милліоновъ нѣмцевъ, 2½ м. поляковъ, 150.000 литовцевъ, 60.000 чеховъ, и 150.000 лужицкихъ сербовъ).

Изъ всѣхъ западноевропейскихъ социалистическихъ партій на Россію всего болѣе оказала вліянія партія нѣмецкая, — что объясняется, какъ тѣмъ, что въ послѣдніе годы эта партія обладала такими сильными умами, какъ Марксъ, Энгельсъ, Лассаль — сочиненія которыхъ стали подкладкою идей русскихъ социалистовъ, такъ и по ближайшему сосѣдству, особенно для петербуржцевъ, и наконецъ по большому количеству евреевъ, которые приняли столь значительное участіе въ социалистическомъ движеніи въ Германіи и Россіи и которые, особенно евреи сѣверо-западныхъ губерній, составили элементъ, естественно связывающій русскихъ социалистовъ съ нѣмцами.

Кромѣ своей болѣе или менѣе централистической государственности, понятной еще въ такой странѣ, какъ Германія, но совсѣмъ неприменимой къ Россіи, нѣмецкіе социалисты имѣютъ, — а особенно имѣли нѣсколько времени тому назадъ — и свои спеціальныя взгляды на польскій вопросъ, тоже доволь-

но естественные съ ихъ точки зрѣнія, но тоже совсѣмъ не отвѣчающіе дѣйствительному положенію вещей, которое, казалось бы, должно было быть видно въ Россіи лучше, чѣмъ въ Германіи. Эти взгляды нѣмецкіе социалисты пробовали провести и среди социалистовъ всей Европы и Америки, соединенныхъ въ Международное Общество Рабочихъ. Какъ извѣстно, нѣмецкій кружокъ Маркса принималъ участіе, въ польскомъ движеніи 1863 г.,—при чемъ Марксъ хлопоталъ объ образованіи особаго нѣмецкаго легіона при пособіи отъ изгнаннаго брауншвейгскаго герцога*). За тѣмъ самую идею объ образованіи Международнаго Общества Рабочихъ кружокъ Маркса предложилъ на Лондонскомъ митингѣ 28 Сентября 1864 г., который былъ созванъ для заявленія сочувствія тогдашнему польскому возстанію. Предварительный комитетъ, который долженъ былъ приготовить вопросы для рѣшенія на будущемъ первомъ конгрессѣ Международнаго общества, въ которомъ кружокъ Маркса пользовался такимъ вліяніемъ, поставилъ на очередь въ ряду общихъ социально-экономическихъ вопросовъ (о капиталѣ и трудѣ, о рабочемъ днѣ, женской работѣ и т. д.) и такой совсѣмъ частный и національно-политическій вопросъ—какъ о „необходимости уничтожить вліяніе русскаго деспотизма въ Европѣ посредствомъ приложенія права народовъ располагать самими собою и посредствомъ возстановленія Польши на началахъ демократическихъ и социальных“. По этому вопросу возникло на конгрессѣ Интернаціонала 1866 г., въ Женевѣ, — весьма интересное разногласіе между делегаціями французскою и нѣмецкою. Въ словахъ первой явно видно вліяніе Прудона, который, какъ ан-архистъ, рѣшительно высказался противъ польскаго возстанія 1863 г., въ противность всему тому, что говорилось тогда всѣми представителями французской демократіи. Вотъ какъ передаетъ протоколъ засѣданій женевскаго конгресса Международнаго Общества—вышеупомянутое разногласіе делегацій

*) См. объ этомъ въ «Историч. Вѣстникѣ», 1881, № 1, 80, извлеченіе изъ записокъ Лапинскаго, начальника морской экспедиціи въ пользу польскаго возстанія, въ которой участвовалъ и Бакунинъ.

французской и нѣмецкой по польскому вопросу: «Делегация французская высказываетъ мнѣніе, что по этому вопросу не должно быть никакого голосованія и что конгрессъ долженъ ограничиться заявленіемъ о томъ, что онъ противникъ всякаго рода деспотизма во всякой странѣ и что онъ не входитъ въ разборъ столь сложныхъ вопросовъ, какъ національные. Нужно желать и требовать свободы (l'émancipation) въ Россіи, какъ и въ Польшѣ, и отвергнуть старую политику, которая противопоставляетъ народы одни другимъ.—Мнѣніе большинства конгресса склонялось явственно къ предложенію французовъ.—Тогда попросилъ слова г. Беккеръ. Онъ выразилъ сожалѣніе, что конгрессъ не рѣшаетъ ничего по этому вопросу. Русская имперія служитъ постоянною угрозою противъ цивилизованныхъ обществъ Европы; Польша служила бы для нея преградой. Собраніе хотѣло уничтоженіе постоянныхъ армій, но ихъ нельзя будетъ уничтожить въ Европѣ, пока Польша не будетъ восстановлена. Онъ прибавляетъ, что польскій вопросъ есть вопросъ европейскій, но который интересуетъ Германію specially, такъ что его можно назвать въ извѣстномъ отношеніи нѣмецкимъ вопросомъ. Онъ, Беккеръ, предлагаетъ поэтому, чтобы къ протоколу приложена была декларация въ такомъ смыслѣ, подписанная всѣми членами нѣмецкими и другими, которые раздѣляютъ эти мнѣнія».

Въ такомъ духѣ, узко государственно-національномъ, не разъ высказывались о Польшѣ и Беккеръ, и Марксъ, и Либкнехтъ*). Выше мы напомнили**), что Бебель высказался въ такомъ же родѣ о необходимости положенія нѣмецкой преграды славянской волнѣ и въ Австріи. Въ основѣ такихъ заявленій лежитъ ветхозавѣтное чувство самомнѣнія (Uebermuth) и нерасположеніе къ славянамъ, которыхъ представительницею

*) Въ 1880 г., г-нъ Беккеръ былъ приглашенъ предсѣдательствовать на митингъ въ Женевѣ, созданномъ польскимъ кружкомъ, который объявилъ, что отнынѣ должно заимѣть крикъ «да здравствуетъ Польша!» крикомъ: «да здравствуетъ Интернаціоналъ!» Означаетъ ли это, что г. Беккеръ измѣнилъ свои взгляды, мы не знаемъ,—но г.г. Марксъ, Энгельсъ и др. 6. члены главнаго совѣта Интернаціонала прислали для митинга письмо, въ которомъ настаиваютъ на сохраненіи стараго крика: «да здравствуетъ Польша!»

**) См. М. П. Драгомановъ. Герценъ, Бакуининъ, Чернышевскій и Польскій вопросъ.

и защитницею, въ Германіи считаютъ Россію—чувство, которое проявляется у нѣмцевъ и относительно поляковъ, когда ихъ разсматриваютъ независимо отъ отношеній ихъ къ Россіи*). Но у нѣмецкихъ революціонеровъ, выступившихъ на сцену около 1848 г., изложенное субъективное отношеніе къ Польшѣ и Россіи имѣетъ себѣ значительное оправданіе. Въ 1848 г., германскимъ демократамъ пришлось бороться вооруженно съ прусскимъ войскомъ,—силы котораго возстаніе поляковъ должно было во всякомъ случаѣ раздѣлить, слѣдовательно демократы нѣмецкіе и поляки являлись во всякомъ случаѣ союзниками въ «борьбѣ съ общимъ врагомъ». Наконецъ, Германія соприкасается только съ дѣйствительно польскими провинціями,—а тѣхъ провинцій исторической Польшы, въ которыхъ поляки являются сами угнетателями, въ противность всякому «праву народовъ располагать самимъ собою»,—нѣмецкіе демократы наглядно не видятъ, и при извѣстномъ пренебреженіи къ народамъ негосударственнымъ и, съ государственной точки зрѣнія, «некультурнымъ», очень легко могутъ и не хотѣть видѣть.

Но, повторяемъ, то, что болѣе извинительно въ Германіи, менѣе извинительно въ Россіи,—и однако нѣмецкая постановка польскаго вопроса въ Интернаціоналѣ нашла себѣ сочувствіе и въ извѣстной части великорусскихъ социаль-демократовъ, которые начали организоваться въ кружки около 1870 г. подъ вліяніемъ извѣстій о конгрессахъ Интернаціонала.

*) Интересно, какъ говорить объ этой ненависти нѣмцевъ къ славянамъ Герценъ: «есть ограниченныя умы и узкія народныя ненависти, которыхъ убѣдить я не берусь; они ненавидятъ, не разсуждая. Возьмите,—чтобъ не говорить о своихъ,—(Герценъ пишетъ къ поляку) статьи нѣмецкихъ демократовъ, качающихся своимъ космополитизмомъ и взгляните въ нихъ злую ненависть ко всему русскому, ко всему славянскому... Если бъ эта ненависть была сопряжена съ какимъ нибудь желаніемъ, чтобъ Россія, Польша были свободны, порвали бы свои цѣпи, и бы поняли это. Совсѣмъ не то. Такъ какъ средневѣковые люди, ненавидя евреевъ, не хотѣли вовсе ихъ совершенствованія, такъ всякій успѣхъ нашъ въ гражданственности только удваиваетъ ненависть этихъ ограниченныхъ, закованныхъ умовъ» (Колоколу, 16 января 1859 г.). Поучительно также прочесть въ Посм. соч. Герцена, въ статьѣ «Нѣмцы въ эмиграціи», о томъ, какъ у нѣмецкихъ демократовъ и Бакунина, и Герценъ,—особенно первый, являлись даже агентами русскаго правительства потому только, что смотрѣли на славянскіе народы по своему, а не по указанію нѣмецкихъ партій.

Впрочемъ и вообще въ самихъ понятіяхъ объ Интернаціоналѣ въ Россіи произошло крупное недоразумѣніе. Слухи объ этой международной организаціи рабочихъ классовъ во имя общихъ имъ интересовъ достигли въ Россію въ ту эпоху, когда, какъ мы говорили, въ ней воспреобладало централистически-обрусительное направленіе, — мы сказали бы противунаціональное, если бы оно не направлялось только противъ національностей государственныхъ и въ пользу національности государственной, великорусской. Въ числѣ софизмовъ, какіе пускались въ ходъ обрусителями, былъ и такой, что будто-де всемірная культура выигрываетъ отъ стиранія національностей, хотя господа обрусители почему то не начинали исполненія этого «требованія всемірнаго прогресса» со стиранія своей національности.

По существу своему, идея космополитизма и человечества вовсе не противна идеѣ національности, — а представляетъ только дальнѣйшее ея развитіе: союзъ всего человечества есть только общій союзъ частныхъ союзовъ, которые всего легче могутъ заключаться въ средѣ уже по природѣ объединенныхъ между собою языкомъ, сходствомъ психическимъ и сосѣдствомъ индивидуумовъ, общинъ и племенъ извѣстныхъ національностей, и тѣмъ болѣе, что расположеніе этихъ національностей, во времена безсознательной колонизаціи почти всегда совпадало съ границами естественныхъ бассейновъ, географическихъ и хозяйственныхъ. Самое понятіе объ идеалѣ человѣка составляется и *продолжается составляться* у людей изъ отвлеченія лучшихъ сторонъ индивидуумовъ, корпорацій (какъ видовъ труда) и націй, и потому прогрессъ самаго этого идеала вовсе не требуетъ стиранія всѣхъ разнообразностей человѣка, а напротивъ того, ихъ постоянного развитія. Космополитизмъ и гуманизмъ исключаютъ только національныя антипатіи, національную исключительность, призываютъ къ стиранію національныхъ недостатковъ.

Въ частности всякій практическій «интер-національный союзъ», въ родѣ напр. «Международнаго Союза Рабочихъ», не только не исключаетъ союзовъ національныхъ, но предполагаетъ ихъ существованіе, какъ союзовъ, изъ которыхъ

самъ онъ долженъ состоять. Вотъ почему 6 и 7 §§ Положенія Интернаціонала вмѣняли своимъ членамъ въ обязанность стараться о соединеніи первичныхъ мѣстныхъ союзовъ въ союзы вторичные, «національные». Только въ редакцію этихъ параграфовъ вкралась неясность, вслѣдствіе смѣшенія, согласно старинной политической терминологіи, терминовъ nation, pays и état, — народъ, страна и государство, — смѣшеніе, которое всего болѣе простительно нѣмцамъ, которыхъ государство, какъ мы сказали, болѣе или менѣе единоплеменно*). Впрочемъ, уже самое допущеніе въ главный совѣтъ Интернаціонала представителя Польши, — которая теперь не составляетъ государства, — показываетъ, что даже учредители Интернаціонала не исключали возможности предварительнаго группированія первичныхъ союзовъ въ союзы вторичные по національности въ болѣе точномъ смыслѣ, выражаемомъ словомъ race, langue, а со временемъ среди социалистовъ западной Европы пошли въ ходъ выраженія въ родѣ: «интернаціоналисты или социалисты такого то языка» (напр. даже у нѣмцевъ: Der Social-Demokrat, Organ der Socialisten der deutschen Zunge).

Въ Россіи же отъ неточности термина, «нація», «національный», — и употребленія его на французско-якобинскій манеръ въ смыслѣ государственномъ, и особенно отъ смѣшенія идеи космополитизма съ идеею обрусенія произошло самое чудовищное недоразумѣніе, которое привело къ тому, что весьма многіе социалисты самымъ серьезнымъ образомъ поняли формулу Интернаціонала: «Пролетаріи всѣхъ странъ (націй), соединяйтесь!» — въ такомъ видѣ: «пролетаріи всѣхъ странъ, подчиненныхъ русскому государству, обрусѣвайтесь!» Конечно, съ такою ясностью эту формулу почти никто изъ русскихъ социалистовъ не произносилъ, особенно въ печати, и даже

*) Объ этомъ смѣшеніи и вообще о значеніи національностей и государствъ, какъ основъ кооперационныхъ *бизнисовъ* (для организаціи социалистическихъ партій мы говорили нарочно въ статьяхъ нашихъ «Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme internationale» въ «Revue socialiste» 1880, и въ листкѣ «Вильна Спізка» — La Fédération — Вольный союзъ, 1881, № 1, «Естественныя области и пропаганда социализма на плебейскихъ языкахъ Восточной Европы».

почти всё они обижались, когда имъ ставили на видъ, что ихъ система дѣйствія соотвѣтствуетъ именно такой формулѣ, но тѣмъ не менѣе если не въ теоріи, то на практикѣ многіе «русскіе» социалисты въ своей сферѣ были такими же нивелаторами-обрушителями,—какими въ своей сферѣ были г.г. Катковы и другіе враги и социалистовъ, и всякихъ національных автономистовъ.

Мы помнимъ первую нашу встрѣчу съ представителемъ великорусскаго социалистическаго движенія въ 70-е годы. Это былъ одинъ изъ делегатовъ петербургскаго социально-революціоннаго кружка, прибывшій въ Кіевъ въ началѣ 1870 г. Между прочимъ онъ принялъ участіе въ мѣстномъ кружкѣ молодежи, которая,—какъ и петербургскіе, «чайковцы»,—имѣла въ виду политико-соціальное самообразование и пропаганду,—только, сообразно украинскимъ нравамъ, не носила кличекъ, заимствованной отъ лица, а не отъ принципа. Мы получили приглашеніе принять участіе въ занятіяхъ этого кружка. На первомъ сборѣ заявлено было, кто какой рефератъ возьметъ на себя. Мы замѣтили, что почти всё темы для рефератовъ были выбраны изъ сферы т. наз. социальнаго и женскаго вопросовъ,—а потому, когда дошла очередь до насъ, то мы предложили съ своей стороны прочесть о социальныхъ стремленіяхъ и о положеніи женщины въ средѣ украинскаго крестьянства, которое составляетъ украинскую націю. По своему обычаю, мы старались дать слушателямъ, какъ можно больше фактовъ съ указаніемъ на источники, такъ чтобы слушатели могли самостоятельно проверить насъ, даже если бы и не согласились съ нашими выводами. Во время чтенія нашего реферата петербургскій делегатъ обнаруживалъ явное нетерпѣніе, и когда начались пренія, то замѣтилъ приблизительно слѣдующее:

—Все это, *можетъ быть*, и вѣрно,—но къ дѣлу не идетъ. Мы должны думать о борьбѣ съ общимъ врагомъ, а Вы, говоря намъ объ Украинѣ, какъ о чемъ-то особомъ, вносите раздѣленіе въ наши силы!»

Mutatis mutandis,—это было повтореніе какъ разъ того, что мы слышали отъ нашего почтеннаго начальника кн. Ал.

Пр. Ширинскаго Шихматова,—по поводу нашихъ мнѣній о составленіи книги для чтенія въ народныхъ школахъ кievскаго округа (Мы доказывали невозможность игнорирования мѣстнаго элемента въ такой книгѣ, а потому и невозможность составленія единой и нераздѣльной книги для чтенія для всей Россіи). Между прочимъ князь Ширинскій даже произнесъ слова «общій врагъ», только у него этотъ врагъ была—Польша. При видѣ такого совпаденія замѣчаній православнаго обрусителя съ замѣчаніями «нигилиста», было конечно, «отчего въ отчаяніе придти». Но, скрѣпя сердце и со всевозможнымъ почтеніемъ къ столпному делегату, мы отвѣтили въ такомъ родѣ:

—Вы желаете бороться съ извѣстными врагами, желаете проводить извѣстныя мнѣнія,—такъ вотъ я, вполне одобряя Ваши цѣли и раздѣляя Ваши мнѣнія,—указываю Вамъ факты, которые должны освѣтить Вамъ ту почву, на которой Вы хотите дѣйствовать, и указываю Вамъ на тѣ зацѣпки, за которыя Вы можете ухватиться въ Вашей дѣятельности.

—Все это такъ, но Вы говорите все объ Украинѣ, и у Васъ Украина является, какъ что то особенное, а мы должны дѣйствовать за одно въ борьбѣ съ общимъ врагомъ.

—Я говорилъ объ Украинѣ, потому что таковъ выбрался сюжетъ, и потому что я, да и Вы,—думаемъ дѣйствовать именно на Украинѣ. но въ такомъ же родѣ можно было бы повести рѣчь напр. и о Швеціи, или Италіи, Литвѣ Арменіи и т. п., если бы кто изъ насъ вздумалъ заняться именно этими странами. О томъ же, точно ли Украина представляетъ такія особенности,—отчего?—отъ Великороссіи напр., какія я въ ней вижу,—это вопросъ отдѣльный, котораго я едва коснулся, и дѣйствительно любопытный: я готовъ о немъ спорить; теперь я представилъ Вамъ рядъ фактовъ, указывающихъ между прочимъ на эти особенности и допускаю возможность, что я многое подобралъ ошибочно и односторонне,—конечно, безъ умысла,—а потому очень буду радъ, если кто либо, Вы напр., дополните или даже опровергнете мои факты и дадите новые. Но только такъ и знайте, что если Вы не опровергнете моего положенія, что украинская жизнь представляетъ массу чертъ, отличныхъ отъ чертъ жизни напр.

великорусской, то должны будете признать необходимость специализации всякой культурной, политической и социальной деятельности на Украинѣ. Хотите—приступимъ къ анализу этихъ украинскихъ особенностей, начиная напр. съ языка.

—Нѣтъ, я этимъ вопросомъ не занимался,—и при этомъ я думаю, что вообще не слѣдуетъ поднимать такихъ вопросовъ, въ виду необходимости единства силъ и проч. и проч.

Съ тѣхъ поръ прошло 11 лѣтъ,*) въ теченіе которыхъ намъ пришлось и устно, и печатно говорить объ Украинѣ съ добрыми 200 «русскихъ революціонеровъ, социалистовъ» и пр.,—извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, ученыхъ и неученыхъ,—но всѣ наши бесѣды были только болѣе или менѣе повтореніями вышеизложенной бесѣды. Первый вопросъ, какой мы отъ нихъ слышали, когда мы имъ говорили о разнообразіи того, что они называли русскимъ народомъ,—былъ (да простятъ намъ это уподобленіе) вопросъ щедринаскаго градоначальника, увидѣвшаго рѣку тамъ, гдѣ по его мѣтнію, ей быть не подобало: «за тѣмъ»? А когда мы имъ объяснили,—что *за тѣмъ*, чтобъ наилучше бороться съ общимъ врагомъ, наилучше устроить именно общій союзъ, они намъ отвѣчали по большей части фразами о единствѣ рода человѣческаго, существующемъ, или будущемъ, съ прибавкою нотацій о необходимости космополитической солидарности, и о вредѣ національной исключительности, нотацій, которыя уже потому излишни, когда рѣчь идетъ объ украинской національности, что эта національность именно тогда, когда была болѣе самостоятельна, вовсе и не думала противопоставлять себя «Европѣ» или человѣчеству, и только тогда и отдѣлилась отъ «Запада», когда попала подъ опеку обрусителей. Многіе же отвѣчали намъ просто раздражительными обвиненіями.

Въ послѣдніе годы мы дождались счастья увидѣть противъ себя такого же рода возражателей и съ польской стороны! Всего любопытнѣе, что наши возражатели, которые никакъ не хотятъ признавать государственныхъ и плебейскихъ національностей,—ни необходимости нарочито приспособленныхъ

*) Писано въ 1882 г. Прим. издат.

къ нимъ политико-соціальныхъ организацій, ни даже устраненія розни между образованными и мужицкими классами, напр. по языку,—самымъ серьезнымъ образомъ воображаютъ именно себя интернаціоналистами, и даже «народниками». *)

Странные интернаціоналисты эти не хотятъ замѣчать, что вмѣсто человѣчества, да еще социалистическаго, они подсовываютъ намъ государство. аристократическое, буржуазное и бюрократическое,—и при томъ неизбежно національное же, и что ихъ псевдо-космополитическая проповѣдь противъ «націонализма» вовсе не туда направлена, куда бы слѣдовало, т. е. не на тѣхъ, кто давить чужія національности, а на тѣхъ, кто отбивается отъ давленія. и что подставка вмѣсто между-народности обезнародиванія поддерживаетъ только монополию привилегированныхъ, оффиціальныхъ народностей и отнимаетъ у націй, которымъ не посчастливилось сохранить свою государственную независимость, т. е. у націй мужицкихъ, отнимаетъ именно ихъ интеллигенцію, т. е. естественныхъ организаторовъ массъ и для самой социальной борьбы,—и въ концѣ концовъ обращаетъ такихъ псевдо-космополитовъ изъ противниковъ «общаго врага» въ его союзниковъ, безсознательныхъ, а иногда такъ и сознательныхъ.

Впрочемъ одинъ изъ органовъ «русскихъ революціонеровъ» имѣлъ смѣлость, послѣ общихъ фразъ о томъ, что для него всѣ національности равны,—прямо сознаться въ своей солидарности съ представителями существующаго эксплуататорскаго строя по вопросу о негосударственныхъ національностяхъ. Мы говоримъ о «Набатѣ». **)

*) По части интернаціонализма положеніе дѣлъ дошло до полнаго комизма: напримѣръ, небольшая группа украинскихъ социалистовъ пишетъ не только по украински, но и по великорусски, и по польски,—тогда какъ еще ни одинъ великорусскій, или польскій социалистъ не издалъ ни строчки по украински,—и въ тоже время изъ среды ихъ раздаются голоса, которые усиливаются представить именно украинскихъ социалистовъ узкими и нетерпимыми націоналистами даже передъ заграничною публикою. (См. статьи г.г. П. Л., Б. Ливановскаго и Аксельрода въ *Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik* и нашу замѣтку «Der kleinrussische Internationalismus», тамъ же).

**) Мы предвидимъ замѣчаніе, которое мы слышали устно отъ тѣхъ изъ русскихъ социалистовъ, которые будучи на дѣлѣ обрусителями, въ тоже время не любятъ,

Въ статьѣ «Револүція и принципъ національности» этотъ органъ говоритъ между прочимъ: «Въ каждой странѣ, или лучше въ каждомъ *государствѣ*, какъ бы ни былъ разнообразенъ его національный и племенной составъ, всегда есть и всегда долженъ быть классъ людей, у которыхъ національныя, племенные особенности почти совершенно изгладилась и которыхъ въ этомъ смыслѣ можно назвать общеруссами, общепольскими, общепольскими, общепольскими, общепольскими и т. п. Классъ этотъ слагается во первыхъ изъ такъ называемаго «служилаго сословія»: изъ бюрократіи, закрѣпленной государствомъ, утратившей, подъ его нивелирующимъ давленіемъ всѣ свои національныя особенности, до мозга костей пропитавшейся его идеалами, его воззрѣніями, его инте-

Когда къ нимъ практикѣ подбираютъ настоящую теорію, замѣчаніе, что «Набатъ» не можетъ считаться представителемъ русскихъ революціонеровъ и социалистовъ, изъ которыхъ нѣсколько, довольно извѣстныхъ лицъ, даже нарочито отреклись отъ него въ протестъ, напечатанномъ въ «Общинѣ». Дѣйствительно, собственно набатскій кружокъ, вовсе не пользуется симпатіями среди русскихъ революціонеровъ и социалистовъ, и съ практической стороны, «Набатъ» не имѣетъ никакого значенія въ «русскомъ революціонномъ движеніи», — въ противность тому, что объ этомъ говорятъ заграничныя корреспонденты и русскіе прокуроры. Но тѣмъ не менѣе «Набатъ» высказывалъ не разъ теоріи, очень распространенныя въ русскихъ революціонныхъ кругахъ, напр. теоріи террористовъ, и до извѣстной степени былъ правъ, когда, хоть и въ видѣ агитаціи въ пользу якобинскаго конспираціонизма, все-таки проповѣдовалъ необходимость политической революціи въ Россіи въ то время, когда доктринеры, социаль-демократы и анархисты считали возможнымъ цѣлѣмъ перенести въ Россію политику разныхъ фракцій Интернаціонала, выросшаго тамъ, гдѣ уже люди добились извѣстной политической свободы. — Надо также прибавить, что статья «Набата», изъ которой мы дѣлаемъ выписку, написана противъ брошюры «Записки кхворусскаго социалиста», въ которой между прочимъ употреблено довольно неудачное выраженіе о необходимости «націонализированія социализма», хотя, при доброй волѣ, можно было легко понять, что тутъ дѣло идетъ не объ идеяхъ социализма, которыя, какъ всякія идеи, всемірны, а о практическомъ примѣненіи ихъ, приемахъ пропаганды, и ея организаціи, — которые, неизбѣжно, должны быть локализованны, и слѣдовательно и націонализированны. (См. объ этомъ IV томъ, «Громады», «Впередъ и націонализированье социализма». «Мы и «Набатъ»). А самъ «Набатъ» долженъ былъ признаться, что онъ согласенъ на «націонализированіе средствъ» социаль-революціонной дѣятельности, — только идея объ этой націонализаціи затуманилась у него смѣшеніемъ понятія о націи съ понятіемъ о государствѣ.

ресами; во вторыхъ—изъ интеллигенціи. Наука, какъ извѣстно, оказываетъ на людей почти столь же нивелирующее вліяніе, какъ и государство на бюрократію... Помимо государства съ его бюрократическою централизаціею и науки съ ея космополитизирующимъ вліяніемъ,—устраненію національныхъ особенностей, нивелированію людей, подведенію ихъ подъ одинъ *обще-національный*, обще-человѣческій типъ,—въ значительной мѣрѣ содѣйствуетъ экономическій, торгово-промышленный прогрессъ. Фабричное производство, ставя рабочую массу въ совершенно однообразныя, общенаціональныя условія труда,—развивая въ ней одинаковыя привычки, окружая ее одинаковою обстановкою, обобщая ея интересы и потребности, сглаживаетъ не только *національныя*, но даже и чисто *индивидуальныя* различія рабочихъ. Типъ *фабричнаго*, типъ *пролетарія* имѣютъ на столько же обще-національный характеръ, какъ и типъ «интеллигентнаго челоуѣка».

«Такимъ образомъ, мы видимъ, что всѣ главнѣйшіе факторы буржуазнаго прогресса, — государство, наука, торговля, промышленность,—имѣютъ одну и ту же *общую тенденцію*: всѣ они въ большей или меньшей степени, стремятся сгладить національныя особенности, когда то такъ рѣзко раздѣлявшія между собою людей; стремятся смѣшать послѣднихъ въ одну общую, однородную и одноформенную массу, подвести ихъ подъ одинъ общій знаменатель, вылить ихъ въ одинъ обще-національный, общечеловѣческій типъ. Какъ бы мы ни ненавидѣли буржуазный прогрессъ, но эту тенденцію его мы должны признать—съ точки зрѣнія нашихъ идеаловъ и нашихъ интересовъ—въ высшей степени благотворною. Дѣйствительно, буржуазный прогрессъ, нивелируя людей, уничтожая ихъ племенные и національныя перегородки, подготавливаетъ почву для торжества нашихъ идеаловъ; самъ того не желая, онъ безсознательно пролагаетъ путь къ практическому осуществленію идей *братства и равенства*. (Набатъ 1878, книга, 75—77).

Весьма похожее на то, что сказано особенно въ началѣ вышеприведенной выписки—и даже терминъ—*обще-національный*, какъ противоположность племенному, народному,—при чемъ терминъ «общенаціональный» понимается вовсе не въ

предѣлахъ дѣйствительной націи (какъ напр. общевеликорусскій сравнительно съ повгородскимъ, московскимъ и т. п.), а въ предѣлахъ государства съ оффиціальною національностью, которая должна покрыть всѣ самыя разнонаціональныя населенія,—мы читали десятки разъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ». Интересно, что почти тоже недавно мы прочитали въ статьяхъ противъ украинскаго движенія, написанныхъ г. Л. Алексѣевымъ отъ имени русскихъ «народниковъ изъ Малороссіи», въ «Русскомъ Богатствѣ» 1881 г. Родоначальниками всей этой радикальной катковщины во всей Европѣ были французскіе якобинцы временъ Великой Революціи съ ихъ борьбою противъ всякихъ проявленій провинціальной самостоятельности, отъ политическаго федерализма и до народныхъ языковъ (не только нарѣчій французскаго языка, но и провансальскаго и даже бретонскаго, итальянскаго, нѣмецкаго языковъ). которымъ они противопоставляли языкъ французскій, какъ *національный* (о последнемъ см. напр. статью «La Convention et les idiomes locaux» въ *Mélange de linguistique et d'anthropologie* par Ab. Novelacque etc. 1880, 226—238). Вотъ ввиду такихъ совпаденій, слова «Набата» и получаютъ значеніе, надъ которымъ очень серьезно стоить подумать тѣмъ, кто не желаетъ Россіи катковщины или монархической, или якобинской.

Уже въ самомъ началѣ тирады «Набата» бросается въ глаза признаніе за нѣчто нормальное государственнаго давленія на національныя различія и доктрины государственной національности, которая почти столько же надѣлала бѣдъ съ в. XVIII ст. какъ надѣлала бѣдъ въ XVI—XVIII в. доктрина государственности. Интересно при этомъ, что перечисляя общенаціональные типы, «Набатъ» не называетъ напр. ни общеавстрійцевъ, ни обще-швейцарцевъ. Дѣло въ томъ, что вовсе не всякое государство стираетъ національныя особенности,—а только государства военно-бюрократическія, централизованныя,—исключая Сѣв. Ам. С. Штатовъ, которые имѣютъ дѣло не съ націями, а съ колонистами разныхъ націй, пріѣзжающими въ среду націи англосаксонской. При этомъ вышеупомянутыя государства стираютъ особенности вовсе не всѣхъ, а

только покоренныхъ націй и при этомъ покровительствуютъ развитію національности господствующей, на которую и опираются подобные государства. Во Франціи напр. «общефранцузы» состоятъ прежде всего изъ французовъ, потомъ изъ офранцуженныхъ провансальцевъ, бретонцевъ, басковъ, фламандцевъ, нѣмцовъ, итальянцевъ,—и ихъ точнѣе всего слѣдовало бы называть просто французами, какъ всѣхъ обрусѣвшихъ или общеруссовъ—просто великоруссами. Вотъ почему въ такихъ государствахъ, въ которыхъ претендующая на господство національность сравнительно не очень сильна,—и не можетъ образоваться прочный государственно-национальный типъ. Такова напр. Австрія, въ которой прежде хотѣли сдѣлать такимъ типомъ нѣмецкій,—и въ которой теперь уже стараются лѣпить, говоря языкомъ «Набата»,—вм. обще-австрійцевъ,—обще-нѣмцевъ, обще-венгровъ, обще-хорватовъ, обще-поляковъ (въ Галиціи). Мы сомнѣваемся, чтобы и эта лѣпка привела къ какому нибудь не только полезному, но даже просто прочному результату,—но во всякомъ случаѣ вотъ уже вамъ «страна, или лучше государство», въ которомъ «обще-национальнаго» типа нѣтъ, такъ какъ обще-австрійцы есть развѣ между шпионами, шулерами да кокотками. По другимъ причинамъ, нѣтъ обще-национальнаго типа въ Швейцаріи, какъ въ государствѣ, въ которомъ нѣтъ господствующей національности,—а есть граждане четырехъ національностей, во всемъ равноправныхъ, объединенные между собою сознаніемъ выгоды такого равноправнаго союза. Въ этомъ сознаніи и состоитъ, если уже хотите, обще-швейцарская національность, но такая обще-национальность не имѣетъ ничего общаго съ тою, о которой говоритъ «Набатъ». Она подходит къ обще-человѣчности, какую совершенно напрасно «Набатъ» ставитъ, какъ синонимъ своей «обще-национальности». Такую обще-человѣчность порождаетъ напр. вліяніе науки, которую «Набатъ» тоже совершенно напрасно поставилъ въ одинъ рядъ съ военно-бюрократическимъ государствомъ и съ распространяющею общее малокровіе и худосочіе капиталистическою фабрикою. Наука,—какъ и свобода,—федерируетъ національности и культивируетъ ихъ, сглаживая ихъ слабости и раз-

вивая ихъ сильныя стороны,— и возводить націи до человѣчества,— а военно-бюрократическое государство, даже въ случаѣ успѣха, только замѣняетъ одни національности другими, часто далеко не лучшими, а въ случаѣ неуспѣха, только рождаетъ ненависти между національностями. Затѣмъ, даже при успѣхѣ вытѣпльиванья государственныхъ національностей, черезъ подавленіе національностей негосударственныхъ, неизбѣжно должно совершаться культивированье у первыхъ преимущественно тѣхъ чертъ, которыя нужны военно-бюрократическому государству, т. е. чертъ съ одной стороны угловатыхъ и хищническихъ, а съ другой приниженныхъ, т. е. во всякомъ случаѣ чертъ служебныхъ, а вовсе не человѣческихъ.

Справедливость сейчасть сказаннаго доказывается наблюденіемъ надъ населеніемъ тѣхъ именно мѣстностей, гдѣ процессъ вытѣпльиванья привилегированной національности имѣлъ наиболѣе приложенія;—такова напр. Пруссія,—которая сложилась черезъ насильственную германизацію славянъ и литовцевъ: безспорно особенности пруссакъ отъ другихъ нѣмцевъ самыя несимпатичныя изъ всѣхъ нѣмецкихъ особенностей и противны именно, какъ антитеза общечеловѣческому идеалу. Едва ли также съ точки зрѣнія этого идеала можно отдать предпочтеніе и привѣтствуемому «Набатомъ» типу великорусскаго или овеликорушеннаго (по «Набату» общенаціональнаго) *фабричнаго* передъ типомъ напр. украинскаго поселаннина или казака, котораго нѣкоторыя черты такъ симпатично набросалъ напр. Чернышевскій. Тоже слѣдуетъ сказать и объ «общенаціональномъ» типѣ русскаго солдата, въ которомъ собираются почти всѣ наименѣе симпатичныя черты великорусскаго племени и черезъ армію накладываются на индивидуумы всѣхъ націй, подчиненныхъ великорусскому государству *).

*) Нѣкоторыя данныя относительно того, какъ именно денационализація напр. украинскихъ крестьянъ подъ вліяніемъ великорусскихъ фабричныхъ и армейскихъ условій жизни прямо ведетъ къ ихъ деморализаціи во всѣхъ смыслахъ этого слова, читатель найдетъ въ вашей книгѣ «Нові українські пісні про громадські справи»; на представленныхъ тамъ примѣрахъ видно,

Что же касается до пользы для человечества от стирания не только національностей, но даже индивидуальностей, то мы считаемъ излишнимъ и говорить объ этомъ. Тотъ, кто представляетъ себѣ социалистическій идеалъ не въ видѣ аракчеевскихъ военныхъ поселеній, а именно въ видѣ братства развитыхъ всецѣло, (или *интегрально* развитыхъ, какъ говорятъ западноевропейскіе социалисты) индивидуумовъ, тотъ съ негодованіемъ отвергнетъ восхваленіе «Набатомъ» вліянія теперешнихъ фабрикъ на стираніе особенностей индивидуальныхъ,—и за тѣмъ, немного только подумавши, долженъ такъ же отнестись и къ вліянію военно-бюрократическихъ государствъ на стираніе національностей,—т. е. собственно національностей негосударственныхъ.

Впрочемъ самъ «Набатъ» проговаривается такъ, что можно думать, что онъ самъ замѣчаетъ весь софизмъ, заключающійся въ увѣреніи, будто военно-бюрократическое государство имѣетъ космополитизирующее вліяніе и стираетъ *всю* національности, а не одни только побѣжденные. Когда ему приходится говорить о разныхъ національностяхъ въ частности, то онъ забываетъ заявленіе, что для него нѣтъ «ни эллина, ни іудея»,—а явно склоняется на сторону національностей господствующихъ, причемъ поляковъ поставляетъ въ рядъ послѣднихъ, даже въ противорѣчіе съ ученіемъ о необходимости образованія напр. «общеруссовъ въ Россіи». Съ явнымъ умысломъ газета перечисляетъ народы въ такомъ порядкѣ: «якуты, чуваша, малоруссы» съ одной стороны,—и «великоруссы, поляки, нѣмцы, французы» съ другой (стр. 68), а перечисляя народы, изъ

кромя того, что именно высшая культура украинскаго мѣшанина, казака и крестьянина стала съ XVIII в. уступать передъ низшей великорусской культурой единственно вслѣдствіе грубаго давленія государственной власти, а потомъ подъ вліяніемъ созданнаго ею обрусенія образованныхъ классовъ, удалившаго ихъ отъ простонародья. «Космополитизирующее вліяніе науки» тутъ ни при чемъ!—Прибавимъ еще замѣчаніе—впрочемъ, не настаивая на его точности,—что, по нашимъ наблюденіямъ надъ овеликорушенными украинцами, когда національный характеръ разлагается подъ чужимъ несвободнымъ вліяніемъ, то позучаемая такимъ образомъ почва усваиваетъ преимущественно дурныя качества чужой національности и теряетъ именно хорошія качества своей.

которыхъ русское государство «должно» вытѣпливать «общенациональный» типъ, — «Набатъ» называетъ «великоруссовъ, малоруссовъ, бѣлоруссовъ, финновъ, латышей», но не чазываетъ поляковъ. Конечно, со стороны московской катковщины такое распредѣленіе и забвеніе нелогично, — но оно будетъ вполне логично, если стать въ одно и тоже самое время на точки зрѣнія катковщины московской и польской, на какихъ очевидно стоитъ органъ «русскихъ революціонеровъ». Сдѣланная же выше выписка изъ «Набата» вполне подходитъ къ идеямъ и польской катковщины: поляки имѣютъ остатки своего завоевательно-бюрократическаго государства въ Галиціи, имѣютъ свою аристократію и буржуазію, даже и въ земляхъ, подчиненныхъ другимъ государствамъ, особенно въ Россіи; — какъ же не признать за ними права вытѣпливать изъ національностей латышской, литовской, бѣлорусской и украинской свой «общенациональный» типъ, — своихъ «обще-поляковъ»?

Такимъ образомъ, мы съ «Набатомъ», ѣдучи впередъ по дорогѣ къ общечеловѣческому социализму, пріѣхали назадъ къ доктринѣ исторической Польши! Само собой разумѣется, что «Набатъ» вполне сочувственно относится къ польскимъ революціоннымъ стремленіямъ. Но специально по вопросу объ исторической Польшѣ онъ не высказался ясно, быть можетъ, потому что и не имѣлъ къ тому случая. Но одинъ разъ онъ высказалъ совсѣмъ не космополитически-соціалистическую нѣжность къ остатку исторической Польши въ Галиціи. Разбирая нашу брошюру «Внутреннее рабство и война за освобожденіе», и встрѣтивъ въ ней указаніе на то, какъ польская аристократія и буржуазія съ бюрократіей гнетутъ галицкихъ русиновъ, — «Набатъ» замѣтилъ: «чрезвычайно странно и прискорбно встрѣчать какія бы то ни было косвенныя или прямыя отрицанія чему бо то ни было польскому на страницахъ славянскихъ революціонныхъ изданій», — при чемъ изложилъ нашу мысль такъ, какъ будто мы говорили, что гнететъ русиновъ въ Галиціи «народъ польскій». (Наб., 1877, № 3—6).

Такимъ образомъ, если только «Набатъ» представляетъ хоть какія нибудь фракціи великорусской демократіи, напр. что нибудь въ родѣ «якобинцевъ или бланкистовъ» («Набатъ»

прежде и назывался обыкновенно «якобинскимъ» органомъ),— то отношеніе этихъ фракцій къ полякамъ, по крайней мѣрѣ въ Россіи, можетъ быть только одно изъ двухъ: или онѣ составляютъ самую лѣвую сторону всеобрусительной катковщины,—(въ родѣ напр. многихъ демократовъ-германизаторовъ въ Пруссіи и Австріи) или при первомъ случаѣ, (а случай такой долженъ, по нашему мнѣнію, скоро представиться, такъ какъ польскій вопросъ не можетъ не подняться въ теперешнее время въ Россіи) присоединятся къ польскимъ историческимъ патріотамъ, сначала самаго лѣваго направленія, а потомъ, неизбежно, и къ коалиціи правыхъ и лѣвыхъ партій среди этихъ патріотовъ. Последнее наиболѣе вѣроятно,—и въ такомъ случаѣ историческая роль этихъ фракцій вполне ясна: полякамъ онѣ не помогутъ, а послужатъ только лишнимъ оправданіемъ для московской реакціонной катковщины.

Извѣстно, что «Набатъ» представлялъ по многимъ вопросамъ противоположность другому органу великорусскихъ революціонеровъ 70-хъ годовъ, «Впередъ». Но по вопросу негосударственныхъ національностей и, конечно, по вопросу польскому, между обоими органами не оказалось почти никакого различія. Мы впрочемъ должны остановиться на «Впередѣ» подольше, такъ какъ этотъ органъ имѣлъ случай высказаться по занимающимъ насъ вопросамъ гораздо болѣе систематично и съ большими подробностями.

II.

«Впередъ» зачинался, какъ извѣстно, въ Цюрихѣ въ 1872—73 гг., среди борьбы тѣхъ кружковъ, которые къ нему примкнули, съ т. наз. бакунистами, или ан-архистами,—и уже поэтому въ немъ должны были найти себѣ мѣсто мысли, которыя составляютъ родъ уступки со стороны великорусскихъ социалъдемократовъ этимъ бакунистамъ, какъ напр. признаніе принципа федеральнаго и нѣкоторыя всеславянскія стремленія. Но надъ всѣми этими уступками во «Впередѣ» преобла-

даетъ основная государственная идея,—на манеръ идеи нѣмецкихъ социаль-демократовъ, а потому и въ вопросѣ объ организаціи социалистическаго движенія въ Россіи «Впередъ» сталъ не столько на федерально-народную основу, сколько на государственно-національную.

«Впередъ», конечно, призналъ необходимость мѣстныхъ и слѣдовательно національныхъ приспособленій въ работѣ для осуществленія интернаціональныхъ стремленій социализма. Въ программѣ «Впереда» читаемъ: «приходится дѣйствовать въ данной мѣстности, на общество, говорящее *даннымъ языкомъ*»,—по этому и «національности представляютъ совершенно реальную и неизбѣжную почву для каждаго общественнаго процесса». Но когда пришлось опредѣлить, какова же именно та *данная* почва, на которой думаетъ дѣйствовать «Впередъ»,—у послѣдняго не оказалось ясныхъ опредѣленій. Разъ онъ говорить о «*Россіи*», какъ о своемъ «*отечествѣ*», въ другой о «*русскомъ народѣ*», [какъ о своемъ народѣ,—а потому когда «Впередъ» говорить о «спеціальныхъ русскихъ цѣляхъ» и «русскихъ интересахъ», то совсѣмъ нельзя понять, что онъ подъ ними разумѣетъ: совокупность ли спеціальныхъ цѣлей и интересовъ всѣхъ *данныхъ* національностей Россіи,—какъ государства, которое не совсѣмъ точно называютъ русскимъ государствомъ (къ сожалѣнію прилагательное *россійскій* рѣдко теперь употребляется въ русской литературѣ) или же цѣли и интересы дѣйствительнаго «русскаго народа». Не менѣе темны остаются и представленія «Впереда» объ этомъ русскомъ народѣ. Какъ извѣстно, о русскомъ народѣ (и соотвѣтственно о языкѣ) существуютъ въ Россіи три главныхъ мнѣнія. По первому, народъ этотъ—единообразенъ во всемъ своемъ составѣ отъ Карпатъ до Амура, такъ что различія его, даже такія, какъ велико-бѣло и мало-русскія до того ничтожны, что не имѣютъ никакого практическаго значенія, при чемъ племя великорусское считается за представителя всѣхъ остальныхъ. По второму, «русскій народъ» есть только отвлеченіе,—въ дѣйствительности представляемое двумя «русскими народностями», велико-бѣлорусскою и украинскою,—или великорусскою и украинско-бѣлорусскою,—или же тремя народностями.

Третье мнѣніе, — какъ среднее между предыдущими признаетъ двѣ или три крупныя разновидности русскаго народа и извѣстное практическое значеніе ихъ, но не признаетъ за различіями этихъ разновидностей такой силы, которая бы давала основаніе считать ихъ за вполне самостоятельныя націи. Первое мнѣніе принимается правительствомъ и представляется въ печати, напр. г. Катковымъ, впрочемъ только г. Катковымъ-публицистомъ съ 60-хъ годовъ, потому что Катковъ-ученый 40—50-хъ годовъ примыкалъ скорѣе даже ко второму, чѣмъ къ третьему мнѣнію. Это второе мнѣніе раздѣляютъ почти всѣ ученые филологи и этнографы въ Россіи и за границей.*) Третье мнѣніе раздѣляли прежніе московскіе славянофилы и въ томъ числѣ г. И. Аксаковъ еще въ «Днѣ» 1862—64 г. (теперь онъ пристрастился къ катковскому мнѣнію).

Каждому изъ этихъ теоретическихъ мнѣній соотвѣтствуетъ и практическая программа, — литературная и политико-соціальная. Понятно по этому, что и партія социалистическая, которая признала необходимость опираться на *данныя* національности, съ ихъ *данными* языками, — должна была начать съ выбора между вышесказанными тремя понятіями о «русскомъ народѣ», — какъ только она выбрала за почву для своей дѣятельности этотъ народъ. Бакунинъ напр., какъ мы видѣли, заговоривъ въ Лигѣ Мира и Свободы объ этомъ народѣ, прямо началъ съ того, что отвергъ мнѣніе о его единствѣ и за тѣмъ, сообразно этому отрицанію, построилъ необходимость самостоятельной организаціи трехъ его частей, — а приступивъ къ агитаціи среди нихъ, онъ пустился въ ходъ, хоть и не совсѣмъ удачно, — и публикацію не только на великорусскомъ, но и на украинскомъ языкѣ. Очевидно, что при катковскомъ взглядѣ на единство русскаго народа и при желаніи дѣйстви-

*) Такимъ образомъ выходитъ очень курьезное обстоятельство: о разнообразіи русскаго народа учатъ въ книгахъ и съ кафедръ, а единообразіе проповѣдываютъ только въ нѣкоторыхъ газетахъ; правительство же согласно съ газетными невѣждами и софистами, и руководствуется ихъ голосами въ такихъ серьезныхъ дѣлахъ, какъ напр. народное образованіе. Что если бы подобнымъ же образомъ выбрало себя правительство совѣтниковъ напр. по вопросамъ объ архитектурѣ. То то бы костей наломали! А мозги все стерпаты!

вать для всѣхъ его частей, редакція „Впередъ“ порекомендовала бы своимъ единомышленникамъ ограничиться только публикаціями на великорусскомъ языкѣ, какъ на русскомъ по преимуществу;—при Костомаровскомъ взглядѣ пришлось бы и самый «Впередъ» издавать, по крайней мѣрѣ на двухъ языкахъ, или раздѣлить на два изданія, особенно въ виду того, что «Впередъ» получалъ не мало средствъ изъ Украины; при старо-аксаковскомъ взглядѣ можно бы было сохранить великорусскій языкъ, какъ языкъ «общества»,—для такъ называемыхъ «интеллигентныхъ» читателей, а рядомъ издавать элементарныя книжки и листки для читателей изъ «народа», или изъ «простолюдія»,—въ родѣ того, какъ это недавно предположила было дѣлать редакція «Русской Соціально-Революціонной Библіотеки».*)

Къ сожалѣнію «Впередъ», въ противоположность Бакунину, не поставилъ ясно вопроса о томъ, что же такое тотъ русскій народъ, русская національность, русскій языкъ, т. е. тѣ данныя, на которыхъ онъ предположилъ опереться, и не рѣшилъ этого вопроса вообще. Въ частности же, гдѣ «Впередъ» говоритъ о народномъ бытѣ, или объ исторіи, видно, что для него слово «русскій»—синонимъ слова «великорусскій». Такъ напр. въ статьѣ «Счеты русскаго народа съ династіей Романовыхъ» читаемъ: «Тому двѣсти шестьдесятъ лѣтъ *русскій народъ общими усиленіемъ* освободилъ Москву... и земскій соборъ *русской* земли избралъ перваго Романова въ *московскіе* цари. Съ тѣхъ поръ (1613) начались счеты между домомъ Романовыхъ и русскимъ народомъ». Всякій знаетъ, что въ «общемъ усиленіи» 1613 г. участвовали только великоруссы,—а украинцы и бѣлоруссы были тутъ ни при чемъ, (или были скорѣе противъ Романова, въ войскахъ польскаго короля,—почему историци-федералисты, говоря о событіяхъ того времени, употребляли

*) Кстати будетъ сказать, что до сихъ поръ всѣ, кто писали популярныя вещи напр. на украинскомъ языкѣ, писали на немъ и для «интеллигенціи». Уже изъ этого видно, что раздѣленіе языковъ: для интеллигенціи и для народа не только не демократично, но и непрактично.

такія [выраженія, какъ «*Великорусскія* области и смутное время», (Щаповъ) или «Смутное время въ *Московскомъ* государствѣ» (Костомаровъ). Счеты украинцевъ и бѣлоруссовъ съ домоу Романовыхъ начались нѣсколько позже, а именно съ казацкихъ договоровъ на Украинѣ и съ городскихъ въ Бѣлорусси въ 1654 г. Но объ этихъ договорахъ,—гораздо болѣе опредѣленныхъ, чѣмъ сомнительная записъ, взятая будто бы съ перваго Романова великорусскимъ земскимъ соборомъ, и вообще о счетахъ украинцевъ и бѣлоруссовъ съ Романовыми «Впередъ» не упомянулъ вовсе. Только въ одномъ мѣстѣ «Впередъ» прикоснулся къ этимъ счетамъ, въ словахъ: «не гнало ли правительство школъ на югъ *Россіи*, подъ предлогомъ сепаратизма,—въ букварахъ?» Но мѣсто это вдвойнѣ и не ясно, и неточно: во первыхъ, что это за югъ *Россіи*? Скрываетъ ли подъ собою это географическое выраженіе,—родственное тѣмъ, которыя придумываетъ русское правительство, или подцензурная печать для названія областей съ особымъ отъ великорусскаго населеніемъ,—какое нибудь этнографическое понятіе, или нѣтъ? А во вторыхъ,—если выписанное выраженіе относится къ Украинѣ, а не напр. къ Самарской губерніи,—то на Украинѣ, главная бѣда не въ томъ, что русское правительство «закрыло школы подъ предлогомъ сепаратизма въ букварахъ»,—(закрывало оно школы и въ Петербургѣ: «подъ предлогомъ» того, что въ нихъ читали «Молодую Россію») а въ томъ, что оно въ 1863 г. сначала синодскимъ и валуевскимъ распоряженіемъ по цензурѣ запретило печатаніе украинскихъ книгъ педагогическаго содержанія, а потомъ «Положеніемъ о школахъ 1864 г.» окончательно изгнало изъ школъ на Украинѣ, какъ и въ Бѣлорусси, иной языкъ, кромѣ «русскаго», великорусскаго. Вотъ невеликоруссамъ и было интересно знать мнѣніе новаго органа «русскихъ социалистовъ» о такихъ счетахъ невеликорусскихъ народовъ съ великорусскимъ государствомъ. Если русскій народъ одинъ и на Двѣпрѣ, и на Нѣманѣ, какъ и на Волгѣ,—тогда и предписанное Положеніемъ 1864 года единообразіе (предписанное, какъ обыкновенно дѣлается въ законахъ, однимъ умолчаніемъ о другихъ языкахъ, кромѣ „русскаго“,—

великорусскаго, не составляет никакого преступленія противъ народовъ украинскаго и бѣлорусскаго. «Впередъ» ничѣмъ не выразилъ своего мнѣнія о такихъ мѣрахъ правительства Романовыхъ къ поддержанію,—или, лучше, къ установленію единообразія «русскаго народа» въ широкомъ смыслѣ этого слова. Къ «единству» же Россіи «Впередъ» относится симпатично, говоря, что «избраніе перваго Романова было выраженіемъ общенароднаго желанія поддержать единство *Россіи*» и что «народъ русскій желалъ единства, выдержалъ тяжелую борьбу за это единство,—которое, какъ извѣстно, выразилось сначала въ московской, а потомъ петербургской централизаціи,—подъ династіями рюриковой, и гольштинской, изъ которыхъ послѣдняя такъ не нравится «Впереду».

Полагаемъ, выписанныхъ мѣстъ достаточно, чтобы показать, что «Впередъ» принимаетъ слово «русскій» народъ за синонимъ «великорусскаго», а въ частности можетъ быть причисленъ скорѣе къ тѣмъ изъ употребляющихъ въ такомъ смыслѣ это слово, которые не признаютъ за достойныя вниманія особенности невеликорусскихъ народовъ, нежели къ тѣмъ, которые, сохраняя имя русскихъ только для великоруссовъ, въ тоже время признаютъ бѣлоруссовъ и украинцевъ за самостоятельныя племена, со всѣми практическими послѣдствіями такого признанія. Что «Впередъ» понимаетъ слово «русскій» и «Россія, наше отечество» въ великорусско-централистическомъ смыслѣ, это видно всего лучше въ томъ мѣстѣ его программы, въ которомъ говорится объ отношеніяхъ Россіи и Польши. Это мѣсто тѣсно связано съ тѣмъ, что великорусскій органъ говоритъ о славянскихъ дѣлахъ вообще,—по этому мы выпишемъ изъ «Впереди» довольно большую тираду, тѣмъ болѣе, что, какъ читатели наши могли уже замѣтить на примѣрѣ Бакунина, характеръ отношеній великорусскаго публициста къ вопросу польско-россійскому обуславливаетъ и его отношенія къ славянамъ вообще.

«Живыми партіями въ средѣ славянъ,—говоритъ «Впередъ»,—мы признаемъ лишь тѣ, которыя напишутъ на своемъ знамени, рядомъ съ девизомъ независимой національности, девизъ соціальной борьбы противъ монополіи частныхъ соб-

ственниковъ и капиталистовъ, научной борьбы противъ религіознаго элемента. Для насъ безсмысленна и достойна сожалѣнія борьба національности, которая сковываетъ своими идеалами независимости мертвые и вредные идеалы православія или католицизма, безнравственныя преданія феодализма, боярства или шляхетства. Соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови; ихъ передовымъ кружкамъ мы съ радостью откроемъ страницы нашего журнала, мы будемъ рукоплескать ихъ побѣдамъ; мы надѣемся, что имъ и только имъ удастся возстановить независимость ихъ родины... Мы вполне увѣрены, что всѣ наши единомышленники въ Россіи... хотѣли бы вѣстѣ съ нами... чтобы наше «Впередъ» сдѣлалось программой славянской федераціи, органомъ всѣхъ славянъ, дошедшихъ до сознанія, что будущее для славянства, какъ и для всего человѣчества, заключается въ девизѣ: наука и община, истина и трудъ, война идоламъ и монополиямъ!»

«Это разрѣшаетъ и самый трудный, повидимому, для русскаго вопросъ, вопросъ польскій. Кто поставилъ интересы хлопковъ выше интересовъ шляхты, кто бьется за идеалъ европейской федераціи свободныхъ общинъ, тотъ нашъ братъ и союзникъ. Въ будущей федераціонной Европѣ границы между федеративными единицами будутъ имѣть крайне малое значеніе. Если бы нашимъ единомышленникамъ пришлось говорить во всероссійскомъ земствѣ о вопросѣ между Россіею и Польшею, они предложили бы, конечно, чтобы каждая община рѣшила самостоятельно, независимо отъ всей предъидущей исторіи, къ какой національности, къ какому государственному или соціальному центру она потянетъ. При дальнѣйшемъ же самодержавіи общинъ различіе національностей становится лишь блѣднымъ преданіемъ исторіи, безъ практическаго смысла. Защитники преобладанія шляхты и союзники католицизма — враги наши, потому что они, прежде всего, враги народа польскаго».

Такимъ образомъ, для редакціи «Впередъ» во первыхъ «Россія», за исключеніемъ провинцій несомнѣнно польскихъ, есть «національность», а во вторыхъ, для провинцій такъ

сказать сомнительныхъ она не предполагаетъ иного исхода, какъ только выборъ одной изъ двухъ національностей одного изъ двухъ государственныхъ и даже какихъ то соціальныхъ (экономическихъ??) «центровъ»,—или Польши, или Россіи, т. е., конечно, Великороссія. А такъ какъ Великороссія въ частности нигдѣ и не соприкасается съ собственно польскими землями, а потому нигдѣ и не найдется такая община, о которой бы пришлось узнавать, хочетъ ли она примыкать къ Польшѣ, или Великороссіи,—то слѣдовательно рѣшать таковую дилемму единомышленники «Впереда» будутъ предлагать только общинамъ украинскимъ, бѣлорусскимъ и литовскимъ, о самомъ существованіи которыхъ нѣтъ во всей программѣ «Впереда» ни одного слова. Этимъ общинамъ не полагается третьяго рѣшенія, напр. въ смыслѣ полной самостоятельности отъ обоихъ предположенныхъ редакціей «центровъ». Такимъ образомъ мы наталкиваемся здѣсь опять на двѣ катковщины:—великорусскую и польскую!*)

Послѣ всего сказаннаго выше мы считаемъ излишнимъ возражать противъ этихъ двухъ катковщинъ,—и потому мы бы и совсѣмъ не говорили больше о выписанной изъ «Впереда» тирадѣ, если бы въ той части ея, которая говоритъ о славянскихъ соціальныхъ партіяхъ не было одного пункта, котораго нельзя пропустить безъ вниманія. Пунктъ этотъ заключается въ словахъ: «соціальныя партіи Сербіи, Кроаціи, Чехіи, Польши, Галичины суть наши братья по дѣлу и по крови». Знакомые съ дѣломъ читатели усмотрятъ, конечно, смѣшеніе понятія о государствѣ съ понятіемъ о національности и во всемъ этомъ перечисленіи. Но особенно страннымъ является сопоставленіе соціальныхъ партій Польши и Галичины. О какой Польшѣ тутъ идетъ рѣчь? Если, какъ слѣдуетъ думать по сейчасъ сказанному, о Польшѣ исторической—(такъ какъ границы Польши народной, этнографической, извѣстны и теперь безъ опроса общинъ),—то и Галичина вся есть часть

*) Считаемъ не лишнимъ сказать, что всѣ вышележащія замѣчанія были нами высказаны редакціи «Впередъ», когда намъ была сообщена ея программа въ литографированномъ еще изданіи.

исторической Польши, а слѣдовательно никакой соціальной партіи галицкой, отдѣльной отъ польской, быть не можетъ. Если же тутъ говорится о Польшѣ народной, то въ нее входитъ и западная Галиція, слѣдовательно въ области галицкой соціальной партіи останется только восточная Галиція, которую дѣйствительно можно назвать Галичиной. Но эта Галичина заселена народомъ русинами, которые ничѣмъ не отличаются отъ народа подольской и волынской губерній который «Впередъ» предполагилъ еще спрашивать, хочетъ ли онъ потянуть, или иѣтъ къ польскому центру? Галицкіе русины какъ и російскіе подоляне, составляютъ часть племени, или націи украинской. Но если можетъ быть соціальная партія «галицкая» въ Австріи,—то почему же не быть украинской партіи въ Россіи? Почему въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ «Впередъ» говоритъ о російской имперіи, онъ ни однимъ словомъ не упомянулъ даже о возможности существованія политическихъ и соціальныхъ организацій другихъ, кромѣ русской и польской, Россіи и Польши? Вѣдь «русины» въ Галиціи стоятъ совершенно въ такихъ же отношеніяхъ къ полякамъ (Польшѣ), въ какихъ «малороссы» стоятъ въ имперіи Романовыхъ къ великоруссамъ (Россіи). Или, быть можетъ, романовскіе «русины» включены въ число тѣхъ «другихъ племенъ», о которыхъ говоритъ программа «Впередъ» нѣсколько далѣе, обѣщая имъ въ случаѣ успѣха «единомышленниковъ» своихъ,—разныя политическія свободы (мысли, слова, ассоціацій) съ довольно впрочемъ темною и, послѣ заявленій въ космополитическомъ духѣ, нѣсколько неожиданно оговоркою: «мы оставляемъ въ сторонѣ, какъ чуждые общечеловѣческимъ (?) цѣлямъ и русскимъ интересамъ (?) всѣ частныя и мѣстныя вопросы (?), лежащія внѣ этой области?» *)

*) Какъ отличенъ отъ блѣдныхъ и уклончивыхъ формулъ «Впередъ» ясный языкъ Бакунина, который еще въ 1862 г. писалъ отъ имени «русской революціонной партіи»: «Хотимъ, чтобъ Польшѣ, Литвѣ, Украинѣ, Финляндіи и Латышамъ прибавитѣйскимъ, а также и Кавказскому краю была возвращена полная свобода и право распорядиться собою и устроиться по своему произволу, безъ всякой съ нашей стороны вышательства, прамого или косвеннаго».

Можетъ быть, романовскіе украинцы, равно какъ и бѣлоруссы, и включены въ число этихъ «другихъ племенъ»,—но можетъ быть, и не включены; можетъ быть, по ииѣнію «Впередъ», интересы ихъ вполнѣ помѣщаются въ его «русскихъ интересахъ». Судя по всему, выпсанному изъ «Впередъ» выше, можно думать, что послѣднее предположеніе всего вѣроятнѣе. Понятно по этому, что «Впередъ» не только не могъ стать «органомъ всѣхъ» славянскихъ социалистовъ, какъ онъ на то надѣялся, но даже не могъ дать своимъ единомышленникамъ въ Россіи вѣрнаго взгляда на организацію и способы пропаганды социалистическихъ ученій среди разныхъ племенъ ея населенія. Боязнь же его рѣшительно выступить противъ всякихъ поползновеній и софизмовъ польскаго историческаго патріотизма заявленіемъ, подобно Бакунинскому, что истинная Польша—есть только страна, въ которой чернорабочія массы—поляки,—т. е. *Польша этнографическая*, поставила его на такую наклонную плоскость, по которой онъ чѣмъ далѣе, все больше долженъ былъ скользить въ сторону уступокъ польскому историческому патріотизму. И если этими уступками «Впередъ» не надѣлалъ большихъ бѣдъ, ни полякамъ, ни социалистическому движенію въ Россіи, то только потому, что время, когда онъ выходилъ, было довольно глухое относительно польскихъ дѣлъ и потому единомышленники «Впередъ» могли обнаруживать свою уступчивость передъ польскимъ историческимъ патріотизмомъ только платоническими манифестациями. Такова напр. была въ особенности рѣчь г. П. Лаврова на одномъ изъ банкетовъ, данныхъ въ Лондонѣ въ 1875 г. и описанныхъ во «Впередѣ» 1875, №№ 3 и 24.

Первый изъ упомянутыхъ банкетовъ былъ данъ въ память возстанія 1863 г. Здѣсь К. Марксъ произнесъ рѣчь, въ которой, по обыкновенію, настаивалъ на необходимости «возстановить Польшу», чтобъ разорвать связь между Россіей, Пруссіей и Австріей,—какую Польшу,—историческую, или этно-

«Хотимъ братскаго, и если возможно, федеральнаго союза съ Польшою, Литвою, Украиною, Прибалтійскими жителями и народами Закавказскаго края. Народное Дѣло, 41—42».

графическую?—нѣмецкій ораторъ не сказалъ,—но, конечно, ту, за которую было возстаніе 1863 г. Никто изъ ораторовъ, ни поляковъ, (напр. г. Врублевскій), ни великоруссовъ, которые всѣ говорили о польскомъ народѣ и его будущей соціальной свободѣ, не поднялъ вопроса о другихъ народахъ въ предѣлахъ этой Польши. Довольно близко подошелъ было къ этому вопросу одинъ изъ ораторовъ, г. Судзиловскій,—названный въ «Впередѣ» «русскимъ», изъ Могилевской губерніи, т. е. изъ Бѣлоруссіи. Онъ сказалъ было, что «не смотря на симпатіи къ польскому движенію 1863 г. онъ не могъ не замѣтить, что на его родинѣ народъ (какой? бѣлорусскій? русскій? польскій?) далеко не былъ на сторонѣ революціи; напротивъ, крестьяне нерѣдко шли открыто противъ возставшихъ, видя въ нихъ бунтующихъ пановъ. По его мнѣнію, «польская революція (1863) была революціей шляхты, а не народа,—и въ этомъ причина ея неудачи.» Но и г. Судзиловскій, судя по крайней мѣрѣ по отчету «Впереды», не поставилъ вопроса: что же такое его «родина»?—Польша или нѣтъ?—и можетъ ли быть въ ней какая бы то ни было *польская* революція иная, кромѣ революціи шляхты? Онъ сказалъ только, что польскіе революціонеры не должны забывать, что если польскому дворянству и буржуазіи надоѣло московское иго,—то не меньше надоѣло польскому народу (гдѣ? въ Бѣлоруссіи?) иго шляхетское (г. Судзиловскій могъ бы сказать въ соотвѣтствіе словамъ «иго московское»—«бѣлорусскому народу надоѣло иго польское») и что «путь соціальной революціи есть единственный путь для польскаго народа» (а для бѣлорусскаго?) Однако и такое замѣчаніе вызвало, по словамъ отчета во «Впередѣ», «возраженіе г. Врублевскаго, ссылавшагося на цифры»—и г. Судзиловскій «на это отвѣчалъ, что его воззрѣнія сложились лишь на основаніи видѣннаго и слышаннаго въ той мѣстности, гдѣ онъ жилъ» (т. е. въ могилевской губерніи). Этимъ разговоръ и кончился! Редакція «Впереды» съ своей стороны заявила въ общихъ словахъ привѣтъ «той группѣ польской эмиграціи, которая рѣшительно отказалась отъ старой, чисто-политической агитаціи для народно-соціалистическихъ началъ, распространенныхъ на всѣ племена, на

всѣ языки такимъ образомъ, чтобъ свободная будущность польскаго народа было обезпечена международнымъ социальнымъ переворотомъ». Но замѣчаніе это теряетъ двѣ трети своей цѣны именно по своей абстрактности,—такъ какъ, конечно, для польскаго народа всего интереснѣе социальный переворотъ среди народовъ ему сосѣднихъ, въ томъ числѣ среди народовъ: литовскаго, бѣлорусскаго и украинскаго. А о нихъ то ни однимъ словомъ не было упомянуто ни на банкетѣ, ни въ газетѣ, его описавшей.

Если заявленія польскихъ и великорусскихъ ораторовъ на первомъ банкетѣ страдали преимущественно боязливою неясностью, то рѣчь великорусскаго оратора на второмъ банкетѣ,—въ память возстанія 1831 г. носила на себѣ характеръ явнаго отклоненія въ сторону стараго польскаго патріотизма даже отъ заявленій сдѣланныхъ на первомъ банкетѣ. Прежде всего совсѣмъ даже не понятно, зачѣмъ понадобилось социалистамъ и при томъ не полякамъ праздновать годовщину возстанія 1830 г., которое не имѣло въ себѣ даже той демократической доли, которая все таки была въ возстаніи 1863 г. На второмъ банкетѣ полякъ, рабочій Якубовскій прямо сказалъ, что революція 1831 г. была «панская»,—и слова его остались безъ возраженій. Тѣмъ не менѣе социалисты поляки, а также нѣмцы и великоруссы, приняли участіе въ празднованіи памяти объ этой революціи. Рядъ рѣчей открыли чтеніемъ зауряднаго заявленія К. Маркса и Энгельса о «необходимости независимости Польши», какъ одного «изъ основныхъ камней освобожденія европейскаго пролетаріата (!)» Двѣ рѣчи г. Врублевскаго, французская и польская, отличались рѣшительностью своихъ заявленій въ пользу социализма,—но неполнотою и неясностью ихъ частныхъ приложений къ тѣмъ странамъ, о которыхъ ему пришлось говорить. Ораторъ заявилъ, что только «социально-демократическая партія можетъ внести гармонію въ міръ славянскихъ народовъ въ Австріи»,—но не сказалъ ничего въ частности относительно народовъ польскаго и украинскаго въ самой интересной для поляковъ странѣ въ этой Австріи, въ Галиціи. О Россіи г. Врублевскій сказалъ,—что въ ней «единственная партія, имѣющая для

поляковъ значеніе, это партія соціально-демократическая» — что «польскій и русскій народъ должны возстать вмѣстѣ, какъ наши отцы говорили: за нашу и вашу вольность». Но о существованіи другихъ народовъ въ Россіи польскій ораторъ не упомянулъ, — а между тѣмъ польскій и русскій народъ могутъ «подать другъ другу руки» только при посредствѣ народовъ украинскаго, бѣлорусскаго, латышскаго и литовскаго, изъ которыхъ два послѣдніе не только не польскіе, ни русскіе, но даже и не славянскіе. Всѣ такія умолчанія главнаго оратора банкета отняли у послѣдняго всякое реальное значеніе, какое онъ могъ бы имѣть, какъ одинъ изъ сигналовъ будущей дѣятельности новой польской партіи, которая должна бы начать съ радикальнаго разрыва со всѣми старыми историческими партіями.

Великорусскій ораторъ, г. Лавровъ, началъ свою рѣчь съ восклицанія: «Товарищи-соціалисты!» и затѣмъ спрашиваетъ: «нѣтъ ли противорѣчія въ томъ, что мы сошлись помянуть добрымъ словомъ борцовъ 1830 г. за польскую національность? Не должны ли мы, во имя международнаго рабочаго соціализма, знамя котораго есть наше знамя, отречься отъ прошедшаго, разорвать связь съ традиціей политической, національной борьбы?» — и отвѣчаетъ: «Нѣтъ! Потому что международный соціализмъ не есть отреченіе отъ исторіи; онъ есть, напротивъ, продуктъ всей предыдущей исторіи», — и затѣмъ перечисляетъ историческіе примѣры борьбы съ деспотизмомъ и во имя свободы совѣсти, свободы политической, національной, пока люди поняли, что всѣ виды свободы достигаютъ при успѣхѣ международной соціально-демократической борьбы. Г. Лавровъ вспоминаетъ и римскихъ рабовъ, и англійскихъ Доллардовъ, французскую Жакерію, крестьянскую войну въ Германіи, Богумиловъ въ Болгаріи, Таборитовъ въ Чехіи, Джіордано Бруно, Социніанъ и т. п. историческихъ дѣятелей, какъ своихъ «историческихъ предшественниковъ», и приходитъ къ заключенію, что «мы, соціалисты, можемъ съ полнымъ правомъ почтить въ ряду ихъ и борцовъ за независимость польскаго народа».

Конечно, это право могло бы быть доказано и съ меньшимъ количествомъ историческихъ примѣровъ. Но если уже понадобилось перечислять «историческихъ предшественниковъ» славянскихъ соціалистовъ, то не странно ли, что рядомъ хоть съ Богумилами ораторъ не поставилъ напр. борьбы бѣлорусскихъ и украинскихъ Братствъ, въ союзъ съ протестантами, противъ католической уніи въ старой Польшѣ и Литвѣ,—или рядомъ съ Таборитами не упомянулъ напр. «Товариства (коммуны) запорожскаго», которое, кстати сказать, и самый строй таборамъ заимствовало отъ чешскихъ Таборитовъ, которымъ ходили помогать наши волинцы и подоляне въ XV в. Конечно, такіа напоминанія все равно, что тѣнь Банко на банкетахъ польскихъ историческихъ патріотовъ,—но собранію людей, отрѣшившихся отъ старыхъ предразсудковъ, этихъ напоминаній нечего было бояться. Забыть же совсѣмъ о казакахъ, не только объ украинскихъ, но и о великорусскихъ, г. Лаврову было нѣсколько странно, хоть бы въ виду того, что въ I т. «Впередъ» была помѣщена статья, въ которой проводится параллель между возстаніемъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ за независимость и Пугачевщиною, и послѣдней отдается предпочтеніе, какъ болѣе близкому историческому предшественнику русскаго соціализма. Кому же и чему оказалъ любезность г. Лавровъ своимъ умолчаніемъ? Ничему, какъ только польскому консервативно-историческому патріотизму!*)

*) Простою любезностью къ самолюбію польскихъ національ-либераловъ слѣдуетъ объяснить и слѣдующія слова г. Лаврова: «*сочиніае XVI XVII стѣковъ, которые изъ цѣлаго міри въ одной Польшѣ находили убѣжище, и тамъ въ Раковѣ, въ сарматскихъ «Аеннахъ», и послѣ въ своихъ скитаніяхъ, проповѣдывали то ученіе, которое должно было сдѣлаться религіей Вольтера, Пристля, Ченнинга*». Если бы Польша дала прочное убѣжище соціаліанамъ, то имъ нечего было бы и скитаться, какъ говорить г. Лавровъ, *послѣ*. Все дѣло въ томъ, что Польша была временнымъ убѣжищемъ соціаліанъ, какъ была и Швейцарія (особенно Базель), пока ортодоксы разныхъ вѣроисповѣданій не разбирали, чѣмъ пахнетъ ихъ ученіе, и гораздо меньше, чѣмъ напр. Трансильванія. Вскорѣ, однако, польское правительство послѣдовательнымъ рядомъ актовъ, принятыхъ именно въ то время, когда уже повсюду на Западѣ смягчался духъ религіознаго преслѣдованія (въ 1632, 1650, 1658, 1660 г.г.) уничтожило въ Польшѣ эту секту, между тѣмъ какъ въ Трансильваніи она получила признаніе въ ряду четырехъ другихъ религіозныхъ партій

Всѣ такія любезности и уступки, сопровождаемыя ни къ чему не обязывающими фразами о солидарности, — дѣло весьма обычное на международныхъ праздникахъ и особенно въ эмигрантскихъ кружкахъ, гдѣ онѣ очень часто произносятся въ силу правила: «кукушка хвалитъ пѣтуха за тѣмъ, что хвалитъ онъ кукушку». Но въ данпомъ случаѣ участвовали слишкомъ серьезные люди и при томъ представители двухъ начинающихся движеній, а потому всего полезнѣе для обонхъ было бы, безъ всякаго лавирования, поставить крупныя точки на всѣхъ и сложнаго польскаго вопроса. Повторяемъ, большой бѣды всѣ эти лавирования никому не причинили, — но все таки они задержали среди склонныхъ къ социализму поляковъ развитіе идей, вполне радикально разрывавшихъ съ старыми польскими политическими стремленіями, и порождали въ польскомъ, если не въ великорусскомъ, обществѣ все таки довольно вредныя недоразумѣнія. Такимъ недоразумѣніемъ было напр. то, что галицко-польскія шляхетско-буржуазныя газеты долго говорили о «Впередѣ» съ большою симпатіею, и самъ «Впередъ» (1875, № 17) перепечаталъ отзывы о русскихъ социалистахъ одной изъ нихъ, «Dziennika Polskiego», (кстати сказать, одной изъ самыхъ нетерпимыхъ къ русинамъ). Эта газета заявила, что сама не признаетъ социалистическаго идеала, но полагаетъ, что будущая революція въ Россіи (w Moskwie) будетъ социальная и говоритъ съ большою симпатіею о русскихъ (moskiewskich) революціонерахъ. Если по словамъ „Dz Polsk“ (1877,

въ 1571 г. и сохранилась до сихъ поръ. Въ Трансильванію бѣжали соцініане и изъ Польши, а также въ Пруссію и Голландію. гдѣ полякъ-соцініанинъ Любеницкій продолжалъ изданіе раковской Bibliotheca fratrum polonorum. Незлишнымъ считаемъ замѣтить, что между соцініанами въ старой Польшѣ и Литвѣ были и бѣлоруссы, — какъ напр. Будный, защитникъ сохраненія бѣлорусскаго языка среди опозначившейся шляхты, — и украинцы, какъ напр. Сивюты, Немирчи и пр. Изъ послѣднихъ происходилъ и извѣстный казакскій полковникъ, авторъ гадячскаго договора 1658 г., по которому въ Украинѣ и въ Бѣлоруссіи должны были быть учреждены университеты съ свободой преподаванія, дана свобода открытія гимназій, типографій и свобода печати. Этотъ Немирчи самъ долженъ былъ бѣгать отъ польскихъ законовъ въ Голландію.

№ 278) «московскіе революціонеры нуждаются въ полякахъ, какъ поляки въ московскихъ революціонерахъ»,—то при заявленномъ выше несогласіи въ идеалахъ, очевидно, желаемый газетою союзъ долженъ бы страдать всѣми слабыми сторонами союза 1863 г.,—и «будущая социальная революція» въ Россіи могла быть интересна партіи «Dziennika» только какъ «смута».

Подобныя, крайне вредныя для „московскихъ революціонеровъ“ заявленія симпатій со стороны шовинистскихъ галицко-польскихъ газетъ прервались только тогда, когда въ Галицію проникло дѣйствительно „непримиримое“ для таможенныхъ господствующихъ классовъ (польскихъ) украинское социалистическое движеніе, которое тамошнія польскія газеты, по своему обыкновенію, объявили было новымъ видомъ „московской интриги“. Съ тѣхъ поръ,—со времени львовскихъ процессовъ 1877—1878 гг.,—польскіе шляхетское-буржуазные органы стали со злобою говорить и объ издателяхъ „Впередъ“, помѣщая ихъ, вмѣстѣ съ украинскими дѣятелями, въ разные фантастическіе комитеты, будто бы посылающіе изъ Женевы и Лондона своихъ агентовъ въ Галицію для посѣванія смуты сначала между русинами, а потомъ и между поляками *). Но и тогда „Dziennik Polski“,—поражая издателей женевскихъ украинскихъ брошюръ, противопоставлялъ имъ «истинныхъ московскихъ революціонеровъ» (iscie rewolucyjne organy moskiewskie), которые-де выступаютъ противъ женевскихъ украинцевъ

*) См. особенно Gazeta Narodowa 1877, № 137 (о пропагандѣ «наиболѣе страшнѣйшаго терроризма» и «разбойничьихъ социализмъ московскомъ»), а также въ Dz. Polskim 1877, № 133. Галицко-польскія газеты пробовали сначала отдѣлать «московскихъ разбойниковъ-нигилистовъ» отъ нѣмецкихъ социалистовъ, но когда пронесся слухъ, что и эти послѣдніе предпринимаютъ социалистическую пропаганду на польскомъ языкѣ въ Познани,—то обрушились и на нихъ, не смотря на всѣ ихъ симпатіи «возстановленію Польши». Тревога, однако, оказалась совершенно напрасною: «Германская социальная демократія» такъ и не собралась на изданіе польской социалистической ни газеты, ни даже брошюры для поляковъ входящихъ въ составъ германскаго государства. Для этого надо было самихъ поляковъ, да еще изъ Россіи. Фактъ поучительный для сторонниковъ государственныхъ основъ для организаціи социалистическихъ партій.

за нихъ «непріязненное отношеніе къ полякамъ», т. е. собственно къ польской шляхтѣ и къ польскимъ порядкамъ въ Галиціи. (Подъ этими «органами» по всей вѣроятности, разумѣется «Пабать»).

Теперь, когда дѣятельность «московскихъ нигилистовъ» принимаетъ болѣе политическое, чѣмъ соціально-экономическое направленіе, отзывы о нихъ польскихъ газетъ становятся опять болѣе симпатичны,—и когда, какъ слѣдуетъ непремѣнно ожидать, въ польскихъ областяхъ Россіи поднимается опять національно-политическое движеніе, то ученіе о томъ, что «московскіе революціонеры нуждаются въ польскихъ патріотахъ, какъ польскіе патріоты въ нихъ «конечно опять должно пойти въ ходъ. По сколько тутъ дѣло идетъ о дѣйствительно польскомъ народѣ и исполнѣ законныхъ требованій поляковъ,—въ предѣлахъ этнографической Польши ученіе это исполнѣ основательно. Но по сколько тутъ идетъ дѣло объ историческомъ и даже шовинистическомъ патріотизмѣ польскомъ, отъ догматовъ котораго не думаютъ отступать ни на іоту галицкія польскія газеты, ученіе это заключаетъ въ себѣ зародышъ ошибокъ, подобныхъ тѣмъ, какія были сдѣланы въ 1863 году. Вотъ тутъ то и нужно «московскимъ революціонерамъ» избѣгать такихъ неясностей, умолчаній и любезностей, какія мы видѣли въ отношеніи къ Польшѣ въ «Впередѣ», а равно остерегаться такихъ заявленій, какія были сдѣланы подъ однимъ изъ почтеннѣйшихъ именъ въ русской революціонной средѣ на жевскомъ митингѣ 30 ноября 1880 года въ память польскаго возстанія 1830 г.,—въ словахъ: «я не знаю, какъ глубоко вкоренены въ Польшѣ національныя чувства и насколько могутъ оне препятствовать развитію социалистическаго движенія. Наши товарищи поляки, которые дѣйствовали въ Польшѣ, надѣются, что чувства эти не препятствуютъ этому движенію не могутъ, и мнѣ кажется, что мы можемъ имъ вѣрить. А если они и ошибаются,—такъ что жъ этого? Ежели національное возстаніе еще разъ вспыхнетъ въ Польшѣ, тогда слишкомъ поздно будетъ противудѣйствовать ему посредствомъ какой бы то ни было социалистической пропаганды. Тогда и они (польскіе

соціалісты), можетъ быть, примутъ участіе въ этомъ возстаніи,—и мы, можетъ быть, примемъ въ немъ участіе. Тогда это будетъ уже дѣло не убѣжденій, а чувства темперамента!» (Biblioteka Równosci», t. I, 71, Mowa ob. Wiary zasulicz).

Мы считаемъ излишнимъ повторять здѣсь слова Чернышевскаго о недостаточности однихъ чувствъ, а тѣмъ болѣе темперамента для вѣрнаго направленія политической дѣятельности. Но совершенно уместно будетъ замѣтить по поводу этихъ словъ, что единственное средство предохранить отъ напрасной гибели и будущее польское національное движеніе, и тѣхъ соціалистовъ, польскихъ и русскихъ, которые „можетъ быть пристанутъ къ нему“,—это: всегда строго ставить себѣ и другимъ вопросъ о томъ,—гдѣ польское національное движеніе имѣетъ себѣ мѣсто, а гдѣ нѣтъ? т. е. вопросъ о границахъ настоящей Польши,—а также никогда не ставить польскаго вопроса только между Польшей и Россіей, поляками и великоруссами (русскими, rossyjanami),—а между поляками и литвинами, латышами, бѣлоруссами и украинцами,—т. е. и въ томъ и въ другомъ случаѣ поступать не такъ, какъ поступалъ „Впередъ“ и ораторы женевского митинга 1880 г.

Единственное средство дать здоровое направленіе польскому національному чувству въ вопросахъ организаціи политической и соціалистической революціи,—это организація политическихъ и соціалистическихъ партій для націй плебейскихъ въ бывшей Польшѣ,—а именно партій литовской, латышской, бѣлорусской и украинской, на совершенно равной ногѣ съ партіями польскими и великорусскими. И наибольшая услуга, какую могли бы оказать „русскіе“ революціонеры и соціалисты своимъ польскимъ друзьямъ,—если уже не говорить о народахъ,—это способствовать организаціи вышеупомянутыхъ партій. Правда, что для этого имъ самимъ надо радикально отрѣшиться отъ своихъ національно-государственныхъ предразсудковъ и согласиться на раздѣлъ того, что имъ кажется единою Россією и едино-русскимъ.

Но такое отрѣшеніе и такое согласіе развиваются и среди «русской интеллигенціи» также туго, какъ и среди польской. Это подтверждается, кромѣ всего сказаннаго выше,

судьбою среди другихъ группъ русскихъ социалистовъ 70-хъ годовъ той группы, которая всего болѣе хотѣла остаться вѣрно направленною, данному Бакунинымъ. Мы разумѣемъ ту группу, которая издавала въ 1874 г. въ Женевѣ газету «Работникъ»,—первый опытъ великорусской социалистической газеты для рабочихъ. Между прочимъ редакціей «Работника» издана была книга «Сытые и Голодные», по нашему мнѣнію, вмѣсто съ брошюркою «Хитрая Механика», лучшая до сихъ популярная социалистическая книга на великорусскомъ языкѣ. Въ книгѣ этой, представляющей опытъ изложенія исторіи пролетаріата, довольно послѣдовательно проведена ан-архическая, федеральная точка зрѣнія и относительно исторіи Россіи: областному элементу указано подлежащее мѣсто; борьба украинцевъ съ Польшою и московская централизація освѣщены вѣрно; даже польское возстаніе 1863 г. и участіе въ немъ великорусскихъ демократовъ объяснено тоже довольно вѣрно, во всякомъ случаѣ съ должной критикою. (стр. 409—412). Последнее тѣмъ болѣе интересно, что въ редакціи «Работника» принималъ участіе г. Н. Жуковскій, великорусъ, который въ свое время былъ судимъ за раздачу прокламацій въ арміи, благопріятныхъ польскому возстанію. «Работникъ», конечно, не смогъ взять на себя инициативы изданій для народа на другихъ языкахъ, кромѣ великорусскаго, и остался собственно не общерусскою, а только великорусскою газетою, но въ его типографіи была напечатана и прокламація на украинскомъ языкѣ «Золота Грамота», (правда, не вполне удачная) составленная лицами, которыя хотя и пристали къ великорусскимъ социалистамъ, но которыя не совсѣмъ забыли, что украинскій народъ представляетъ свои особенности по крайней мѣрѣ хоть по языку. Но на этомъ и окончились попытки дифференцированія русскихъ ан-архистовъ въ Женевѣ. Они не только не дошли до всероссійской федералистической организаціи, но не поставили и общаго вопроса о ней, хоть такъ, какъ пробовалъ было ставить его Бакунинъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ скоро оказалось, что и въ томъ своемъ видѣ, въ какомъ сложилась группа «Работника», она не встрѣтила поддержки въ Россіи, въ которой изъ всѣхъ социалистическихъ

фракцій, фракція «Работника» оказалась самою слабою численностью, и потому должна была скоро прекратить свои публикации.

Въ 1878 г. нѣкоторые члены изъ редакціи «Работника», вмѣстѣ съ другими лицами, попробовали было основать въ Женевѣ газету «Община». Эта послѣдняя въ своей программѣ помѣстила нѣсколько строкъ, которыя показывали намѣреніе вывести «русскую соціально-революціонную партію» изъ обрусительнаго унитаризма «Набата» и «Впереда» *). Въ статьѣ г. Жуковского «Реформы и революція» сдѣлана была еще болѣе рѣшительная попытка указанія необходимости народно-областной дифференціаціи дѣла соціалистической пропаганды въ Россіи и оцѣнка значенія заявившаго уже тогда себя украинскаго соціалистическаго движенія, между прочимъ какъ такого, которое выходитъ за предѣлы Россійскаго государства, а потому тѣмъ болѣе не можетъ быть уложено въ рамки російской соціаль-демократіи. г. Жуковскій писалъ:

«Мысль о благодѣтеляхъ, о диктаторахъ, о комитетахъ, предприсывающихъ движеніе сверху внизъ, отходить въ область прошлаго вмѣстѣ съ старымъ понятіемъ о самой революціи.

«Движеніе должно совершаться уже самими дѣйствующими, должно идти съ низу вверхъ, отъ частнаго къ общему, отъ секціи къ федераціи, области секцій; отъ областной къ національной, отъ національной къ міровой.

«Въ политикѣ, въ государствѣ, факція государственная стираетъ личность, уничтожаетъ ее. La raison d'Etat, какъ финскій молохъ, пожираетъ своихъ собственныхъ дѣтей,

*) Вотъ относящееся сюда мѣсто изъ объявленія объ изданіи «Общины», — появившагося за подписью Н. Аксельрода, Н. Жуковского, Д. Клеменса и З. Разли: «Для соціалистовъ, ведущихъ пропаганду на русскомъ языкѣ и дѣйствующихъ въ предѣлахъ русскаго государства, населеннаго разными племенами, отличающимися другъ отъ друга своими обычаями, языкомъ, отношеніемъ къ вещамъ и лицамъ, единственный путь для успѣшной борьбы съ государствомъ и господствующимъ экономическимъ порядкомъ, представляетъ свободный союзъ мѣстныхъ и національных соціалистическихъ группъ. Только подъ ихъ дружными, соединенными усилиями можетъ рухнуть зданіе современнаго строя въ томъ чудовищномъ учрежденіи, которое называется Россійской имперіей».

отнимая у нихъ личность. Въ положительной организаціи, въ общественной организаціи труда, каждый работникъ, каждый членъ общества становится, напротивъ, сознательной личностью; не онъ существуетъ для организаціи, а организація для него.

«Такова (?) революціонная мысль, съ которой въ позднѣйшее время молодежь наша пошла въ народъ.

«Въ молодежи украинской автономныя и демократическія идеи проявились съ новой силой въ концѣ шестидесятихъ годовъ; малороссійскіе революціонеры на этотъ разъ болѣе рѣшительно примыкаютъ къ общесвропейскому федеративному социализму.

«Украинская молодежь выбита изъ узкой колеи пропаганды въ одной только русской Украинѣ; она выступаетъ въ открытое, вѣгосударственное, интернаціональное поле. Ошибся Александръ Николаевичъ: онъ думалъ разомъ положить конецъ революціонной пропагандѣ, а она не только выросла въ Украинѣ русской, но вошла въ предѣлы его сосѣда-союзника, австро-венгерскаго императора. Такъ-то сложилась украинская социалистическая партія. Въ силу самихъ обстоятельствъ она должна быть федеративная: съ одной стороны, она федерируется съ федералистами-революціонерами Россіи, съ другой съ западно- и юго-славянскими революціонерами, польскими и всякими другими социалистами-революціонерами, приписывающими федерализмъ за основу организаціи.

«Въ этомъ новомъ положеніи зародышъ будущаго народовъ, скованныхъ желѣзной лапой всероссійскаго абсолютизма. Въ нынѣшней оффиціальной Россіи «всероссійскаго» вѣдь только и есть, что солдатъ, попъ, чиновникъ и помещикъ, патронъ да купецъ; эти разнообразныя факторы власти однородны и можно назвать ихъ не только всероссійскими, но и всемірными. У русскаго правительства есть русскій жандармъ, русскій шпионъ, а народа всероссійскаго нѣтъ.

«Безъ Грузинъ, Армянъ и безчисленнаго множества пнородцевъ, которыхъ считать всероссійскими позволительно только становому приставу, въ предѣлахъ имперіи живетъ 36,000,000 великоруссовъ, 14,239,000 малоруссовъ, 4,749,212 поляковъ да 4,000,000 бѣлоруссовъ. У каждого изъ этихъ народовъ

свое бытовое устройство, свой земледѣльческій строй; каждому изъ нихъ нужно, слѣдовательно, не только предоставить право внутренняго самоуправленія, но и всѣмъ имъ предоставить право федераціи, какъ она можетъ сложиться по ихъ собственной инициативѣ. Официальная Россія, раздвинувшая завоеваніе Ермака до Восточнаго океана, подчинила и всю сѣверную Азію власти всероссійскаго становаго, а между тѣмъ въ недалекомъ будущемъ интересы восточной Сибири потянутъ больше къ Соединеннымъ Штатамъ, чѣмъ къ Петербургу или Одессѣ.

«Москвичъ, полякъ, украинецъ, сибирякъ другъ другу не указчики, а товарищи. Теперь они всѣ живутъ подъ гегемоніей великоруссовъ и называются русскимъ народомъ, потому именно, что надъ ними русскій становой; исчезнетъ становой, и всѣ эти народы будутъ предоставлены самимъ себѣ, а въ какихъ предѣлахъ и какъ они сфедерируются другъ съ другомъ, это можетъ показать только практика». (Община, № 5).*)

Но и федерализмъ и анти-государственность «Общины» не встрѣтили сочувствія въ «русскихъ» социалистическихъ кругахъ. Сама «Община» должна была помѣстить безъ всякихъ оговорокъ со стороны редакціи статью г. Як. Стефановича объ украинскомъ сборникѣ «Громада». Въ статьѣ этой всѣ указанія «Громады» на недостатокъ должной дифференціаціи въ дѣйствіяхъ и даже въ литературной дѣятельности великорусскихъ социалистовъ, взявшихся работать на всемъ пространствѣ Россіи, населенной разными народами, и о несправедливости такого образа поведенія относительно невеликорусскихъ народовъ, признаны были неосновательными, и продиктованными недоброжелательствомъ и узкимъ націонализмомъ; положеніе дѣлъ въ русской социальнореволюціонной партіи такимъ обра-

*) Мы должны упомянуть еще о статьѣ г. Аксельрода «Переходный моментъ нашей партіи» въ 8—9 № «Общины», гдѣ срезюмированы почти всѣ критическія замѣчанія «Громады» о недостаткахъ «русскаго» социалистическаго движенія 70-хъ годовъ, въ томъ числѣ и «шаблонности» приемовъ и «безплотности» формулы, которую р. соц. симили претензію перенести въ сознаніе племенъ и народовъ Россійской имеріи.

зомъ признано было вполне нормальнымъ, не требующимъ реформъ. Вскорѣ за тѣмъ одинъ изъ видныхъ великорусскихъ социалистовъ, г. П. Л. (Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879, I, 275) укорилъ «Общину» и за тѣ уступки, какія она позволила себѣ сдѣлать въ своей программѣ народно-федеральному направленію; онъ увидѣлъ въ этихъ уступкахъ «открытіе страницъ «Общины» южнорусскимъ націоналистамъ» (??)*. Когда писанъ былъ этотъ укоръ, «Община» уже перестала существовать,—и никакой другой «русскій» органъ не говорилъ уже о необходимости дифференціаціи въ дѣятельности «русскихъ» социалистовъ.

Такимъ образомъ попытки народно-федералистической реакціи противъ идеи государственной-націоналистической централизаціи въ великорусской социалистической литературѣ проявились очень слабо и скоро заглохли,—а тѣмъ самымъ оказалась невозможность для такъ называемой русской социально-революціонной партіи сдѣлаться изъ частной великорусской партіи дѣйствительно всероссійскою, и вполне интернаціональною партіею, посредствомъ *дифференцированія сверху внизъ*. Правда, послѣ сдѣланныхъ со стороны украинскихъ социалистовъ замѣчаній, не только «Впередъ», но и «Набатъ» признали въ теоріи необходимость локализаціи и даже «націонализированія средствъ» пропаганды социализма въ Россіи. «Впередъ»

*) Jahrbuch für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik, 1879. I, 275: «Община» считаетъ особенно необходимымъ, чтобы внутри русскаго государства дѣйствующія группы устроились какъ союзъ отдѣльныхъ «національных» группъ, вмѣсто того чтобы, какъ прежде всѣ социалисты (русскіе, конечно) образовывали массу, не смотря на національныя различія великоруссовъ, малоруссовъ и поляковъ. Такимъ образомъ этимъ (заявленіемъ) редакція открыла свой листокъ и (auch) южнорусскимъ націоналистамъ». Г. П. Л. не захотѣлъ обратить вниманія на то, что ненормальность прежняго положенія дѣла состояла не въ томъ, что въ русскіе социалисты поступали люди безъ различія національностей, а въ томъ, что всѣ они приспособлялись къ работѣ для одной только государственной національности. Союзная областно-національная организація не только не исключаетъ своего интернаціонализма, (не только по цѣли, но и по составу партіи).—а напротивъ справедливо осуществляетъ «требованія» интернаціональнаго социализма. Тѣ, которыхъ г. П. Л. угодно было назвать «южнорусскими націоналистами» были именно противниками національной монополіи. (Подробнѣе см. объ этомъ въ нашей замѣткѣ Der kleinrussische Internationalismus, въ томъ же Jahrbuch, т. II).

въ т. V (новой редакціи) долженъ былъ даже признаться, что напр. «Громада» вполне вѣрно указала недостатки въ дѣятельности «русскихъ» социалистовъ: «шаблонность приемовъ, слабое вниманіе къ мѣстнымъ особенностямъ» и т. п., но только объяснялъ эти недостатки не такъ, какъ «Громада», т. е. не тѣми причинами, какія мы указывали и въ настоящихъ статьяхъ,—а лишь малочисленностью русскихъ социалистовъ,—и общалъ, что «всѣ эти недостатки со временемъ исчезнутъ. Ряды социалистовъ возрастутъ и каждый изъ нихъ найдетъ себѣ мѣсто среди населенія, съ которымъ ему наилучше сблизиться. Никто не пойдетъ тогда проповѣдывать социализмъ полякамъ на еврейскомъ языкѣ, малоруссамъ на чухонскомъ (!). Практикой постепенно вырабатываются *приемы* для мѣстной пропаганды,—нѣсколько отличные отъ приемовъ пропаганды въ другой мѣстности» (Впередъ, V, 161—162). Но всѣ такія признанія не вели за собою никакихъ практическихъ послѣдствій. Напр. весь періодъ пропаганды социализма въ Россіи посредствомъ брошюръ прошелъ безъ того, чтобы русскими социалистами издана была хоть одна строчка, приспособленная,—по языку и по содержанію, въ какой бы то ни было мѣстности, кромѣ великороссійской. Исключеніе составляетъ развѣ упомянутая выше женевская «Золота Грамота». Между тѣмъ нѣкоторые лица, появившія въ русскіе социалистическіе круги изъ тѣхъ, въ которыхъ еще держались традиціи украинскаго движенія 60-хъ годовъ, чувствовали необходимость пропаганды и социализма на народныхъ языкахъ и старались проводить эту идею и среди русскихъ социалистовъ, но совершенно безуспѣшно. Еще въ 1874 г. мы видѣли въ Петербургѣ рукопись украинскаго перевода «Хитрой механики»,—которую послѣ исправленія ея со стороны языка, однимъ «украинофиломъ», который относился скептически къ задуманному тогда «хожденію въ народъ», но счелъ себя обязаннымъ оказать помощь дѣлу, во всякомъ случаѣ искренно предпринятому,—была отправлена въ Лондонъ для изданія,—котораго такъ и не дождалась ни отъ старой, ни отъ новой редакціи «Впередъ». типографія котораго, поддерживаемая между прочимъ и на средства, шедшія съ Украины, напечатала столько великорусскихъ кни-

жекъ *). Еще въ началѣ 1874 г. однимъ изъ самыхъ почтенныхъ людей процесса 193 русскихъ социалистовъ, человѣкомъ, въ которомъ первыя демократическія идеи, — (какъ и у многихъ южанъ) — были поселены украинскимъ движеніемъ 60-хъ годовъ, — была составлена брошюрка на украинскомъ языкѣ: «Правдиве слово хлѣбороба до своїхъ земляківъ» и передана одному южному «русскому» кружку для напечатанія, — но она была напечатана только въ 1876 г. «украинскими» социалистами. Эти послѣдніе увидѣли необходимость совершенно отдѣльной отъ «русскихъ» организаціи, какъ единственнаго условія для того, чтобы издавалось и дѣлалось хоть что нибудь, приспособленное къ пропагандѣ социализма среди украинскаго населенія, и чтобы такимъ образомъ Украина не была только оброчною статьею и для великорусскаго социалистическаго движенія, какъ была она и есть оброчною статьею для великорусскаго государства **).

*) По показанію автора передовой статьи въ I № «Общины», лица довольно компетентнаго, въ Россіи было распространено нѣсколько десятковъ тысячъ этихъ книжекъ.

**) Рецензентъ «Громады» въ «Общинѣ» объясняетъ отсутствіе печатанія всероссійскими социалистами книгъ на иномъ языкѣ, кромѣ великорусскаго, тѣмъ, что напр. «южнорусскіе социалисты всегда придавали несравненно большее значеніе устной пропагандѣ, чѣмъ книжной». Это опять одно изъ такихъ же изобрѣтеній россійской «самобытности», какъ и раздѣленіе языковъ, на манеръ «Русск. Соц. Рев. Библиотеки»: одинъ — для «интеллигенціи», другой для «народа». На гниломъ западѣ понимаютъ: что безъ книжной пропаганды нѣтъ и устной, какъ безъ книгъ для «интеллигенціи» нѣтъ книгъ и для «народа». Но посмотримъ, какъ стояло дѣло употребленія народнаго языка и въ устной пропагандѣ у «южнорусскихъ социалистовъ»: Въ «Воспоминаніяхъ пропагандистки» читаемъ: «языкъ малорусскій мнѣ былъ плохо извѣстенъ»; въ «Чигиринскаго дѣла» 1876 г., описаннаго въ «Червои Передѣлѣ» № 1—2, узнаемъ, что дѣйствующіе тамъ русскіе социалисты, украинскіе уроженцы, проповѣдывали организацію «тайной дружины», не зная, что по-украински «дружина» значитъ — *любовница-невеста*! По части приспособленія къ мѣстнымъ нравственнымъ особенностямъ это чигиринское дѣло тоже характерно: въ немъ пущенъ былъ въ ходъ пріемъ самозванщины, котораго, какъ видно изъ № 3 «Чера. Пер.», нѣкоторые лица не оставили и до сихъ поръ. Между тѣмъ этотъ пріемъ совершенно противенъ всѣмъ преданіямъ украинскимъ, среди которыхъ можно найти зачатки не только для болѣе чистыхъ, но и болѣе республиканскихъ пріемовъ. Но на бѣду ознакомленіе съ украинскимъ языкомъ и преданіями, научнымъ способомъ, а не налетомъ, считалось многими (въ томъ числѣ и упомянутымъ рецензентомъ «Общины») дѣломъ «буржуазнымъ», а не революціоннымъ!

Такимъ образомъ жизнь научила, что дѣйствительно все-россійскую, интернаціонально-федеральную партію и для пропаганды социализма въ Россіи надо образовывать не сверху внизъ, а *снизу вверхъ*, приготавливая для нея сначала частные, областные и національные элементы, которые уже потомъ должны будутъ сфедерироваться. Хотя такой способъ и неизбѣжно сопряженъ болѣе борьбы и временнаго раздробленія, которыхъ, конечно, лучше бы было избѣжать,—но, кажется, такой ходъ дѣла самый естественный и обѣщаетъ наиболѣе прочныхъ результатовъ,—ибо, какъ это ни грустно,—но нужно сознаться, что вообще родъ человѣческой хромаетъ по части синтеза,—и что и то еще надо счесть за счастье, если въ немъ есть достаточно людей, способныхъ хоть къ анализу!

Прежде всего сьорганизовались совершенно отдѣльно отъ «русскихъ» социалисты украинскіе, начавши съ 1875 г. печатать свои изданія въ Вѣнѣ, потомъ въ Женевѣ и Львовѣ. Съ 1878 г. появляются социалистическія брошюры новыхъ польскихъ социалистовъ и за тѣмъ программа «польскихъ социалистовъ». Около того же времени принимаются за свою организацію и бессарабскіе выходцы въ Румынію. Наконецъ въ 1880 г. въ Женевѣ печатается воззваніе отъ «группы социалистовъ-евреевъ», предполагающее печатаніе книгъ для пропаганды среди еврейскаго рабочаго населенія на Востокѣ Европы, на живыхъ его языкахъ (въ 1877 г. была сдѣлана покойнымъ Либерманомъ попытка социалистическаго изданія на древнееврейскомъ языкѣ). Характеристично, что всѣ эти зачатки новыхъ организацій не только имѣютъ себѣ цѣлью не великорусское населеніе, но, вслѣдствіе расположенія тѣхъ населеній, которыя они избрали себѣ за поле дѣйствія,—выходятъ и за предѣлы русскаго государства. Это обстоятельство дѣлаетъ еще болѣе труднымъ признаніе необходимости этихъ организацій со стороны тѣхъ, кто привыкъ видѣть всякаго «русскаго подданнаго» погруженнымъ въ заботы и работы, исключительно помѣщающіяся въ рамкахъ государства Романовыхъ, въ которомъ дѣйствительно помѣщаются всѣ почти великоруссы, за исключеніемъ небольшого числа раскольниковъ. Вотъ почему названныя великорусскія организаціи

должны были вызвать тѣмъ большую реакцію въ «русскихъ» социалистическихъ кругахъ. Даже и теперь снисходительность литературныхъ представителей послѣднихъ напр. къ украинскимъ социалистамъ не идетъ дальше признанія ихъ «фракціей русскаго социализма» (см. воззваніе, — первое, — объ изданіи «Русск. Соц.-Революц. Библіотеки» или «Нѣсколько словъ объ организаціи партій» г. Н. Лаврова въ «Черномъ Передѣлѣ» № 3), — на каковое званіе украинскіе социалисты вдвойнѣ не могутъ согласиться, такъ какъ украинское населеніе не фракція русской (великорусской) націи, а отдѣльная нація, — и такъ какъ ихъ работа въ Австро-Венгріи выводитъ ихъ за границы «русскаго» государства. Не очень же давно самая мысль о сколько нибудь самостоятельной организаціи украинцевъ, и даже, какъ это ни странно, — мысль о печатаніи книгъ на украинскомъ языкѣ, считалась у большинства «русскихъ» социалистовъ за противный социализму «націонализмъ». Также само была встрѣчена (хотя и не въ литературѣ) и мысль объ организаціи бессарабскихъ румынъ. Кто бы этому не повѣрилъ, тому любопытно было бы послушать превія на женевскомъ собраніи, созванномъ «группою социалистовъ-евреевъ» и нѣсколькими украинцами въ 1880 году для обсужденія мысли объ изданіи социалистическихъ брошюръ на разговорныхъ языкахъ евреевъ Восточной Европы. Казалось бы, какое возраженіе могла вызвать мысль объ изданіи той же «Хитрой Механики» еще на одномъ человѣческомъ языкѣ, или, пожалуй, даже «жаргонѣ»? А между тѣмъ надо приписать только чрезвычайнымъ успіямъ и такту лица, председательствовавшего на вышеупомянутомъ собраніи, что оно не окончилось крупнымъ скандаломъ. Съ такимъ озлобленіемъ отнеслась къ нему ораторы изъ русской и польской социалистической партіи, и и особенно лица еврейскаго происхожденія!*)

*) Мы считаемъ себя вправе говорить объ этомъ собраніи, такъ какъ это былъ вполнѣ публичный митингъ, созванный печатнымъ приглашеніемъ, и такъ какъ извѣстія о немъ проникли и въ газеты. Съ своей стороны мы ничего не имѣемъ противъ того, еслибы кто нибудь хотъ стенографически вѣрно напечаталъ то, что говорили на этомъ митингѣ мы и наши товарищи, равно какъ и ихъ возражатели.

Только мысль о вполне самостоятельной организаціи «польскихъ социалистовъ» не встрѣчала до сихъ поръ никакой оппозиціи со стороны социалистовъ русскихъ. Но за то среди «польскихъ социалистовъ» сейчасъ же обваружились элементы, которые раздѣлили съ русскими трудъ отрицательнаго отношенія къ мысли о необходимости существованія социалистовъ украинскихъ и даже отрицаніе существованія украинскаго народнаго элемента рядомъ съ польскимъ тамъ, гдѣ онъ несомнѣнно существуетъ, какъ напр. въ Галиціи *). Такое отношеніе сосѣдей обусловило со всѣхъ сторонъ «военное положеніе» украинскихъ социалистовъ. Крайне непріятно это положеніе и тяжела налагаемая имъ борьба,—но разъ она дана реальными условіями жизни, отъ этой борьбы нельзя отказаться. Притомъ же самая эта борьба заставляетъ украинцевъ, уже ради разсчета не остаться одному въ полѣ воинномъ, поднимать на Востокъ Европы народно-федеральную идею вообще,—поднять то знамя, которое держали въ своихъ рукахъ и великоруссы, въ родѣ Бакунина, но которое выпустили изъ рукъ ихъ близорукіе наслѣдники. Идея эта—полное равноправіе негосударственныхъ націй съ государственными, организація для каждой изъ нихъ спеціальной корпуса дѣятелей политическаго и социальнаго освобожденія и на первыхъ порахъ пропаганда освободительныхъ идей на всѣхъ языкахъ, не только панскихъ, а и плебейскихъ, какъ самое дѣйствительное средство провести эти идеи въ массы населенія всѣхъ племенъ Востока Европы **).

Въ борьбѣ за эту идею украинцамъ придется имѣть противъ себя всѣ государственно-національныя, централиستي-

*) Кто знаетъ сословно-экономическія отношенія правобережной Украины и кто знаетъ, что дѣло пропаганды социализма на Востокъ Европы до сихъ поръ ведется почти исключительно людьми и взносами панскихъ классовъ, живущихъ, конечно, хлопскимъ трудомъ, тотъ пойметъ, что Украина должна была стать оброчною статью и для польской социалистической пропаганды. Въ такомъ же положеніи находятся и Бѣлоруссія, и Литва, и земля Латышей.

**) Подробное развитіе этихъ мыслей см. въ «Громадѣ», «Листкѣ Громады», и въ «Вольномъ Союзѣ».

ческие элементы: нѣмецкіе (Германіи, Австріи и Остзейскаго края), великорусскіе, польскіе и венгерскіе,—начиная отъ консервативно-аристократическихъ и до социально-демократическихъ, но раньше или позже украинскіе социалисты-федералисты не только будутъ имѣть за собою украинскій народъ, который и теперь все же представляетъ массу до 20.000.000 человекъ, но увидятъ рядомъ съ собою федерально-социалистическія партіи: эстонскую, латышскія, литовскую, бѣлорусскую, словацкую, словенскую, румынскія, кавказскія, кружки еврейскіе (которые необходимы до слитія рабочаго элемента еврейскихъ колоній съ окружающими ихъ массами населеній),—а также здоровые отъ государственно-національной заразы элементы партій великорусскихъ, польскихъ, нѣмецкихъ и венгерскихъ *). Нѣкоторые признаки такого свѣтлаго будущаго видны уже и теперь.

III.

Къ числу упомянутыхъ уже особенностей украинскаго социалистическаго движенія—а именно выступленіи его за

*) Мы не говоримъ тутъ о сербскихъ и болгарскихъ партіяхъ, такъ какъ болгары совершенно, а сербы въ значительной и наиболѣе самостоятельной части своей земли стоятъ внѣ тѣхъ политическихъ комбинацій, въ которыя входятъ украинцы, а именно внѣ Россіи и Австро-Венгріи. Но мы не сомнѣваемся въ сочувствіи и сербовъ, и болгаръ къ федеративнымъ стремленіямъ. У болгаръ еще нѣтъ опредѣленныхъ партій, а социалистическія идеи едва начинаютъ къ нимъ проникать. Но кн. Черкасскій и ген. Эренротъ уже сломали у нихъ прежнюю вѣру въ московское славянофильство—и оправдали всѣ тѣ предсказанія, которыя украинцы, на основаніи собственнаго опыта съ XVII ст. дѣлали своимъ болгарскимъ друзьямъ еще въ 1876 г. Что касается до сербовъ, то всѣ независимые люди изъ нихъ давно уже высказывались въ федеративномъ духѣ и въ частности весьма самостоятельно относились къ украинскому движенію. (Примѣры см. въ нашей брошюрѣ: «По вопросу о малорусской литературѣ». Вѣна. 1876) Сербское социалистическое движеніе развилось въ родствѣ съ бѣлорусскимъ ан-архизмомъ,—и до сихъ поръ сохраняетъ федеративный характеръ. Когда украинскія партіи встрѣтятся съ сербскими въ Австро-Венгріи, то не можетъ быть сомнѣнія въ ихъ полномъ между собою согласіи.

границу Росії и федеративнаго его характера,—надо прибавить третью: при первомъ появленіи своемъ въ заграничній печати, въ 1876 г., украинскіе соціалісты заявили о необходимости вести агитацію не только на соціально-экономическомъ полѣ (въ Росіи и Австріи), но и на политическомъ (въ Росіи). Установленіе «политической свободы» въ томъ государствѣ, въ которомъ живетъ наибольшая часть ихъ народа, соціалісты украинцы признали мѣрою, хотя и паліативною, но существенно необходимою для положенія твердаго основанія въ ихъ странѣ для агитаціи и за соціально-экономическое освобожденіе народныхъ массъ. Къ такой постановкѣ вопроса склонило украинцевъ, кромѣ позитивнаго наблюденія надъ ходомъ исторіи западноевропейскихъ народовъ, еще и сознание, что политическая свобода есть замѣна національной независимости для ихъ народа; отсутствіе же этой независимости есть главная причина той болѣзни, которая подѣдаетъ всѣ усилія украинскаго народа къ своей эмансипаціи экономической, какъ и умственной,—такъ какъ чужія государства, владѣвшія и владѣющія Украиною, отняли у массъ народа ихъ мозги, образованные классы,—не только эксплуататоровъ, но и дѣйствительную «интеллигенцію», школу, науку, искусство. Видя, какъ народъ украинскій терпитъ тройной гнетъ въ Російской Имперіи, украинскіе соціалісты не могли, подобно великорусскимъ и повелюкорушеннымъ своимъ товарищамъ, игнорировать политическія формы жизни, хотя и поняли, что измѣненіе ихъ не можетъ быть конечною цѣлью дѣятельности. Въ виду того, что борьба за «политическую свободу» составляетъ теперь главную работу «русскихъ соціалистовъ-революціонеровъ», къ которой послѣ нѣкотораго колебанія, должны были пристать и такъ наз. «народники», не лишнимъ будетъ напомнить, что еще въ 1878 г. изданная «террористами» прокламація «Смерть за смерть» допускала возможность мира русскихъ соціалистовъ съ самодержавіемъ, лишь бы это послѣднее оставалось нейтральнымъ въ виду борьбы ихъ съ буржуазіей, и что признаніе украинскою «Громадою» необходимости борьбы за политическую свободу вызвало рѣшитель-

ное порицаніе въ народникѣ-рецензентѣ «Общины» *).

До извѣстной степени въ такомъ же положеніи, какъ украинцы, находятся, по вопросу о политической свободѣ въ Россіи, и поляки. Но по причинамъ, которыя теперь разбирать не хѣсто, польскіе соціалисты, выступившіе на сцену съ 1878 г., не считали нужнымъ высказаться ясно относительно этого вопроса. Теперь же, какъ можно видѣть изъ перепечатанныхъ и въ «Вольномъ Словѣ» заявленій двухъ фракцій польскихъ соціалистовъ («Людь Польскій» и посланіе группы «Równosc—Przedswitъ» къ «Товарищамъ русскимъ соціалистамъ»), —обѣ эти фракціи, хотя каждая по своему, признають необходимою и политическую борьбу съ деспотическимъ строемъ Россійской Имперіи.

Въ виду теперешняго согласія по этому вопросу между украинцами, великорусскими «террористами» и «народниками», и поляками, доказывать далѣе необходимость борьбы за политическую свободу въ Россіи,—значило бы выламывать открытую дверь. Теперь слѣдуетъ говорить о средствахъ, какъ наилучше повести эту борьбу.

Читая и слушая заявленія великорусскихъ революціонеровъ, замѣчаешь, что они видятъ наилучшее средство въ такъ называемомъ террорѣ, т. е. по просту въ политическихъ убійствахъ **). Это все еще остатокъ или послѣдствіе ихъ прежняго, не синтетическаго отношенія къ вопросу о политической свободѣ,—необходимость борьбы за которую великорусскіе соціалисты сначала отрицали, потомъ втянулись въ нее только рефлективно, а не сознательно, начавъ сначала мстить преслѣдовавшимъ ихъ чиновникамъ, потомъ главѣ ихъ царю, и только послѣ уже (собственно около 1880 г.) воззли въ теорію необходимость борьбы за политическую свободу. Мы оставимъ въ сторонѣ нравственныя невыгоды теоріи убійства, непременно тайнаго, —которое совершенно понятно, какъ про-

*) Любопытныхъ отсылаемъ особенно къ заключительному мѣсту рецензій въ «Общинѣ» № 8—9, стр. 20—21.

**) И польское посланіе говоритъ о «террористической борьбы за политическую свободу».

дуктъ озлобленія, внесеннаго въ общество тиранническимъ правительствомъ—но которое, будучи проповѣдуемо, какъ исключительное и даже преимущественное средство дѣйствія политической партіи, должно непременно понизить нравственный уровень ея, сдѣлать ея политическій горизонтъ и въ концѣ всего вызвать отвращеніе отъ нея въ одной части общества,—а во всѣхъ создать или поддержать политическіе нравы, которые будутъ считать убійство, казни и т. п. исключительными мѣрами самыми дѣйствительными средствами борьбы между партіями, даже революціонными *). Убійство не можетъ стать ни принципомъ, ни даже главнымъ занятіемъ политической партіи, которая должна имѣть цѣлью произвести крупную общественную перемѣну; крупная же политическая перемѣна можетъ быть достигнута только массовымъ движеніемъ образованныхъ ли классовъ, или «черни»,—или тѣхъ и другихъ вмѣстѣ,—а потому все таки вопросъ о неспроверженіи самодержавія въ Россіи сводится главнымъ образомъ къ тому,

*) Объ этомъ мы говорили не мало съ «Листовъ Громады» 1878 г., потомъ въ брошюрѣ «Терроризмъ и свобода», въ 1880 г., въ 1 Лѣ Громады 1881 г. и въ брошюрѣ «Le tyranicide en Russie et l'action de l'Europe occidentale». Съ тѣхъ поръ не произошло ничего, что бы заставило насъ перемѣнить наше мнѣніе, а случилось кой что такое, что могло укрѣпить его. Таковы напр. нѣкоторыя заграничныя заявленія (въ газетахъ и на лондонскомъ конгрессѣ), которыя стремились возвести убійство въ принципъ не только политической, но и социальной борьбы. Заявленія эти,—почти ничего не стоящіе ихъ авторы, изъ которыхъ ни одинъ не попробовалъ приложить къ дѣлу своихъ теорій ни въ Петербургѣ, ни въ Англіи, или Швейцаріи,—послужили только въ пользу русскому правительству, которое ничего такъ не хочетъ, какъ имѣть поводъ поставить себя подъ защиту общественнаго мнѣнія всего образованнаго міра. Таковы съ другой стороны слухи о томъ, что друзья самаго русскаго правительства надумались пустить въ ходъ свои тайныя политическія убійства. Признаемся, мы бы очень были рады, если бы эти слухи оказались сколько нибудь вѣрными, конечно, если бъ при этомъ ничья кровь не была пролита: это заставило бы здоровыхъ людей между революціонерами подумать серьезно, объ опасности возведенія въ принципъ явленій, хоть и неизбежныхъ, но все таки патологическихъ, и перенесенія въ дѣло революціи, а особенно социальной, да еще ан-архической, ученій іезуитскихъ.—Намъ пріятно было прочесть сейчасъ извѣстіе о заявленіи «Нар. Воли», что она считаетъ политическія убійства въ странахъ свободныхъ за проявленіе деспотизма и протестуетъ противъ деспотизма партій, какъ и лица!

какъ вызывать эти массовыя движенія и какъ согласить ихъ, разъ они проявились, каждое по своимъ причинамъ. При настоящемъ положеніи вещей въ либеральной политической реформѣ могутъ быть заинтересованы преимущественно классы образованные, — тогда какъ классы чернорабочіе интересуются преимущественно экономическими преобразованіями. Не то, чтобъ между одними и другими преобразованіями было принципиальное противорѣчіе, но практика западноевропейскихъ странъ показываетъ, что огромная часть образованныхъ либераловъ, добившись извѣстныхъ политическихъ реформъ, останавливается на нихъ, упуская изъ виду реформы экономическія, и даже потомъ перестаетъ быть либералами, по отношенію къ тѣмъ партіямъ и классамъ, которые требуютъ дальнѣйшихъ реформъ, особенно реформъ соціально-экономическаго характера. Весь трагизмъ положенія передовыхъ людей въ Россіи заключается въ томъ, что имъ приходится бороться съ самою устарѣлою политическою формою въ то время, когда европейская практика обличила недостаточность и тѣхъ формъ, которыя въ Европѣ послѣдовали за паденіемъ формъ, подобныхъ россійской деспотіи. Оттого то эти передовые люди и льстили себѣ въ 60-е и 70-е годы надеждою попасть въ четвертый классъ исторической школы, минуя второй и третій. Но разъ надежды эти оказались мечтами, колебаться далѣе оказалось не изъ чего, и самые завзятые мечтатели и самобытники пошли на то, чтобъ получить хоть самую элементарную политическую свободу, въ родѣ той, какую даетъ консервативнѣйшая изъ западноевропейскихъ конституцій, — при чемъ «пронія исторіи» задала въ Россіи роль активныхъ либераловъ именно социалистамъ, какъ наиболѣе почувствовавшимъ на себѣ когти деспотіи.

Многихъ подобное положеніе дѣлъ смущаетъ, и они (какъ напр. «Народная Воля» 1880 г.) утѣшаютъ себя тѣмъ, что изъ перваго же россійскаго земскаго собора выйдетъ и политическая свобода, и широкая экономическая реформа въ духѣ социализма. Намъ кажется, что лучше бы и не обольщаться подобными надеждами, такъ какъ массовое движеніе образованныхъ классовъ противъ самодержавія невозможно безъ участія напр. т. наз. лѣвыхъ сторонъ земствъ, а эти пар-

ти, конечно, не пойдутъ на полную экспроприацію земель и фабрикъ;—довольно съ нихъ будетъ, если они проведутъ въ общемъ земскомъ соборѣ и въ областныхъ земствахъ нѣкоторыя благопріятныя чернорабочимъ классамъ мѣры аграрныя, фабричныя и артельно-промысловыя, которыя дадутъ этимъ классамъ перевести духъ и облегчатъ ихъ организацію для дальнѣйшей, уже сознательной борьбы за социалистическій идеалъ. Практическая будущность на ближайшее время принадлежитъ въ Россіи тѣмъ своего рода политическо-соціальнымъ оппортунистамъ, которые не замедлятъ въ ней появиться среди земствъ, и для которыхъ теперешніе социалисты-революционеры только расчищаютъ дорогу. Если же кого изъ «чистыхъ» социалистовъ въ Россіи смущаетъ такая ближайшая будущность, тѣмъ самое лучшее теперь же перенести свою дѣятельность въ страны, гдѣ предстоящій Россіи политическій вопросъ, такъ или иначе уже рѣшенъ.

Для социалистовъ изъ изродностей, населяющихъ западную половину Россіи, напр. для поляковъ, украинцевъ, румынъ и отчасти евреевъ, послѣдній выходъ и не очень труденъ. Особенно поляки, украинцы и евреи могутъ найти себѣ поле дѣйствія напр. въ Галиціи, въ средѣ, вполне имъ родственной. Тамъ они найдутъ даже зачатки организаціи среди рабочихъ, заложенные благодаря инициативѣ нѣкоторыхъ украинскихъ писателей и львовскихъ рабочихъ разныхъ племенъ, на вполне здоровыхъ федеральныхъ основахъ, которыхъ не могли испортить стремившіяся провинуть и туда вліянія польскаго историческаго патріотизма. Тамъ, въ Галиціи могутъ быть образованы и испробованы кадры соціальныхъ организацій польско-украинско-еврейскихъ, какъ въ Буковинѣ украинско-румынскихъ, которые, съ установленіемъ политической свободы въ Россіи, могутъ быть прямо расширены на весь ея юго-западъ *).

Что же касается до Россіи, то въ ней пока ничего нельзя ждать, кромѣ вышеупомянутыхъ мѣръ по экономиче-

*) Мы надѣемся сказать подробно о положеніи социалистическаго движенія въ Галиціи и о значеніи его и для Россіи, въ особой статьѣ «Польскія

скому вопросу да установленія зачатковъ политической свободы,—и степень широты первыхъ и прочности вторыхъ будетъ зависетьъ отъ широты и степени сознательности массоваго движенія образованныхъ и чернорабочихъ классовъ противъ существующихъ въ Россіи политическихъ и соціально-экономическихъ порядковъ. Инициаторамъ этого движенія слѣдовало бы теперь же подумать о способахъ: а) чтобы наиболѣе заинтересовать въ предстоящемъ политическомъ переворотѣ массы народа, отчего главнымъ образомъ будетъ зависетьъ не только сила движенія, но и широта его экономическихъ результатовъ,—и б) чтобы получить зачатки дѣйствительной политической свободы, а не одно только конституціонное правленіе, т. е. правленіе парламентскаго большинства, которое еще въ добавокъ можетъ быть легко испровергнуто, при первомъ удобномъ случаѣ, монархическою властью.

Намъ кажется, что около этихъ пунктовъ группируются довольно правильнымъ образомъ надежды и опасенія, внушаемыя различными національными элементами населеній Россіи,—и если читатель будетъ имѣть немного терпѣнія прочесть еще нѣсколько параграфовъ, то онъ увидитъ, что все сказанное сейчасъ вовсе не составляетъ отступленія отъ предмета настоящихъ статей.

Само собою разумѣется, что политическая и соціальная оппозиція могла бы скорѣе всего найти себѣ сочувствіе въ тѣхъ населеніяхъ Россіи, которыя не принадлежать къ государственной національности, и потому терпятъ двойной, а иногда тройной гнетъ отъ теперешнихъ порядковъ. Надо только умѣючи взяться за дѣло агитаціи среди такихъ населеній,—чего, къ сожалѣнію, и не достаётъ въ теперешнее время. Начавши съ сѣвера,—мы видимъ, что въ Остзейскомъ краѣ

соціалистическія программы и принципы государственности»,—а теперь отсылаемъ читателя за элементарными свѣдѣніями объ этомъ предметѣ къ брошюрѣ г. Подолинскаго «Соціалисты-украинцы въ Австріи» и къ листку, который авторъ его называетъ: «Program socjalistów polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji» и который въ Женевѣ былъ переименованъ въ «Program galicyjskich socjalistów».

эстонское и латышское население чрезвычайно недовольно своими аграрными условиями и национально-юридическими привилегиями немецкой аристократии и богатой буржуазии. Население это в значительной степени организовано в разные общества и довольно грамотно. Бѣда только в томъ, что вожди его, хоть и искренніе демократы, но съ теоріями социализма не знакомы и къ тому же, по реакціи немцамъ и изъ своего рода оппортунизма, приповѣдуютъ въ своемъ населеніи надежды на русское правительство. Если бы имъ кто либо разъяснилъ, что это правительство ничего не въ состояніи дать имъ, кромѣ немецко-помѣщичьяго же гнета, или обрусительной бюрократіи, и что желаемый каждымъ латышемъ и эстомъ надѣлъ земли можетъ совершиться только во имя социалистическихъ требованій,—то дѣло политической свободы и аграрной реформы въ Россіи получило бы въ латышахъ и эстахъ дѣятельную поддержку. Мы думаемъ, что и въ Петербургѣ, и въ самой Ригѣ, можно бы было и русскимъ, и польскимъ революціонерамъ найти возможность соприкосновенія и съ эстами, и съ латышами, а литературное поднятiе среди нихъ федерально-соціального вопроса возможно было бы, при посредствѣ на первыхъ порахъ хоть немецкаго языка, даже изъ за границы.

Далѣе на югъ мы встрѣчаемъ латышей-католиковъ Витебской губерніи, и литовцевъ Виленской и Ковенской губ., въ положеніи крайне угнетенномъ со стороны национально-политической и аграрной. Настроеніе этихъ народовъ мало извѣстно, но во время крѣпостного права они довольно часто и упорно бунтовали,—и теперь бунты чиншевицкихъ, аграрныя преступленія и частыя разбои въ Литвѣ свидѣтельствуютъ о сильномъ неудовольствіи среди ея населенія,—и если объ этомъ неудовольствіи мало извѣстно, то, конечно, тому причиной полное забвеніе этого населенія со стороны живущихъ среди него образованныхъ классовъ, почти сплошь ополяченныхъ. Если бы изъ этихъ ополяченныхъ классовъ выдѣлилась хоть небольшая группа людей, которые бы обратили вниманіе на литовское населеніе, то несомнѣнно, что недовольство его теперешнимъ положеніемъ могло бы быть организовано

въ благопріятномъ для общаго движенія въ Россіи направленіи. Тоже слѣдуетъ сказать и о бѣлоруссахъ. Частые и упорные бунты ихъ противъ помѣщиковъ во время крѣпостнаго права, большое количество пѣсенъ противъ помѣщиковъ,— (безъ сравненія большее, чѣмъ у великорусскихъ крестьянъ), вовсе не говорятъ въ поддержку распространеннаго мнѣнія о пассивности и забитости бѣлоруссовъ *). Имъ просто недостаетъ образованнаго элемента, связаннаго съ ними чувствомъ и языкомъ. Такой элементъ можетъ образоваться теперь только посредствомъ выдѣленія изъ ополяченныхъ и отчасти овеликорушенныхъ образованныхъ классовъ Бѣлоруссіи.

Переходя къ народу украинскому, мы начнемъ съ одного личнаго воспоминанія. При самомъ началѣ извѣстнаго «хожденія въ народъ» русскихъ соціалистовъ, въ 1873 г. мы встрѣтили за границей одного прежняго знакомаго, бывшаго прежде нѣсколько старомоднымъ украинофиломъ, а потомъ ставшаго ревностнымъ послѣдователемъ «Впередъ», и разговаривались съ нимъ на тему о недостаточности однихъ великорусскихъ публикацій для пропаганды соціализма во всей Россіи. Къ удивленію нашему, онъ сталъ доказывать, что украинцы могутъ прекрасно понять и усвоить великорусскія-публикаціи,—а когда оказалось, что этотъ тезисъ поддерживать между нами было трудновато, (такъ какъ намъ обоимъ украинскій языкъ былъ не безъизвѣстенъ), то знакомый нашъ сталъ доказывать, что врядъ ли и стоитъ теперь пропагандировать соціализмъ украинцамъ, у которыхъ нѣтъ-де ни общиннаго землевладѣнія, (?) ни артелей, (?) ни фабрикъ, (?) а что всего бы лучше сосредоточить пропаганду на великоруссахъ, у которыхъ есть и община, и артели, и фабрики,—и которые по этому скорѣе усвоятъ себѣ соціалистическія идеи, произведутъ соціальныя перемены, послѣ чего Украина получитъ уже

*) О бунтахъ латышей, литовцевъ и бѣлоруссовъ есть нѣкоторые данныя въ «Матеріалахъ для исторіи крѣпостнаго права въ Россіи». Berlin, 1872. О противупомѣщичьихъ движеніяхъ среди бѣлоруссовъ, сравнительно съ великоруссами и украинцами, нѣкоторые данныя свели мы въ книгѣ «Нові українські пісні про громадські справи».

готовые его результаты *). Самъ собесѣдникъ нашъ, дѣйствительно, скоро пошелъ въ народъ въ одной изъ великорусскихъ губерній, на которую тогда возлагали русскіе революціонеры большія надежды, конечно, не осуществившіяся и, какъ мы напередъ доказывали нашему пріятелю, невозможныя къ осуществленію. Съ тѣхъ поръ прошло почти десять лѣтъ,—но гдѣ же не только социальная революція, но хоть какое нибудь замѣтное народное движеніе въ артельной, общинной и фабричной Великороссіи?! Между тѣмъ на Украинѣ произошли въ послѣднее время самыя крупныя въ Россіи аграрныя волненія, городскія смуты и наконецъ громадное антиеврейское движеніе. Но во всѣхъ этихъ движеніяхъ «интеллигентные» социалисты оказались почти ни при чемъ, не смотря на то, что огромная доля «русскихъ» социалистовъ, даже и въ Велокороссіи, родомъ украинцы. Какая тому причина? Конечно, прежде всего «обрусеніе» украинской интеллигенціи и то «всероссійство» русскихъ социалистовъ, которое такъ многіе отстаиваютъ и до сихъ поръ. Они то сдѣлали украинскую интеллигенцію иностранцами дома,—они то и лишаютъ социалистовъ и даже «народниковъ» изъ украинцевъ всѣхъ необходимыхъ знаній и вообще способовъ къ тому, какъ подойти къ украинскому населенію. Небольшое же количество специализировавшихся социалистовъ-украинцевъ безсильно въ практическомъ отношеніи именно вслѣдствіе своей малочисленности; и то еще диво, что украинское социалистическое направленіе держится хоть на литературномъ полѣ,—гдѣ направленіе это существуетъ только, какъ идея, но вовсе еще не какъ партія.

А между тѣмъ, какъ вышеупомянутыя народныя движенія, такъ и всѣ наблюденія надъ народомъ на Украинѣ,—отъ изслѣдованій его историческихъ воспоминаній и политическихъ пѣсенъ до корреспонденцій, появившихся въ послѣднее время даже въ «Народной Волѣ» и въ «Черномъ Передѣлѣ», напр. объ отношеніи украинскаго населенія къ царю и его врагамъ,—все говоритъ въ пользу предположенія, что поли-

*) Ничто въ такомъ родѣ о возможной пользѣ сосредоточенія пропаганды социализма въ Великороссіи высказано было и въ упомянутой статьѣ «Набата».

тико-соціальна пропаганда, съ нѣкоторимъ умѣніемъ и системою направлена, могла бы встрѣтити себѣ чрезвычайно благоприятное поле въ томъ населеніи, въ которомъ еще свѣжа память о казацкой волѣ, о времени, когда не было ни подушного, ни рекрутчины, ни раздачи земли панамъ царицею Катериною *). Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что если бы неблагоприятныя вліянія на украинскую молодежь, о которыхъ мы говорили выше, не отбили ее отъ вскормившаго ее народа,—и если бы хоть съ конца 60-хъ годовъ хоть тѣ изъ этой молодежи, которые пошли въ ряды «русскихъ соціалистовъ», употребили по 3—4 года ранней юности на изученіе своего края и народа и на приобрѣтеніе какого нибудь профессиональнаго образованія, и за тѣмъ обратились къ пропагандѣ свободныхъ политическихъ и соціально-экономическихъ идей среди украинскаго населенія, съ полнымъ знаніемъ тѣхъ зацѣпокъ, какія представляетъ къ тому уже готовое народное міросозерцаніе,—то результаты такого,—не хожденія,—но житія среди украинскаго народа были бы совсѣмъ не тѣ, какія мы видимъ теперь послѣ десятка лѣтъ русскаго соціалистическаго движенія. И теперь еще громаднхъ результатовъ можно ждать отъ пяти-десяти лѣтъ дѣятельности организованныхъ между собою круговъ, которые бы взяли хотя бы только систематизировать при помощи европейскихъ политико-соціальныхъ идеаловъ, тѣ воспоминавія и идеи, какія бродятъ среди украинскаго населенія,—въ такую наир. простую и удобопонятную программу: «у насъ были вольные люди, казаки, которые владѣли своею землею и управлялись громадами и выборными старшинами; всѣ украинцы хотѣли быть такими казаками и возстали изъ за того противъ польскихъ пановъ и ихъ короля; на бѣду только, старшина казацкая и многіе казаки не сумѣли удержаться въ согласіи съ простыми селянами, а потому казакамъ пришлось искать себѣ

*) Сырой матеріалъ въ подтвержденіи сказаннаго читатель найдетъ въ нашихъ изданіяхъ: «Малорусскія Народныя Преданія и Разказы». Кіевъ, 1876. «Нові українські пісні про громадські справи». Объ отношеніи украинцевъ, даже возлагающихъ надежды на царя, къ власти интересны замѣчанія еще въ «Дневникѣ пропагандистки», Община №№ 6—8.

помощи противъ польской державы у московскихъ царей, и поступили подъ московскую державу, впрочемъ не какъ рабы, а какъ союзники, съ тѣмъ чтобъ управляться у себя дома по своей волѣ и обычаямъ. Цари же московскіе начали съ того, что поставили у насъ своихъ чиновниковъ, не уважавшихъ нашихъ вольностей, ни казацкихъ, ни мѣщанскихъ, а потомъ подѣлили Украину съ Польшей, уничтожили всѣ вольности украинскія, казацкія, мѣщанскія и крестьянскія; за тѣмъ цари московскіе раздали украинскую землю своимъ слугамъ украинскимъ и чужимъ, закрѣпостили крестьянъ, ввели всякія подати и рекрутчину, уничтожили почти всѣ школы, а въ оставшихся запретили учить на нашемъ языкѣ, завели намъ казенныхъ, невыборныхъ поповъ, пустили къ намъ вновь еврейскихъ арендаторовъ, шинкарей и ростовщиковъ, которыхъ было выгнали казаки.—да еще отдали на кормъ этимъ евреямъ только нашу землю, запретивъ имъ жить въ землѣ московской,—наконецъ, когда царь московскій и долженъ былъ освободить крестьянъ, то оставилъ землю за панами, и обложилъ крестьянъ еще большими налогами. Теперь намъ не нужно ни королей, ни (польскихъ и русскихъ) пановъ, ни (еврейскихъ) богачей, ни казенныхъ поповъ, а хотимъ мы быть всѣ вновь равными и вольными казаками и управляться на своей Украинѣ, какъ мы сами захотимъ; а кто чужой рабочій человекъ хочетъ жечь съ нами, какъ равный и вольный,—того мы не гонимъ, а принимаемъ, какъ товарища».—Мотивированный фактами изъ недавней исторіи народа, какъ литературно, такъ и при всякомъ удобномъ случаѣ, представляемомъ народною жизнью, мѣстными памятниками и воспоминаніями, такой идеалъ являлся бы живымъ, а не книжнымъ, и быстро бы пошелъ въ ходъ,—а за тѣмъ, разъ украинское населеніе прониклось бы этимъ идеаломъ, оно оказало бы вліяніе и на сосѣдей, гораздо больше, чѣмъ могутъ обязать изолированные пропагандисты изъ украинскихъ уроженцевъ въ разныхъ провинціяхъ Россіи, хотя бы и въ кадрахъ великорусскихъ и польскихъ революціонеровъ.

Слѣдуетъ надѣяться, что вліяніе событій, чѣмъ далѣе, все болѣе будетъ ослаблять централистическое направленіе

среди послѣднихъ и такимъ образомъ украинское населеніе, возвративъ себѣ хоть часть вполне интеллигентнаго класса, займетъ подобающее ему мѣсто въ общемъ освободительномъ движеніи на Востокъ Европы.

Что касается до населенія польскаго, то оно, особенно населеніе въ городахъ, конечно, и теперь вполне способно принять участіе въ этомъ движеніи. Можно повѣрить, что крестьяне польскіе и теперь мало склонны проливать свою кровь за возстановленіе польскаго государства. Но, по крайней мѣрѣ по наблюденіямъ вполне безпристрастныхъ людей, извѣстія о благодарности, какую чувствуютъ эти крестьяне къ русскому царю, который надѣлилъ ихъ землею въ 1864 г., сильно преувеличены были и въ свое время. Уже нѣсколько лѣтъ спустя, при сколько нибудь откровенныхъ бесѣдахъ на эту тему, крестьяне-поляки замѣчали: «такъ, такъ, благодаримъ монарха, но податки слишкомъ большіе». Военная же служба въ русской арміи, обученіе въ школахъ на русскомъ языкѣ несомнѣнно возбуждаютъ въ польскихъ крестьянахъ глубокое отвращеніе. Послѣднее мы видѣли сами въ бытность въ нѣкоторыхъ подваршавскихъ селахъ еще въ 1870 г. Даже не говоря о городскихъ классахъ, среди которыхъ вовсе не исчезъ старый инсurreкціонный духъ и среди которыхъ теперь распространяется социалистическое движеніе, не возможно, чтобъ идея о политической свободѣ и автономіи, съ прибавленіемъ идеи объ экономическихъ реформахъ не нашла себѣ сочувствія и въ сельскихъ классахъ Польши. А потому теперь слѣдуетъ опасаться не столько безучастія поляковъ во время всероссійскаго движенія, сколько того, какъ бы проявленіе польскаго историческаго патріотизма вновь не испортило дѣла.

Послѣ всего сказаннаго въ предыдущихъ главахъ, мы считаемъ излишнимъ говорить болѣе о томъ, что никакое народное движеніе въ Литвѣ, Бѣлоруссіи и правобережной Украинѣ подъ знаменемъ польскимъ не возможно и что поднятіе тамъ этого знамени, хотя бы даже съ самыми демократическими и даже социалистическими украшеніями, можетъ только вызвать народную реакцію, которою опять таки воспользуется

всероссійская реакція. Вотъ почему мы и сами считаемъ нужнымъ, и другихъ приглашаемъ настойчиво бороться со всякими остатками и признаками возможности активнаго выступленія на сцену польскаго историческаго патріотизма и наставляемъ на необходимости образованія кадровъ для политически-соціаль-ныхъ партій среди плебейскихъ народовъ бывшей Польши.

Великорусская оппозиція и великорусскіе революціонеры должны понять угрожающую съ польской стороны опасность для общаго дѣла, а потому и должны бы были, какъ мы уже сказали, поддерживать идею образованія вышеупомянутыхъ партій. Тѣмъ самымъ они дадутъ доказательство и широты и вѣрности своего пониманія политическаго положенія дѣла въ Россіи,—и своихъ федеративныхъ стремленій. Признавая, что идея общины и земельнаго надѣла весьма крѣпко проявляется во всѣхъ стремленіяхъ великорусскихъ массъ, въ тоже время нельзя же отрицать, что у этихъ послѣднихъ весьма крѣпка не только идея царской власти, но и идея государственной цѣлости и реакція къ польскимъ стремленіямъ къ раздѣлу Россіи. Лишенная же «историческихъ» претензій польскія автономныя стремленія неизбежно ослабятъ свой сепаратистическій характеръ и примутъ характеръ федеративный, который не можетъ быть противнымъ и великорусскому населенію, тѣмъ болѣе что оно непосредственно не прилегаетъ къ настоящей Польшѣ.

Кромѣ того, поддержка федеративной программы на западной половинѣ Россіи логически ведетъ за собою приложеніе таковой же программы и въ восточной половинѣ и въ самой обширной Великороссіи. Нужно бы было написать особую статью, чтобъ доказать, что сколько нибудь дѣйствительной политической свободы нѣтъ и не можетъ быть при централизаци и что всѣ политическіе перевороты, совершавшіеся на материкѣ Европы со временъ Великой французской революціи потому именно и не достигали даже ближайшихъ своихъ цѣлей, что только замѣняли самодержавіе королей самодержавіе парламентскаго большинства, оставляя неприкосновенною, или даже усовершенствуя централизованную бюрократическую машину управленія дѣлами странъ. Вѣдь не даромъ же и до

сихъ поръ,—серьезную политическую свободу имѣютъ въ Западной Европѣ только федеративная Швейцарія, да Англія съ ея системою сословныхъ, корпоративныхъ, земскихъ и городскихъ привилегій, муниципальная Бельгія, бывшая федеративная республика Голландія, да Скандинавскія государства, въ которыхъ система централизаціи никогда не имѣла большой силы. Политическіе дѣятели, которые естественно должны опираться на центрально-государственный, великорусскій элементъ въ Россіи должны принять во вниманіе это обстоятельство и напередъ настойчиво проводить федеративное направленіе, если они желаютъ дѣйствительной политической свободы и для самаго этого элемента. По счастью же, не только вся Россія, но и одна Великороссія слишкомъ велика и въ ней есть цѣлыя области (Низовое Поволжье, Сѣверъ, Сибирь), въ которыхъ автономныя стремленія еще довольно крѣпко держатся въ населеніи. Эти стремленія и должны, для общаго блага, быть особенно тщательно поддерживаемы великорусскими оппозиционными и революціонными дѣятелями вообще, а въ настоящее время, при началѣ рѣшительной борьбы съ существующимъ порядкомъ вещей,—эти стремленія должны быть поставлены на первый планъ. Только эти стремленія помогутъ Россіи если не избѣжать совершенно, то ослабить, елико возможно, проявленіе революціоннаго якобинизма и бюрократическаго конституціонализма, отъ которыхъ такъ много пострадали другія большія государства материка Европы въ XIX в.

Таковы условія для освободительнаго политико-соціального движенія въ главнѣйшихъ областяхъ Россіи и таковы опасности, предстоящія этому движенію. Посмотримъ теперь, на сколько ясно сознаніе этихъ условій и этихъ опасностей въ наиболѣе выступившихъ впередъ лагеряхъ, представляющихъ это движеніе въ самое послѣднее время.

III.

Въ предстоящемъ намъ теперь обзорѣ отношеній польской и великорусской политической печати къ различнымъ

народамъ бывшей Польши и нынѣшней Россіи намъ придется говорить почти исключительно о печати эмиграціонной или тайной,—потому что только въ ней политическіе вопросы ставятся съ извѣстной откровенностью. Весьма можетъ быть, что до сихъ поръ не всѣ мнѣнія, какія существуютъ въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и даже вообще прогрессистскихъ кругахъ, имѣли случай, или даже счастье, быть высказанными въ вышеупомянутой печати, но наблюдателю ничего не остается, какъ только говорить о томъ, что видно, и ожидать дополненій отъ тѣхъ, кто можетъ видѣть сокрытое, а еще бы лучше, отъ самихъ тѣхъ, чьи мнѣнія остаются до сихъ поръ сокрытыми. Мы первые были бы рады, если бы оказалось, что въ польскихъ и великорусскихъ революціонныхъ и вообще прогрессистскихъ кругахъ существуютъ люди съ вполне опредѣленными и обдуманнми въ подробностяхъ интернаціональными, народно-федеративными стремленіями,—но пока мы очень мало видимъ ихъ признаковъ въ печати, а вмѣсто того видимъ слишкомъ много признаковъ упорства въ старыхъ государственно-національных, централистическихъ стремленіяхъ и предразсудкахъ. Попробуемъ же собрать и признаки новаго, и остатки стараго въ польской и великорусской публицистикѣ послѣдняго времени.

Самое радикальное отреченіе отъ идеи исторической Польши въ пользу идеи о самостоятельности народовъ, ее населяющихъ, какое до сихъ поръ мы встрѣчали въ польской печати, принадлежитъ М. G., неизвѣстному автору брошюрки «Głos z Korony, natchniony rokiem 1872», изданной еще въ 1873 г. въ Краковѣ. Авторъ ея, по всему видно, держится не слишкомъ радикальныхъ мнѣній по вопросамъ религіознымъ и соціально-политическимъ, но обладаетъ искреннею любовью къ своей національности, которую желалъ бы предохранить отъ поглощенія и прусскаго, и русскаго и, какъ сынъ дѣйствительно польской земли,—(*Короною* называютъ поляки край Варшавскій),—онъ скорѣе, чѣмъ шляхетскіе «перевертны» непольскихъ земель, сумѣлъ отдѣлаться отъ шовинистическихъ идей по отношенію къ этимъ послѣднимъ землямъ. Переходя къ обсужденію вопроса о «такъ называемомъ западномъ краѣ»

или, какъ пересчитываетъ г. М. Г., «Литвы, Волыни, Подоліи и Украины», авторъ говоритъ: «мы уже намекнули, что вслѣдствіе измѣнившихся въ теченіи столѣтія условій и идей, мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія требовать себѣ провинцій, заселенныхъ русинскою народностью, развѣ бы захотѣли дѣйствовать во имя насилій. Тутъ только является вопросъ, можетъ ли та часть населенія польскаго, которая живетъ въ этомъ краѣ, надѣяться гарантій свободнаго употребленія своего языка въ школахъ и церкви, къ какому бы вѣроисповѣданію населеніе польское ни принадлежало?... Что до языка администраціи въ краяхъ русинскихъ, то претензіи наши тутъ не опираются ни на какихъ фактическихъ основахъ. Во всякомъ случаѣ до XVI вѣка языкомъ администраціи и дипломатическимъ въ Литвѣ былъ языкъ бѣлорусскій, а не польскій. Оставимъ же малоруссамъ и бѣлоруссамъ разрѣшеніе вопроса: станетъ ли языкомъ ихъ будущаго въ области литературы, администраціи и въ церкви прекрасный, мелодическій языкъ народныхъ пѣсень, Шевченка, Падурь, языкъ, который трудомъ интеллигенціи русинской, по примѣру западныхъ и южныхъ славянъ, скоро могъ бы распустиль крылья до полета наравнѣ съ потребностями времени,—или же языкомъ этимъ долженъ быть языкъ великорусскій, постепенно, вслѣдствіе вліянія университетовъ кіевскаго и харьковскаго, вытѣсняющій языкъ малорусскій изъ употребленія въ кругахъ болѣе образованнаго малорусскаго населенія.

«Это вопросъ по истинѣ, чрезвычайно важный, особенно для русинскаго народа, потому что рѣшеніе его окончательно въ пользу великорусскаго языка надолго придавить просвѣщеніе среди руссиновъ и установить перегородку между образованнымъ классомъ и народомъ, который не перестанетъ тянуть шнѣсы на языкѣ, такъ имъ любимомъ, такъ гибкомъ къ тонамъ грустной мелодіи; мы должны однако стать въ сторонѣ отъ этого вопроса, и непрошенные не брать въ немъ участія, а тѣмъ болѣе не дѣлать, какъ теперь натиска, на пользу одной стороны въ рѣшеніи этого вопроса*) (Op. cit. 28—30).

*) Послѣднія слова для насъ не совсѣмъ ясны, и что въ нихъ ясно, съ тѣмъ мы не можемъ согласиться. Непонятно, что авторъ разумѣетъ, говоря

Мысли въ такомъ духѣ мы встрѣчали въ двухъ-трехъ корреспонденціяхъ изъ Царства Польскаго въ петербургскія газеты, но ни у кого онѣ не доходили до такой категоричности, какъ у вышеупомянутаго автора. Равнымъ образомъ въ послѣднее время въ журналахъ молодой польской партіи въ Варшавѣ, какъ напр. въ «Przegląd Tygodniowy» можно было встрѣчать статьи довольно симпатичныя напр. къ украинскому движенію въ Галиціи. Въ духѣ примиренія съ русскими высказывался и «Dziennik Poznański» и другіе познанскіе журналы (напр. Przegląd Słowiański), напуганные натискомъ германизаціи. Но ни въ одномъ еще журналѣ польскомъ мы не встрѣтили систематически проведеннаго новаго взгляда на отношеніе поляковъ къ неполюскимъ народамъ бывшаго польскаго государства, взгляда, исходящаго изъ полнаго отрицанія историческаго польскаго патріотизма и изъ признанія полной самостоятельности и отдѣльности вышеупомянутыхъ народовъ отъ Польши. Напротивъ того, вполне непримиримыя идеи стараго польскаго историческаго патріотизма находятъ себѣ органы во всѣхъ польскихъ центрахъ, а особенно въ «самой свободной странѣ бывшей Польши»,—какъ называла Галицію социалистическая «Równość». Обстоятельство это показываетъ, что мысль о раздѣлѣ исторической Польши между ея народами до сихъ поръ еще не нашла себѣ достаточнаго количества приверженцевъ въ польскомъ обществѣ. А безъ этой мысли,—развѣ могутъ быть сдѣланы совершенно новые шаги къ политическому и національному освобожденію поляковъ, при посредствѣ широкаго федеральнаго движенія на Востокъ Европы?

что поляки наклоняли вѣсы спора между «русинскимъ» и великорусскимъ языкомъ въ одну сторону. Во всякомъ случаѣ, въ украинскую сторону они ихъ наклоняли мало, а своими противодѣйствіемъ русинамъ въ Галиціи они препятствуютъ наклону вѣсовъ въ сторону украинцевъ. Далѣе, если авторъ совѣтуетъ нейтралитетъ полякамъ изъ «Короны», то съ этимъ можно еще согласиться,—но образованные поляки на Украинѣ и Бѣлоруссіи, а также въ Литвѣ и Латышій, какъ люди воспитавшіеся на счетъ туземныхъ массъ, должны не держать нейтралитета, а напротивъ, отслужить этимъ массамъ работою для ихъ просвѣщенія, конечно, на языкахъ этихъ массъ.

Безъ этой мысли невозможна и организація соціалистической пропаганды въ странѣ между Вислою и Карпатами съ одной стороны и Днѣпромъ и Десною съ другой, на началахъ дѣйствительно интернаціональных. А между тѣмъ и въ новыхъ соціалистическихъ кружкахъ польскихъ мысль о вышеупомянутомъ раздѣлѣ исторической Польши между равноправными ея народами до сихъ поръ не встрѣтила себѣ много сочувствія. До сихъ поръ мы можемъ остановиться только на трехъ болѣе или менѣе прямыхъ указаніяхъ на существованіе признанія подобной мысли въ польскихъ кружкахъ. Самое раннее изъ нихъ относится къ 1877 г. Въ это время въ Львовѣ производился процессъ (второй) соціалистовъ украинцевъ, къ которому былъ привлеченъ и полякъ изъ Россіи, г. Котуряницкій. У послѣдняго найдено было письмо автора настоящей статьи къ галицкому украинцу г. Павлику,—въ каковомъ письмѣ между прочимъ высказано было одно изъ основныхъ положеній, опредѣляющихъ отношеніе украинскихъ соціалистовъ къ польскимъ: «польскіе соціалисты должны съ перваго же раза заявить, что ихъ цѣлью никомъ образомъ не можетъ быть возстановленіе польскаго государства 1772 г., даже соціалистическаго, но организація польскаго народа на польской землѣ, въ связи съ украинскими соціалистами, которые организуютъ свой народъ на его землѣ».

Участвованіе въ процессѣ украинцы заявили болѣе или менѣе опредѣленно о своей солидарности съ авторомъ письма, и польскій ихъ товарищъ не высказался противъ его положеній, а заявилъ, что только на почвѣ соціализма состоится примиреніе русиновъ съ поляками, котораго такъ тщетно добивались старыя польскія партіи. Другое, гораздо болѣе ясное, заявленіе находимъ въ словахъ письма, посланнаго «кружкомъ соціалистовъ польскихъ изъ «подъ русскаго захвата» (*kolko wosujalistów Polskich z pod zaboru Moskiewskiego*) на митингъ, созванный редакціей «*Równości*» въ Женевѣ въ 50-лѣтнюю годовщину возстанія 1830 г.,—30 ноября 1880 г.: «Вамъ искренне и по братски протягиваемъ руку нашу, братья соціалисты, къ какой бы народности вы ни принадлежали, а особенно вамъ, наши ближайшіе сосѣди, соціалисты украинскіе,

(велико)руссіе и нѣмецкіе (socyjalisci russy, russy i niemiecy». Bibliot. «Równosci», I, 9) *).

Но самое прямое и ясное признаніе въ такомъ духѣ, — хотя все таки относительно однихъ только украинцевъ, находимъ въ двухъ уже упомянутыхъ программахъ галицкихъ, напечатанныхъ въ текущемъ году. Мы будемъ еще говорить объ этихъ программахъ въ особой обѣщанной статьѣ, а теперь сдѣлаемъ только выписку одной изъ нихъ, въ которой, можетъ быть, читателямъ будетъ интересно встрѣтить какъ воплощѣнныя интернаціональныя, федеральныя идеи въ приложеніи къ населенію изъ одной изъ частей исторической Польши, такъ и соотвѣтственно имъ, раціональное отношеніе къ вопросу о національностяхъ вообще, отличное отъ того, какое мы видѣли выше у якобинствующихъ социалистовъ.

«Польско-украинская рабочая партія не можетъ имѣть ничего общаго съ тою партіею, которая стремится къ восстановленію Польши эпохи Ягеллоновъ, — «отъ моря до моря». Мы не хотимъ господства одной народности надъ другою. Мы сторонники самой широкой федераціи и убѣждены, что каждый народъ можетъ развиваться успѣшно только на основѣ самостоятельной жизни и полной свободы. Вмѣстѣ съ такимъ развитіемъ пойдетъ уничтоженіе національныхъ антипатій, возрастетъ солидарность свободныхъ народовъ и общечеловѣческихъ стремленій. Человѣчество въ своемъ естественномъ развитіи обнаруживаетъ стремленіе къ сложенію оригинальныхъ національныхъ индивидуальностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ къ усиленію (do potęgowania) чертъ, общихъ этимъ индивидуальностямъ. Чѣмъ болѣе разовьются эти индивидуальности, тѣмъ скорѣе и цѣлое человечество начнетъ чувствовать свое единство передъ остальною природою: борьба между людьми прекратится, а мѣсто ея займетъ борьба съ остальною природою соединенными силами цѣлаго рода людского.

*) При случаѣ обращаемъ вниманіе на польскую національную терминологию, которая видна въ подчеркнутыхъ словахъ и которой обыкновенно не знаетъ «русская» публика.

«По тѣмъ же самымъ основаніямъ мы должны отрицательно отнестись и къ дѣятельности той политической фракціи у русиновъ, которая стремится къ слитію народности малорусской съ великорусской, стараясь постепенно стереть національныя черты русиновъ и посявая вражду между русинами и поляками. Эта агитація поднята господствующими классами и служитъ исключительно ихъ цѣлямъ.

«Народная партія русиновъ, т. наз. украинофиловъ (галицкихъ), въ настоящее время обнаруживаетъ чисто буржуазныя стремленія, которыхъ мы поддерживать не можемъ.

«Поляки собственно не имѣютъ народной партіи (*ludowego stronnictwa*). Малочисленнымъ сторонникамъ демократіи между буржуазіей польской не удалось, не смотря на неоднократныя попытки, организовать партію; эти демократы, разсѣянные по разнымъ политическимъ группамъ, имѣющимъ въ цѣломъ направленіи недемократическое, идутъ съ ними рука объ руку даже въ вопросахъ кардинальной важности.

«Такъ называемый «еврейскій вопросъ» для насъ не существуетъ. Мы боремся противъ еврейской *буржуазіи*, не потому что она еврейская, а потому что она буржуазія; мы соединяемся съ *пролетариатомъ* еврейскимъ, потому что его соединяетъ съ нами интересъ класса. Мы не признаемъ антагонизмовъ племенныхъ и національныхъ, а религіозныя вѣрованія считаемъ дѣломъ частнымъ.»

Не трудно видѣть, что галицкая польско-украинская программа становится вполне на точку зрѣнія украинскіхъ социалистовъ и что если бы эта точка зрѣнія была усвоена социалистами поляками напр. въ Варшавѣ, Ковнѣ, Вильнѣ, Динабургѣ, Мнискѣ, Житомирѣ и т. п.,—то мы бы увидѣли въ тамошнихъ социалистическихъ кружкахъ заботы о пропагандѣ на языкахъ не только польскомъ, но и нѣмецкомъ, нѣмецко-еврейскомъ, литовскомъ, латышскомъ, бѣлорусскомъ, украинскомъ. Польская социалистическая печать, если бы она, стоя на почвѣ реальныхъ отношеній польскаго населенія, вполне отрѣшилась отъ старинныхъ польскихъ государственныхъ претензій, должна бы была сразу же высказаться въ пользу необходимости такой вполне интернаціональной работы. А между

тѣмъ, къ сожалѣнію, большая часть лицъ, въ послѣднее время выступившихъ въ заграничной польской печати соціалистическаго направленія, не только не высказалась въ такомъ духѣ, а показала въ своихъ писаніяхъ значительное количество остатковъ стариннаго историческаго польскаго централизма. Мы бы предпочли вовсе молчать о такихъ писателяхъ, если бы мы видѣли помимо ихъ достаточное количество заявленій, хоть въ родѣ галиційскихъ программъ, изъ разныхъ концовъ бывшей Польши.

Въ 1879 г. г. Б. Лимановскій издалъ брошюру: «Socjalizm jako konieczny objaw dziejowego rozwoju» и въ ней безъ всякихъ оговорокъ процитировалъ, какъ могущее до сихъ поръ служить основаніемъ для польскихъ соціалистовъ, заявленіе демократовъ 1846 г., которое между прочимъ насчитало 20 миліоновъ поляковъ,—а дальше рассматриваетъ «Русь», какъ провинцію Польши и т. д. Въ отвѣтъ на наши замѣчанія по этому поводу въ «Листкѣ Громады» г. Лимановскій прислалъ къ намъ письмо, которое мы, къ сожалѣнію, до сихъ поръ не имѣли случая напечатать. Въ письмѣ этомъ г. Лимановскій, не отвѣчая, впрочемъ, категорически на наши вопросы, заявляетъ правда, что признаетъ самостоятельность «русиновъ», но вмѣстѣ съ тѣмъ выражаетъ желаніе возобновленія Люблинской уніи 1569 г. Мы вообще не понимаемъ. какое значеніе для соціализма, какъ «конечнаго результата историческаго развитія», можетъ имѣть эта полувынужденная и цѣликомъ шляхетская унія. А въ частности думаемъ, что дѣйствительно желательное согласіе между политическими дѣятелями разныхъ народовъ въ предѣлахъ бывшей Польши и Литвы можетъ наступить только тогда, когда польскіе дѣятели окончательно сдадутъ въ архивъ всякія ссылки на Люблинскую унію, о которой по крайней мѣрѣ украинцы и въ Россіи, и въ Австріи и слышать не хотятъ. (Сошлемся напр. хоть на протестъ галицкихъ «народовцевъ» противъ польской демонстраціи въ память этой уніи 1869 г.). Г. Лимановскому слѣдовало бы во всякомъ случаѣ подождать, пока появится среди русиновъ хоть какое либо подобіе партіи, согласной на возобновленіе Люблинской уніи. А между тѣмъ онъ продолжаетъ въ «Jah-

rbuch für Sozialwissenschaft» третировать по крайней мѣрѣ землю галицкихъ русиновъ, какъ Польшу, въ противность тому, что заявляютъ даже поляки-соціалисты изъ Галиціи. И при этомъ еще польскій соціалистическій патріотъ жалуется европейской публикѣ, что, «нѣкоторые русинскіе соціалистическіе писатели обращаютъ болѣе вниманія на проведеніе границъ между національностями, чѣмъ на строгое соединеніе силъ въ борьбѣ съ нашимъ опаснѣйшимъ врагомъ (какимъ?). Они сѣютъ несогласіе тамъ, гдѣ должна бы господствовать строгая солидарность» и т. п. (Jahrbuch, III, 261). Какъ будто записывать въ Польшу напр. галичанъ не значитъ проводить границу, и притомъ совершенно невѣрную, между ними и ихъ братьями придиѣпровскими? и какъ будто можно придумать что либо, болѣе способное сѣять несогласіе между русинами и поляками, какъ нагнѣзываться первымъ съ польскою національностью и Польшею-государствомъ, которое такъ имъ опротивѣло?!

Если вѣрить газетамъ, описывавшимъ конгрессъ въ Хурѣ, (между прочимъ и польской газетѣ «Przedswit»), г. Лимановскій прямо заявилъ тамъ о необходимости возстановленія польскаго государства, при помощи даже польскихъ демократовъ старой школы,—конечно, въ границахъ, какія угодно будетъ провести г. Лимановскому и этимъ демократамъ. Любопытно, что при этомъ, какъ рассказываетъ «Przedswit», г. Лимановскій являлся делегатомъ галицкихъ организованныхъ рабочихъ и читалъ отрывки изъ ихъ программы. Конечно, эти отрывки были не тѣ, которые мы привели выше, потому что иначе конгрессъ бы увидѣлъ, что г. Лимановскій никоимъ образомъ не можетъ считаться представителемъ кружковъ, которые составили эту программу *). Повторяемъ, если все,

*) Судя по письму къ намъ изъ Галиціи отъ лица вполне компететнаго, программу эту постигли презлополучныя приключенія: она была озаглавлена «Program socyjalistów polskich i ruskich (украинскихъ) wschodniej Galicji» и въ такомъ видѣ отправлена въ Женеву для напечатанія. Но здѣсь (Imprimerie Polonaise, chemin Neuf, 13) «по ошибкѣ типографщика», она явилась подъ именемъ только «Program soc. polskich» и пр. и въ такомъ видѣ была пулена въ ходъ (она попалась съ такою «опечаткою» и въ руки австрійской

рассказанное о поведении г. Лимановского на конгрессъ въ Хурѣ, правда,—то, конечно, такое поведение одного изъ самыхъ плодовитыхъ польскихъ писателей социалистовъ всего менѣе способно установить согласіе тамъ, гдѣ оно должно существовать. Во всякомъ же случаѣ, заявленія г. Лимановского въ пользу необходимости восстановления Польши, какъ государства, обязываютъ его и къ строгому опредѣленію границъ его, въ которыя онъ не имѣетъ никакого права вносить непольскія земли, какъ онъ это дѣлаетъ въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ. Иначе тутъ не только не можетъ быть вопроса о какой либо солидарности съ стремленіями, представляемыми г. Лимановскимъ, но долженъ быть поставленъ вопросъ просто о борьбѣ противъ нихъ, борьбѣ прежде всего со стороны той галицкой федераціи поляковъ, украинцевъ и евреевъ, программа которой была въ рукахъ г. Лимановского, когда онъ говорилъ передъ конгрессомъ въ Хурѣ.

На томъ же конгрессѣ г. Лимановскій говорилъ, по извѣстіямъ газетъ, отъ имени социалистическаго общества «Людь Польскій», котораго программа была недавно перепечатана въ «Вольномъ Словѣ». Намъ нѣтъ резона разбирать здѣсь эту программу, которой представительство г. Лимановскаго даетъ болѣе опредѣленное значеніе. Мы остановимся только на одной ея подробности: программа эта признаетъ необходимость «устраненія политическо-національнаго гнета (конечно, надъ народомъ польскимъ) посредствомъ (его) національной независимости въ границахъ добровольнаго тяготѣнія» (*dobrowolnego ciążenia*,—во французскомъ изданіи программы это мѣсто переведено весьма вольно: *dans les frontières de libre fédération*, а въ русскомъ: «добровольнаго союза»).

полити). Опечатка была опротестована изъ Галиціи,—и тогда прежнее заглавіе было заклеено новымъ, но опять не тѣмъ, какое составлено на мѣстѣ,—а опять съ другимъ: «Program socjalistów galicyjskich». Новая «опечатка» свесла и слово «polskich», но скрыло опять и слово «ruskich». Удивительно это постоянство типографской судьбы въ преслѣдованіи этого слова! Въ довершеніе г. Лимановскій явился въ конгрессъ въ Хурѣ съ этой программой въ рукахъ, какъ представитель идеи о восстановленіи Польши, отъ которой отклеилась эта программа!!!

Что должно разумѣть подъ словами: «dobrowolne cieżenie»?

Никакое революціонное движеніе не можетъ опираться ни на что, кромѣ «добровольнаго тяготѣнія»,—такъ что, въ общемъ смыслѣ, всего этого параграфа можно было и не писать. Очевидно, что въ этихъ словахъ надо искать отвѣта на вопросъ о границахъ того польскаго государства, которое предположило возстановить общество «Людь Польскій», и отвѣта, сообразно которому въ государствѣ этомъ могутъ принять участие и не польскія населенія. Но, если такъ,—то почему же это будетъ все таки Польша, Людь Польскій? Очевидно, что вся выше писанная темная формула есть ничто иное, какъ порожденіе страха признаться въ историческомъ польскомъ патриотизмѣ и страха или нежеланія отказаться отъ него рѣшительно. Послѣ всего сказаннаго мы считаемъ излишнимъ говорить о томъ, что съ такими темными формулами нельзя освобождать ни народъ польскій, ни сосѣдніе съ нимъ народы *).

*) Единственно для полноты мы должны упомянуть о статьѣ г. Лима-новскаго въ «Precurser» 1881, № 29, 31 и слѣд. Статья эта представляетъ возраженія на нашу статью въ «Revue Socialiste» «Les nations de l'Europe orientale et le socialisme international»,—основныя мысли которой руководятъ нами и при составленіи настоящаго труда. Мы должны сказать, что вообще г. Лимановскій напрасно поторопился спорить съ нами, такъ какъ статья наша не окончена печатаніемъ, а въ частности, что до вопроса о польскихъ революціонерахъ 1863 г. и теперешнихъ социалистахъ, мы не можемъ понять, что собственно хотѣлъ сказать авторъ. Онъ не счелъ возможнымъ развернуть теперь передъ европейскою публикой званія исторической Польши и призналъ въ концѣ статьи, что и бѣлоруссы, и лѣтвины, по всей вѣроятности, будутъ развиваться самостоятельно отъ Польши. А если такъ,—то за чѣмъ же г. Л. поднималъ споръ противъ нашей критики программы 1863 г. и противъ нашихъ требованій отъ социалистовъ-поляковъ, воспитанныхъ средствами разныхъ народовъ исторической Польши? Затѣмъ, съ статьєю Лимановскаго трудно намъ спорить еще и потому, что она прибѣгаетъ къ слишкомъ адвокатскимъ приемамъ. Такъ напр. г. Л.—ій желаетъ защитить идею присоединенія Украины къ Польшѣ нашимъ же свидѣтельствомъ о томъ, что украинская народность имѣетъ болѣе свободы въ Галиціи, чѣмъ въ Россіи. Но г. Л., который самъ жилъ въ Галиціи, долженъ же знать, что украинцы этимъ обязаны не польскимъ политикамъ, а австрійскимъ законамъ. Если онъ этого не знаетъ, то онъ былъ глухъ и слѣпъ ко всему, что дѣлалось около него,—а если онъ это знаетъ, то зачѣмъ же онъ запутываетъ понятіе французскихъ читателей, которые не въ состояніи проверить его?!

Не болѣе счастливы окажутся поиски за новымъ отноше-
ніемъ польскихъ дѣятелей къ вопросу непольскихъ народовъ
бывшей Рѣчи Посполитой и среди другой фракціи польскихъ
соціалистовъ, той, которая теперь въ «Przedswit»-ѣ сама
полемизируетъ, по своимъ резонамъ, съ фракціей «Люда Поль-
скаго». Какъ видно и изъ подписи посланія «Przedswit»-а
«къ Русскимъ товарищамъ соціалистамъ», фракція эта та же
самая, которая издавала прежде «Równosc». Эта «Równosc»
напечатала было въ 1879 г. свою «программу польскихъ со-
ціалистовъ», изъ которой былъ вполне исключенъ политиче-
скій вопросъ объ освобожденіи Польши, но въ которой не
было сказано ни слова ни о томъ, какое же поле дѣйствія
избираютъ себѣ «польскіе соціалисты» ни объ отношеніяхъ
ихъ къ ближайшимъ сосѣдямъ дѣйствительнаго польскаго
народа. Въ свое время мы покажемъ, что вопросъ этотъ былъ
поставленъ передъ публицистами «Równosci» и ихъ соплемен-
никами и сосѣдями, но они предпочли уклониться отъ всякаго
отвѣта на него *). Можно бы было подумать, что такое укло-
неніе произошло отъ того, что на той высотѣ интернаціональ-
наго міровоззрѣнія, на какую, стала программа «Równosci»,
такой отвѣтъ или самъ собою подразумевался, или самый
вопросъ представлялся совсѣмъ лишнимъ. Однако на отноше-
ніи «Równosci» и ея французскаго бюллетеня къ Галиціи (и
Западной, и Восточной), которую редакция изображала, какъ
часть Польши, и въ которой она систематически игнорировала
русинскій элементъ, — каковой бытъ упомянуть только разъ,
какъ существующій будто только въ селахъ подъ Львовомъ,

*) Здѣсь мы упомянемъ только, что въ бумагахъ краковскаго процесса
сторонниковъ «Równosci» находятся слѣды одной изъ польскихъ программъ,
въ которой находимъ такіе слова: «свобода политическая и національная,
обезпеченная федераціей производительныхъ группъ народа польскаго въ
границахъ этнографическихъ» (Wolność polityczna i narodowościowa zapew-
niona przez federacyę wytworczyczych grup ludu Polskiego w granicach narodo-
wości). Программа эта была составлена въ Галиціи, какъ видно изъ процесса,
лидами, находившимися въ сношеніяхъ съ «Równosc» и съ г. Умановскимъ
тогда къ ней принадлежавшимъ, но, какъ видно изъ сказаннаго выше, не была
ими принята во вниманіе.

а не въ самомъ Львовѣ, и упомянуть въ полемико-юмористической статейкѣ, запутывавшей вопросъ, а не уяснявшей его, — можно видѣть, что причины вышеупомянутаго умолчанія вовсе не тѣ, какія были сейчасъ предположены. Разъ же признавши, что вся Галиція—Польша,—нѣтъ никакой надобности въ иной пропагандѣ въ ней, кромѣ польской. А чѣмъ же отличается отношеніе Восточной Галиціи къ Польшѣ отъ отношенія Волыни, Бѣлоруссіи, Литвы? Почему же и имъ не выйти Польшею? Къ тому же публицисты и ораторы «*Rowności*»,—какъ и г. Лимановскій въ названной выше брошюрѣ,—всякій разъ, когда имъ приходилось говорить о восточныхъ своихъ отношеніяхъ, говорили только о великорусскомъ (*rossyjskiem*) народѣ, какъ будто народовъ, промежуточныхъ между нимъ и народомъ польскимъ, и не существовало.

Въ напечатанномъ недавно воззваніи фракціи «*Rowności-Przedswita*» къ «русскимъ (по польски—*rossyjskim*, т. е., великорусскимъ) товарищамъ» видно, что фракція эта уже не игнорируетъ ни политическаго вопроса, ни существованія національностей. Она между прочимъ считаетъ нужнымъ «сорганизовать одну общую социалистическую партію, въ составъ которой вошли бы социалистическія организаціи различныхъ національностей въ предѣлахъ русскаго государства и «выработать общую политическую программу для всѣхъ социалистовъ, дѣйствующихъ въ русскомъ государствѣ», и предлагаетъ великорусскимъ товарищамъ совмѣстно съ нею выработать такую программу, даже не боясь «обвиненій въ централизмъ». Да!—фракція «*Rowności*»,—прежняго органа „польскихъ социалистовъ“,—теперь уже не признаетъ надобности существованія «польскихъ социалистовъ», какъ чего то цѣлаго,—хотя и съ оговоркой, которая возстановляетъ эту цѣлость *). Но

*) Вотъ текстъ относящагося сюда параграфа посланія: «Польскія социальная партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія социальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи, которыя сообща съ социальными организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ, создаютъ органическій союзъ, что не можетъ имъ мѣшать входить въ связи, какъ между собой, такъ и съ другими социалистическими организаціями».

при этомъ польская фракція социалистовъ русскаго государства предлагаетъ великорусской ихъ фракціи составить сообща съ нею программу, общую для всѣхъ социалистическихъ организаций различныхъ національностей этого государства, не упоминая не только о другихъ фракціяхъ, но даже ни о какихъ другихъ національностяхъ этого государства! Значить ли это, что никакихъ другихъ фракцій кромѣ польской и великорусской въ Россіи нѣтъ, или что поляки и великоруссы вообще компетентны составить политическую программу для социалистовъ всѣхъ національностей Россіи?? Не беремся отвѣчать. Но это обращеніе польской фракціи и это умолчаніе остается все таки фактомъ характернымъ и мало предвѣщающимъ добраго, по крайней мѣрѣ для фракціи «Przedswita».

Впрочемъ, послѣдней есть еще возможность исполнѣ національнаго выхода. Это—отнестись серьезно къ поставленному наконецъ и ею самой вопросу и начать его серьезную разработку прежде всего съ своего, польскаго конца. Правда, авторамъ деклараціи сейчасъ же придется расширить ту узковатую рамку, которую поставляютъ по крайней мѣрѣ выраженія, если не цѣль, этой деклараціи, вообще довольно торопливо редижированной. Декларація эта говоритъ только о необходимости слитія существующихъ въ Россіи „социалистическихъ организаций различныхъ національностей“ для достиженія политической свободы,—а изъ способовъ этого достиженія говорить только о «террористической борьбѣ». Но при серьезномъ размышленіи очевидно, что какъ одною „террористической борьбою“ т. е., убійствами, или, если угодно, «казнями», политическая свобода не можетъ быть достигнута, такъ и одно слитіе существующихъ социалистическихъ организаций въ Россіи,—да еще и изъ нихъ только тѣхъ, которыя будутъ признаны за таковыя единомышленниками «Przedswita» (который напр. отрицательно относится и къ «Людю Польскому»),—не составитъ еще очень важнаго дѣла, даже на столько важнаго, чтобъ о немъ надо было возвѣщать печатными манифестами. Для политическаго переворота необходимо участіе большихъ массъ; сторонники переворота должны привлечь къ себѣ эти массы, нашедши у нихъ жизненные интересы, страдающіе

отъ теперешняго порядка вещей, и убѣдивши ихъ, что интересы эти будутъ удовлетворены, по совершеніи переворота. Поэтому, если въ данномъ случаѣ есть серьезный вопросъ, требующій общаго обсуждения, такъ это вопросъ „соединенія“ массъ „различныхъ національностей русскаго государства“ для борьбы за такую политическую форму, которая бы обезпечивала политическую свободу всѣхъ ихъ вмѣстѣ и каждой порознь. Вполнѣ серьезная постановка такого вопроса можетъ быть только результатомъ заявленія голосовъ каждой изъ національностей Россіи,—если уже говорить о національностяхъ,—а мы бы прибавили: и каждой изъ ея сколько нибудь оригинальныхъ мѣстностей. Но возможно, что и одна или нѣсколько національныхъ или мѣстныхъ группъ поставятъ достаточно резонно различные подробности даднаго вопроса, хотя бы только теоретически. Для этого онѣ должны начать съ опредѣленія того, какія же національности или мѣстности,—или вообще естественныя единицы составляютъ то цѣлое, которое надо благоустроить? какія въ каждой изъ нихъ существуютъ нужды, требующія удовлетворенія? какіе способы слѣдуетъ употребить, чтобъ вызвать заявленія объ этихъ и другихъ нуждахъ, чтобъ привлечь къ борьбѣ массы этихъ національностей или мѣстностей? и т. д. На польскихъ членахъ желасмой общей организаціи наестественнымъ образомъ лежитъ задача подобнаго изслѣдованія мѣстностей національности польской, а за тѣмъ, конечно, ближайшихъ къ ней, тѣмъ болѣе, что польскіе дѣятели во всѣхъ фракціяхъ, не исключая и фракціи „Rownosci“, выходили и выходятъ изъ мѣстностей и собственно польскихъ, и литовско-латышско-бѣлорусско-украинскихъ. Польскимъ дѣятелямъ, если только они пожелаютъ отнестись серьезно къ предложенной фракціей «Przedswita» работѣ, придется, быть можетъ, прежде всего поставить самимъ себѣ вопросы: можно ли считать за національности населенія вышеупомянутыхъ непольскихъ мѣстностей Россіи или нѣтъ? и каковы при томъ и другомъ отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ быть способы для привлеченія и этихъ населеній къ участию въ борьбѣ за политическую свободу? равно, каковы должны быть формы этой свободы, которыя бы оградили инте-

ресы этих національностей, если их существование признается? Отвѣтъ на эти вопросы тѣмъ болѣе необходимъ, что исторія большихъ державъ западной Европы, не исключая на этотъ разъ и англійской, научила насъ, что отъ такой или иной постановки подобныхъ вопросовъ зависѣло то, что послѣ длиннаго ряда политическихъ переворотовъ извѣстныя націи попали въ столь свободныя политическія формы, что инныя даже не безъ основанія стали вздыхать и о старинномъ абсолютизмѣ и, иногда при несомнѣнныхъ стремленіяхъ къ свободѣ, становиться орудіями для контр-революцій.

Не имѣя чести принадлежать къ числу «русскихъ товарищей» «Przedswita», мы все таки считаемъ себя не только въ правѣ, но даже въ обязанности, просто по положенію публициста, поставить группѣ „Przedswita“ изложенные выше вопросы. и ждать на нихъ категорическихъ отвѣтовъ. Иначе,—да простятъ намъ откровенность,—будетъ основаніе считать новую постановку вопроса о роли поляковъ въ революціонномъ движеніи въ Россіи или за поверхностную, минутную вспышку, или за новое уклоненіе отъ рѣшительнаго отвѣта на „проклятые вопросы“: что же такое Польша? т. е., гдѣ ея границы? и каково должно быть отношеніе къ плебейскимъ націямъ бывшей исторической Польши ихъ ополченной интеллигенціи? Въдѣ при извѣстномъ, напр. «набатскомъ», взглядѣ на данный вопросъ новый оборотъ извѣстной польской фракціи, которая, вмѣсто признанія раздѣла исторической Польши между ея дѣйствительными націями, признаетъ раздѣлъ ея между государствами, съ оговоркою, однакожъ, что части ея могутъ входить между собою въ союзы,—можетъ оказаться только новою попыткою доѣхать плебейскія націи, если не мытьемъ, такъ катаньемъ. Въ такомъ случаѣ, какъ и при томъ псевдоинтернаціонализмѣ, о которомъ мы говорили выше,—«у имущаго и будетъ, и прензбудетъ, а у неимущаго, если что и имѣетъ быть, отнимется». Напомнимъ, что устроенная на государственномъ началѣ нѣмецкая соціально-демократическая партія, даже и при сочувствіи къ полякамъ, ничего не успѣла сдѣлать для пропаганды социализма среди польскаго населенія Германіи. Равнымъ образомъ и венгерская соціально-демок-

ратическая партія ничего не дѣлаетъ для пропаганды социализма среди славянскихъ и румынскихъ населеній Венгріи,—потому что не рѣшается вырваться за перегородки государственно-національныхъ предразсудковъ, венгерскихъ и нѣмецкихъ, и потому что она также игнорируетъ не-мадяровъ и не-нѣмцевъ Венгріи, какъ польскіе и великорусскіе дѣятели игнорируютъ плебейскія націи Россіи.

V.

Обращаясь теперь къ обзору великорусской революціонной печати послѣднихъ двухъ лѣтъ, мы невольно припоминаемъ замѣчаніе г. Аксельрода о томъ «пренебреженіи къ печатному слову», какое господствовало въ великорусскихъ революціонныхъ кружкахъ 70-хъ годовъ, о той «ранговой лѣстницѣ революціонной преданности, въ которой (лѣстницѣ) революціонная пресса едва удостоивалась занять послѣднюю ступень», о той «шаблонности требованій, которая оттолкнула отъ русскихъ революціонеровъ всѣ сочувствовавшіе элементы, но расходившіеся съ ними по второстепеннымъ пунктамъ». Теперь, когда великорусскіе революціонные круги почувствовали необходимость говорить не только со своими товарищами, но со всѣмъ обществомъ, объяснять дѣли и средства, формулировать программы,—теперь то и видны горькіе плоды этихъ и подобныхъ ошибокъ недавняго прошлаго. Заявленія и программы великорусскихъ революціонныхъ фракцій, довольно обильныя въ послѣднее время, хотя по большей части провозглашаются чрезвычайно догматически и непремѣнно отъ «партій» и даже, до самаго недавняго времени, непремѣнно отъ всей русской социально-революціонной партіи, какъ чего то единого и нераздѣльнаго,—тѣмъ не менѣе изложены почти всегда крайне отрывочно (часто не смотря на излишнюю длину), неполно, сбивчиво, то крайнѣ абстрактно, то слишкомъ конкретно и мелочно, а часто противорѣчиво. При этомъ часто видно, что дѣло редакцій программъ, т. е., въ сущности, дѣло принциповъ, все еще остается второстепеннымъ въ великорусскихъ революціонныхъ кругахъ, такъ какъ иногда встрѣчается

чуть не авторовъ извѣстныхъ заявленій и программъ, которые на распросы ваши относительно смысла какихъ либо частей ихъ, отвѣчаютъ въ такомъ родѣ: «этому не должно, впрочемъ, придавать серьезнаго значенія». Затѣмъ, нерѣдки случаи дѣйствій членовъ различныхъ фракцій въ духѣ, совершенно противоположномъ сдѣланнымъ печатно заявленіямъ. Анонимность большей части заявленій и программъ, конечно, помогаетъ такому легкому къ нимъ отношенію ихъ сторонниковъ, а иногда и авторовъ.

Всѣ эти и подобныя черты крайне затрудняютъ критику принципиальной стороны великорусскаго революціоннаго движенія послѣднихъ лѣтъ.

Несомнѣнно, что въ немъ замѣчается желаніе выйти на новые пути, стать практичнѣе, ближе къ потребностямъ населенія страны. Это уже одно должно обуславливать необходимость признанія и его разнообразій, которыя требуютъ и разнообразныхъ пріемовъ дѣйствія, и такимъ образомъ должно наклонять великорусскихъ революціонеровъ къ болѣе или менѣе федеративной программѣ. Въ пользу послѣдней дѣйствуютъ и преданія 60-хъ годовъ, которые все же были лучшею эпохою великорусской революціонной литературы. Эти преданія оставили за собою по крайней мѣрѣ федерально-анархическій языкъ, если не отчетливыя идеи и представленія. Къ тому же одна громадность Россіи дѣйствуетъ на чувства, если не на мысли, такъ внушительно, что рѣдко кто изъ великорусскихъ революціонеровъ рѣшается высказаться противъ необходимости ея федеральнаго строя.—и необходимость автономіи ея общинъ составляетъ непремѣнное общее мѣсто всѣхъ великорусскихъ программъ и послѣдняго времени.

Тѣмъ не менѣе, даже и эти программы,—не говоря уже о другихъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ великорусскихъ революціонеровъ, заставляютъ признать вѣрность замѣчанія, высказаннаго тѣмъ же г. Аксельродомъ въ вышеупомянутой статьѣ «Переходное время партіи».

«А сколько среди насъ такихъ, которые склоняются къ якобинству, даже и не подозрѣвая этого! Правда, у насъ

очень мало сознательныхъ и послѣдовательныхъ якобинцевъ, но вѣдь безсознательность и есть злѣйшій врагъ человѣческаго счастья и развитія».

Безспорно, самая дѣятельная и, по всей вѣроятности, самая многочисленная часть великорусскихъ революціонеровъ, это т. н. «партія террористовъ» или «Народной Воли». И вотъ въ ней то и заключается наиболѣе зародышей централистическихъ, якобинизма. Якобинизмъ этотъ теперь еще пока болѣе безсознательный,—такъ какъ по крайней мѣрѣ нѣкоторые видные члены партіи признаютъ себя федералистами. Такимъ заявлялъ себя въ своей послѣдней рѣчи Желябовъ. Кромѣ этой извѣстной всѣмъ рѣчи мы имѣемъ другое интересное свидѣтельство.—письмо къ намъ Желябова, писанное въ 1880 г., которое мы еще не считаемъ возможнымъ напечатать цѣлкомъ, но изъ котораго считаемъ уместнымъ привести слѣдующее мѣсто:

«Нашъ, убѣжденныхъ автопомистовъ, винятъ въ централизмъ *)... за Учредительное Собраніе (созваніе котораго программа исполнит. комитета поставила ближайшею цѣлью). Во первыхъ, не хотятъ понять, что Учредительное Собраніе въ нашихъ глазахъ только ликвидационная коммиссія, а во вторыхъ, можно ли въ программу ближайшихъ требованій вносить такія, за которыя нѣтъ реальной поддержки, а есть изступленные враги? Гдѣ наши фенія. Парнелъ? Таково положеніе вещей, что исходящъ отъ реальныхъ интересовъ крестьянства, признаешь его экономическое освобожденіе за существеннѣйшее благо,—а ставишь ближайшею задачей требованія политическія: видишь спасеніе въ распаденіи имперіи на автономныя части.—и требуешь Учредительнаго Собранія! Не велика заслуга предъ отечествомъ—аскета-хранителя общественнаго идеала. Мы по крайней мѣрѣ предпочли быть мірянами». (12 Мая 1880 г.).

*) Желябовъ имѣлъ въ виду возраженія «народниковъ» и украинцевъ, солидарностью съ послѣдними, какъ видно и по другому мѣсту письма, онъ очень дорожилъ.

Изъ этихъ словъ видны, какъ федеративныя стремленія самого Желябова, такъ и то, что эти стремленія встрѣчали себѣ «пзступленныхъ враговъ». Письмо не говоритъ, въ какой средѣ были эти враги, но мы врядъ ли ошибемся, если предположимъ, что авторъ письма имѣлъ въ виду и ближайшіе къ нему русскіе революціонные круги. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ основаніе предполагать послѣднее, такъ какъ намъ случалось не разъ на наши мнѣнія о необходимости признанія со стороны русскихъ политическихъ революціонеровъ національнаго разнообразія Россіи и заявленія ясной федеративной программы, получать изъ этихъ круговъ возраженія, изъ которыхъ самыя умѣренныя были въ такомъ родѣ: «мы этого не понимаемъ», или: «для насъ эта необходимость вовсе не такъ ясна, какъ для васъ» и т. п. Конечно, что въ болѣе широкихъ кругахъ «русскаго» общества «ожесточенныхъ враговъ» федерализма—и притомъ вполне сознательныхъ и даже прямо заинтересованныхъ въ національно-государственномъ великорусскомъ централизмѣ,—находится еще болѣе, чѣмъ въ кругахъ революціонныхъ,—и крайне характерно, что люди, въ родѣ Желябова, которые, казалось бы, отбросили страхъ передъ какими бы то ни было предразсудками русскаго общества, считали однакожъ нужнымъ уступать «ожесточеннымъ врагамъ» федерализма.

Въ выписанныхъ словахъ Желябова есть еще одна очень характерная черта. Признавая необходимость оппортунистически считаться съ «ожесточенными врагами» децентрализціи, Желябовъ также оппортунистически указываетъ на практическую слабость сознательныхъ децентралистическихъ элементовъ въ Россіи, имѣя въ виду преимущественно Украину, которую такъ часто сравнивали съ Ирландіею. Гдѣ украинскіе феліи? Парнелъ?—спрашиваетъ Желябовъ,—и очевидно, хочетъ сказать, что будь они въ наличности, то онъ бы него друзья не ограничили съ требованіемъ созванія Учредительнаго Собранія для единой и нераздѣльной Россіи, а поставили бы въ свою программу и требованія такого или иного home rule (домашняго управленія, автономіи) для разныхъ націй и областей теперешняго русскаго государства. Интересно,

что это скептическое ожиданіе отъ Украины феніевъ и Парнелей вылилось изъ подъ пера уроженца одной изъ украинскихъ же губерній, которому никто не мѣшалъ самому явиться однимъ изъ своего рода феніевъ. Вообразите себѣ, что ирландскіе дѣятели стали бы ждать, пока это появится на роднѣхъ home-rulers, а до тѣхъ поръ признавали бы себя англичанами, сторонниками великобританской централизаціи. Не скоро бы тогда Ирландія дождалась Парнелей! А между тѣмъ таково отношеніе обрусѣлыхъ «окраинцевъ» къ своимъ роднымъ краямъ и къ ихъ населеніямъ въ Россіи. На Украинѣ напр. обрусѣлая «пнтелегенція», даже называющая себя народниками, или совсѣмъ сторонится отъ всего мѣстно-народнаго и даже относится враждебно ко всякому напоминанію о мѣстно-народномъ элементѣ,—или, при всей благосклонности къ нему, не идетъ далѣе полускептического ожиданія и вызова: подайте же намъ вашу украинскую культуру, украинскую политику, социализмъ, революцію! Какъ будто все это долженъ подать кто нибудь другой, а не сами вызывающіе, которые должны бы всѣ, массою, сблизиться съ народомъ, ихъ вскормившимъ, ихъ окружающимъ!

Вотъ изъ такихъ то элементовъ: изъ «ожесточенной вражды» къ федерализму однихъ, изъ непониманія его настоятельной нужды другими, изъ уступокъ вышеупомянутой враждѣ третьихъ, изъ недостатка инициативы для энергическаго разрыва съ сословнымъ и государственнымъ воспитаніемъ четвертыхъ и т. п., и т. п.,—и складывались вездѣ на материкѣ Европы тѣ якобинскія теченія, которыя давали даже революціоннымъ движеніямъ, начавшимся изъ за желанія доставить населеніямъ всяческія свободы, такое направленіе, которое только переносило самодержавную власть надъ населеніями изъ рукъ одного центрально-государственнаго учрежденія въ руки другого,—почти не расширяя реальныхъ правъ лицъ и группъ, изъ которыхъ состоятъ эти населенія. Вотъ почему такъ насъ и пугаютъ признаки подобныхъ же теченій и въ начинающемся рускомъ революціонномъ движеніи! Вотъ почему мы считаемъ нужнымъ настаивать на необходимости по крайней мѣрѣ для революціонныхъ круговъ радикальнаго

разрыва со всѣми централистическими, государственно-национальными идеями и привычками!

Къ сожалѣнію, въ кругахъ русскихъ «террористовъ» почти не замѣтно желанія поучиться на горькомъ опытѣ другихъ европейскихъ революцій,—а напротивъ того, слишкомъ много видно признаковъ фатальнаго увлеченія на тѣ дороги, которыя принесли такъ много бѣдствій другимъ европейскимъ странамъ. Какъ еще ни тѣсны предѣлы дѣятельности русскихъ политическихъ революціонеровъ, но на нихъ уже видна справедливость замѣчанія, что, «во всякой странѣ оппозиція прежде всего складывается по типу того правительства, съ которымъ она борется».

Сложившееся въ послѣднее время активное революціонное движеніе въ Россіи проявило себя прежде всего убійствами которымъ и социалисты считаютъ возможнымъ придавать имя *казней*! (И это послѣ Р. Оуена и другихъ отцовъ социализма и ученія о *неизмѣняемости*!). Затѣмъ, когда въ русскихъ революціонныхъ кругахъ явился опытъ прочной организаціи, то она, выбравши себѣ спеціальностью эти казни, приняла имя «исполнительнаго комитета социально-революціонной партіи»,—между тѣмъ какъ условія жизни въ Россіи отнимали всякую возможность организаціи единомышленниковъ какого бы то ни было направленія, выбора ихъ представителей, совмѣстнаго опредѣленія цѣлей и средствъ дѣятельности, словомъ, всего того, о чемъ говорятъ слова: *партія, комитетъ, исполнительный*. Очевидно, что кружокъ, назвавшій себя «исполнительнымъ комитетомъ р. с. р. партіи»,—былъ просто кружкомъ волонтеровъ, члены котораго могли представлять только самихъ себя. Даже для самаго успѣха дѣла, и въ интересахъ партіи онъ и долженъ бы былъ выступить, какъ такой кружокъ волонтеровъ, дѣйствующихъ на свой страхъ, берущихъ на свои личныя совѣсти дѣйствія, по всякой человѣческой логикѣ, а особенно по социалистической,—явно не нормальныя, объясняемыя только аномальностью же и системы русскаго правительства. Но такъ поступила только одна карательница агентовъ этого правительства,—Вѣра Засуличъ. Непосредственные ея послѣдователи сочли за лучшее

назвать себя «исполнителями» воли цѣлой партіи,—и приняли на себя видъ своего рода правительственнаго трибунала, а потомъ и своего рода правительства; они дошли даже до употребленія въ своихъ изданіяхъ словъ «агенты исполнительнаго комитета»! Больше года не только исполнялись имъ отъ имени партіи разные судебные приговоры, основаніи которыхъ никто, кромѣ самихъ исполнителей, не могъ провѣрить, но и заявлялись разныя общія мнѣнія: о европейскомъ социализмѣ и русскомъ народничествѣ, (о необходимости снять съ социализма въ Россіи пѣменную его одежду и одѣть его въ русскую сермягу и взять себѣ въ примѣръ даже раскольническихъ пророковъ и пророчицъ), объ отношеніяхъ социалстовъ къ буржуазіи, либерализму и монархіи (съ которою думала мириться прокламація «Смерть за смерть», а особенно г. Мпрскій) и т. п.,—мнѣнія, весьма и весьма спорныя, и часто противорѣчивыя,—но всегда заявляемыя торжественно отъ имени цѣлой русской социальнореволюціонной партіи.

Между тѣмъ въ этой «партіи» существовали крупныя разногласія,—которыя наконецъ вышли и въ печать, именно тогда, когда «террористы» стали выбираться изъ противорѣчій и тумана руссофильскаго народничества первыхъ номеровъ «Земли и Воли» къ болѣе определенной постановкѣ вопроса о политической свободѣ на обще-европейскихъ основаніяхъ. «Народники» рѣшились отделиться,—и такимъ образомъ въ 1880 г. вмѣсто одного органа р. с. р. партіи оказалось два: «Народная Воля» и «Черный Передѣлъ».—при чемъ первая, органъ «исполн. комитета р. с. р. партіи» должна была объявить, что «исполн. комитетъ» вовсе не представляетъ собою всю партію, а есть «совершенно самостоятельное тайное общество», т. е., другими словами, что это и не «исполнительный», и не «комитетъ». А между тѣмъ имя это за нимъ осталось:—почему?—Потому что уже оно имѣло за себя извѣстную традицію! Соображеніе чисто династическаго, а не революціоннаго характера.

На этомъ дѣло не окончилось. Органъ исполнительнаго комитета принялъ названіе «Народная Воля». Мы помнимъ смущеніе, какое обнаружилось въ нѣкоторыхъ кругахъ рус-

ской эмиграции, болѣе образованныхъ политически и сохранившихъ память объ анархическихъ идеяхъ,—когда телеграммы въ заграничныхъ газетахъ возвѣстили о выходѣ въ Петербургѣ «Народной Воли» и перевели это имя словами: «La volonté du peuple», «Der Volkswille». Эмигранты находили переводъ неправильнымъ и съ своей стороны понимали слово «Воля», какъ Вольность, Свобода,—почему и въ нѣсколькихъ печатныхъ заявленіяхъ около того времени и въ «Revolté» (1 г., № 25) переводили имя новой газеты «La liberté du peuple». Скоро однакожъ подтвердилось, что издатели «Народной Воли» разумѣютъ послѣднее слово дѣйствительно въ смыслѣ «желанія», «рѣшенія»,—«la volonté du peuple», какъ начать переводить даже анархическій «Le Revolté».

«Народная Воля» и прокламаціи исполнительнаго комитета не разъ объявляли, то что они провозглашаютъ «волю народа», то что имѣютъ цѣлью добиться для народа возможности провозгласить свою волю,—передъ которой сами заявляли (и за себя, и даже за партію) готовность преклониться. И при этомъ «партія Народной Воли» заявляла, что она стремится къ установленію въ Россіи «политической свободы».

Но вѣдь понятіе о «народной волѣ» почти противоположно понятію о «политической свободѣ»!

Политическая свобода это прежде всего совокупность извѣстныхъ правъ личныхъ, неотъемлемыхъ ни для кого, ни даже для воли народа,—потомъ, правъ группъ,—самоуправленію общинъ и областей. Союзъ общинъ и областей въ предѣлахъ одного народа (націй) или нѣсколькихъ, только и необходимъ (кромѣ достиженія извѣстныхъ цѣлей, нравственныхъ и экономическихъ, требующихъ большихъ матеріальныхъ средствъ) для охраны названныхъ выше видовъ свободы,—каковая цѣль лучше всего достигается, если и этотъ союзъ, обыкновенно называемый государствомъ, будетъ основанъ на началѣ выборнаго, народнаго, представительства. Но уже изъ сейчасъ сказаннаго видно, что въ такимъ образомъ построенномъ (снизу вверхъ) политически свободномъ государствѣ сама «народная воля» получаетъ весьма ограниченную роль,—но за то народная свобода или лучше свобода всѣхъ живыхъ составныхъ частей народа,

сохраняетъ самое широкое значеніе. Совѣтъ иное получается, если мы начнемъ построеніе государства сверху внизъ отъ народа и его воли. Эта послѣдняя на практикѣ не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только волею большинства, — а въ государствахъ большихъ, — столь отличныхъ отъ древнихъ государствъ общинныхъ или кантональных, — ничѣмъ инымъ, какъ волею большинства представителей большинства народонаселенія. Очевидно, что самодержавіе такой «воли» тѣмъ болѣе часто можетъ идти совершенно въ разрѣзъ съ интересами значительной части населенія и существеннѣйшими правами лицъ, группъ, областей и даже націй. Прибавимъ, что самодержавіе народное, — прямое (въ общинахъ и кантонахъ), и представительное, — не исключаетъ учрежденія диктатуры, на которую переносятся права народного самодержавія, какъ это понималось и въ древнихъ общинно-кантональных республикахъ, и въ римской имперіи, и во французской якобинской республикѣ съ ея коллегіальной диктатурой *Comité du salut publique*, и въ бонапартовскихъ имперіяхъ, какъ это понимается и легитимистами новой Европы, и въ Россіи напр., великороссійскими славянофилами, — и мы тѣмъ яснѣе увидимъ все различіе понятій «народная воля» и «политическая свобода».

Впрочемъ, все это весьма обстоятельно разъяснено цѣлою литературою, которая образовалась послѣ якобинской революціи въ XVIII вѣкѣ. — трудами европейскихъ политическихъ писателей разныхъ направленій, консервативнаго, либеральнаго и социалистическаго, — писавшихъ о «государствѣ и его предѣлахъ». Но эта литература, кажется, столь же мало извѣстна революціонерамъ, какъ и правителямъ въ Россіи, которые, каждый по своему, говорятъ во имя народа, его блага, воли и т. п. Только этигъ незнаемъ, да недостаточнымъ анализомъ настроенія дѣйствительнаго «народа» въ Россіи, въ томъ числѣ и народа ея господствующей національности, можно объяснить то, что «исполнительный комитетъ» общается за себя и, можно сказать, за своихъ наслѣдниковъ подчиниться «народной волѣ», какова бы она ни была, лишь бы она была свободно (?) выражена.

Въ частности, для лицъ, произносящихъ подобныя обѣщанія, опасность отъ необходимости исполнять ихъ еще не очень близка. Практическій вредъ подобныхъ обѣщаній, какъ и всѣхъ политическихъ доктринъ и государственныхъ приѣмовъ «русскихъ террористовъ», заключается въ томъ, что они вовсе не колеблютъ идеи государственно-централистическаго самодержавія, а только переносятъ его въ другія руки. Отсюда происходитъ и та робость покуситься на радикальное отрицаніе существующихъ политическихъ отношеній, какая видна и въ письмѣ Желябова,—въ слабомъ развитіи идеи областной свободы въ «программѣ исполнительнаго комитета», въ совершенномъ умолчаніи ею вопроса о правахъ національностей и въ сокрытіи разнообразнаго населенія Россіи подъ именемъ русскаго народа*). Можно бы было подумать, что русскіе террористы желаютъ сохранить централизованную машину русской имперіи для того, чтобы «на другой день переворота» ею воспользоваться для своихъ цѣлей, какъ это было столько разъ съ революціонерами другихъ европейскихъ странъ. Но самое худшее, это то, что не подорванная даже въ теоріи эта машина,—даже въ случаѣ созыва Учредительнаго Собранія или просто всероссійскаго Земскаго Собора,—можетъ послужить совсѣмъ не революціонерамъ,—болѣе или менѣе социалистамъ,—а кому нибудь другому, напр. консервативно-бюрократической диктатурѣ съ легкими починками, какъ это сталося напр. въ Австріи послѣ 1849 г. Вотъ почему и желательно было

*) Въ «Программѣ исполнительнаго комитета» находимъ, правда, въ раздѣлѣ Б замѣчаніе, что въ народѣ (?) существуютъ, въ числѣ «старыхъ, традиціонныхъ принциповъ... зачатки федеративнаго устройства», а въ раздѣлѣ Г желаніе «широкаго областного самоуправленія, обезпеченнаго выборностью всѣхъ должностей, самостоятельностью міра и экономической независимостью народа»,—но тутъ «область» какъ то смѣшана съ «міромъ» (общиною), къ вопросу о которомъ любятъ сводить всѣ разговоры о самоуправленіи великорусскіе революціонеры,—а передъ этимъ пунктомъ поставленъ другой, по которому «постоянному народному представительству» (т. е. центральному парламенту) предоставляется «полная власть во всѣхъ общегосударственныхъ (?) вопросахъ». Во всей программѣ нѣтъ ни слова о разнациональности областей Россіи и о правахъ національных,—а цѣлью теперешней революціонной дѣятельности постановлено: «отнять власть у существующаго правительства и передать ее Учредительному Собранію».

бы, чтобы въ числѣ другихъ общественныхъ элементовъ и «русскіе террористы» передумали болѣе систематически надѣ вопросомъ о дѣйствительной политической свободѣ, которой нѣтъ безъ децентрализаціи—общинной, областной, національной. Вопросы о національностяхъ имѣютъ ту полезную сторону, что они разлагаютъ представленіе объ единообразіи состава населенія государства, противодѣйствуютъ стремленію къ смѣшенію идей о народѣ (націи) и государствѣ и такимъ образомъ наглядно ставятъ вопросъ о децентрализаціи и о предѣлахъ власти вообще.

Въ самое послѣднее время «исполнительный комитетъ» показывать, что и онъ не совсѣмъ глухъ и слѣпъ къ вопросу о національномъ и областномъ разнообразіи населенія Россіи. Крупный фактъ антиеврейскаго движенія среди украинскаго населенія по дѣйствовать и на него,—а съ другой стороны, и до него проникла идея, которая начинаетъ ходить и среди русскихъ революціонеровъ,—исходя преимущественно изъ южныхъ кружковъ,—о необходимости воспользоваться для борьбы противъ монархическаго строя всѣми остатками свободныхъ учреждений и воспоминаній въ населеніи различныхъ областей Россіи. Подъ вліяніемъ этихъ впечатлѣній и соображеній исполнительный комитетъ въ послѣдніе дни сдѣлать два шага въ сторону признанія національнаго и областного разнообразія того, что онъ называетъ безразлично «народомъ русскимъ», но, къ сожалѣнію, эти шаги отличаются все таки отрывочнымъ, несистематическимъ характеромъ и не показываютъ должнаго знанія даже тѣхъ населеній, къ которымъ обращается «исполнительный комитетъ» *).

Мы разумѣемъ двѣ прокламаціи «исполнительнаго комитета»,—одну къ украинцамъ по поводу противоеврейскаго дви-

*) Со время извѣстнаго «упраздненія наукъ», а особенно наукъ, которыя казались великорусскимъ революціонерамъ «націоналистическими», всѣ ихъ заявленія и дѣйствія отличаются болѣе эмпирическимъ характеромъ,—«на ощупь»,—нежели систематическимъ, основаннымъ на синтезѣ. Пополнить этотъ недостатокъ лежитъ на тѣхъ поколѣніяхъ, которыя еще не застигнуты активнымъ движеніемъ и находятся въ школахъ, если только эти поколѣнія употребятъ время зеленой молодости на изученіе хода политическо-соціальной жизни въ передовыхъ странахъ Европы и истинныхъ условій разныхъ краевъ Россіи.

женія. другую къ «славному войску казацкому». Первая замѣлательна главнымъ образомъ по своему языку: это первый опытъ обращенія «исполнительнаго комитета русской с. р. партіи» къ части населенія Россіи на языкѣ неофициальномъ. Но, по своему содержанію, прокламація эта представляетъ или увлеченіе народничествомъ за предѣлы, дозволенные для соціалистовъ интернаціональнаго направленія или показываетъ въ авторахъ незнакомство съ условіями жизни всѣхъ частей Украины: прокламація не знаетъ вовсе евреевъ неэксплуататоровъ, а рабочихъ, которыхъ точно очень мало въ лѣвобочной и степной Украинѣ, но которыхъ довольно много въ Украинѣ правобочной. Далѣе прокламація эта не предлагаетъ украинскому ничего другого, кромѣ правленія всероссійской «Палаты Депутатовъ», которая будетъ «управлять (всероссійскимъ) народомъ по его «Народной Волѣ»: перспектива столь же мало соблазнительная для украинцевъ сознательныхъ, сколько и мало образумительная для украинцевъ не образованныхъ. И тѣмъ, и другимъ слѣдовало показать возможность органовъ самоуправленія помельче и вмѣстѣ съ тѣмъ поближе къ ихъ странѣ, чѣмъ всероссійская Палата депутатовъ, которая будетъ «управлять» Украиной и въ которой представители хотя бы и народной волн 16—17 миліоновъ украинцевъ будутъ въ меньшинствѣ сравнительно съ представителями «народной волн» 40 миліоновъ великоруссовъ. Какъ бы украинскому народу не пришлось сказать вмѣстѣ съ Прудономъ: *La forme change. la tyrannie est immuable!* Въ прокламаціи къ козакамъ нахъ бросилось въ глаза незнаніе того, что большая часть кубанскихъ казаковъ—недавніе Черноморцы, наслѣдники Запорожцевъ,—которымъ совсѣмъ ничего не говорятъ имена Разина и Пугачева. какими только и довольствуется прокламація, ни слова не говорящая о Сѣви Запорожской!

Конечно, и въ Петербургѣ обязательно знать прошлое разныхъ областей, если уже признано за нужное къ нимъ обращаться съ напоминаніемъ ихъ прошлаго,—но вообще приспособиться надлежащимъ образомъ къ условіямъ каждой области могутъ только мѣстные организаціи, которыя поставятъ себѣ цѣлью организацію широкаго политико-соціального дви-

женія, а не одни только политическія убійства. Но о такихъ организаціяхъ, которыя могутъ надлежащимъ образомъ сфедерироваться только снизу вверхъ,—органы великорусскихъ террористовъ еще не говорили.—а потому и мы должны оставить фракцію великорусскихъ революціонеровъ на слабыхъ попыткахъ дифференціаціи ея дѣятельности, которыя сейчасъ упомянуты и которыя не измѣняютъ сущности ея узко-великорусскаго и яковинскаго характера *).

VI.

О необходимости мѣстныхъ организацій говорилъ органъ другой фракціи великорусскихъ социалистовъ.—«Черный Передѣлъ», называвшій себя «органомъ социалистовъ-федералистовъ». Но и съ его федеральными стремленіями произошло то же самое, что происходитъ обыкновенно съ вопросомъ федерализма во всѣхъ россійскихъ партіяхъ,—къ которымъ въ данномъ случаѣ невольно прикладывается пословица: «далъ богъ копѣчку, а чертъ дырочку,—и пошла божья копѣчка въ чертову дырочку!»

Въ первомъ номерѣ «Чернаго Передѣла» мы прочитали слѣдующія слова, которыя заставляли ожидать многого:

«Что касается названія нашего изданія органомъ социалистовъ-федералистовъ, то оно объясняется нашимъ убѣжденіемъ, что лишь федеративный принципъ въ политической

*) Слѣдуетъ замѣтить, что ограниченіе революціонной борьбы (практическое, если не теоритическое) на т. наз. «террористическихъ» предпріятіяхъ способствуютъ развитію централистическихъ наклонностей, а дальше и теорій. Дѣйствительно «террористическія» предпріятія требуютъ своего рода централизаціи и даже диктатуры. Затѣмъ, при извѣстной кружковой близорукости, сначала кажется что и все дѣло революціонное сосредоточивается въ томъ дѣлѣ, которымъ занятъ кружокъ, а потому у него и является желаніе подчинить себѣ всѣ остальные революціонные кружки,—а дальше является и мысль о томъ, что если признать федеративную теорію и въ принципѣ, то это можетъ повлечь за собою разложеніе той централизаціи, которая установилась уже для данныхъ «террористическихъ» предпріятій.

організації освободивнагося народа *), только полное устраненіе принудительнаго начала. на которомъ основаны современныя государства, и свободная организція снизу вверхъ могутъ гарантировать нормальный ходъ развитія народной жизни. На сколько торжество федеративнаго принципа можетъ быть достигнуто однимъ ударомъ, однимъ побѣдоноснымъ революціоннымъ движеніемъ, невозможно. конечно, сказать въ настоящее время. Но партія должна направить всѣ свои усилія къ обезпеченію его торжества, и соціально-революціонныя изданія не могутъ обходить молчаніемъ этого важнаго вопроса. Этнографическій составъ населенія русскаго государства постоянно заставляеть считаться съ нимъ и въ современной намъ практикѣ. Малороссія, Бѣлороссія, Польша, Кавказъ, Финляндія, Бессарабія,—каждая изъ этихъ составныхъ частей Россійской Имперіи имѣетъ свои народныя особенности, требуетъ саомытнаго, автономнаго развитія».

Но при внимательномъ разсмотрѣніи даже I № «Чернаго Передѣла» открывается уже та «дырочка», въ которую должны были уйти заключающіяся въ вышеписанныхъ словахъ добрыя намеренія. Остановившись напр. на заглавіи газеты, мы увидимъ, что имя ея, очевидно областное даже изъ областныхъ «Черный Передѣлъ»—терминъ великорусскій и даже въ Великоруссіи преимущественно тѣсной, верхневолжской.—т. е. той полосы, гдѣ существовали до недавняго времени т. наз. «черные», т. е., вольные крестьяне, какъ противоположность крестьянамъ владѣльцевъ, освобожденныхъ (объленныхъ) отъ повинностей государству**). Такимъ образомъ,—оставляя даже

*) Мы бы сказали и «освобождающагося» народа (а въ Россіи народовъ), такъ какъ историческіе примѣры (Швейцарія, Голландія, С. А. Соед. Штаты) показали, что только тамъ установилась федерація, гдѣ самый процессъ освобожденія велся по федеративному способу.

**) Вотъ опредѣленіе понятія о «черномъ передѣлѣ» въ книгѣ г. Якушкина, «Обычное право»: «Можно положительно сказать, что идеаль ярославскихъ крестьянъ составляетъ не личная собственность, а, такъ называемый, адѣсь черныи передѣлъ, по которому вся земля, кому бы она ни принадлежала, должна дѣлиться между всѣми, по числу душъ... Ярославскіе раскольники придаютъ черному передѣлу религіозный характеръ: передъ кончиною міра

въ сторонѣ полное несоотвѣтствіе термина «Черный *Передѣлъ*» съ идеей социализма, которая именно исключаетъ понятіе о передѣлѣ,—имя это могло бы быть названіемъ развѣ популярной газеты и при томъ ультранароднической въ одной изъ областей Россіи, каковою напр. для Украины могла бы служить газета съ именемъ, напр., «Слупиній Час». А между тѣмъ издатели «Чернаго Передѣла» предназначили ему быть, во первыхъ, газетой для интеллигенціи и, во вторыхъ, всероссійской.

Послѣ выписанныхъ словъ въ 1 № «Ч. П.» читаемъ:

«Въ виду этого было бы весьма полезно развитію мѣстной революціонной литературы: но пока оно составляетъ задачу будущаго, «Черный Передѣлъ» по необходимости (?) является органомъ всѣхъ *русскихъ социалистовъ*, раздѣляющихъ основныя положенія его программы. Тѣмъ не менѣе, каждое указаніе на мѣстные отличія въ постановкѣ социальнаго вопроса и практическихъ приемахъ партіи всегда найдетъ самый радужный приемъ на страницахъ нашего изданія».

Но словно чувствуя неловкость своего положенія, несоотвѣтствіе имени и языка своей газеты съ ея всероссійскими претензіями, издатели не рѣшились поставить определенное прилагательное (напр. русскихъ) во второмъ заглавіи изданія и назвали его глухо: «органъ социалистовъ-федералистовъ»,—тогда какъ имъ слѣдовало бы написать просто и откровенно: «великорусскихъ», подобно напр., заглавію: «Der Social-Democrat. Internationales Organ der Socialdemocratie deutscher Zunge» 1880. Въ 1881 г.—D. Soc. Dem. Zentral-Organ der Deutschen Socialdemocratie».

Подобное заглавіе и соотвѣтственная ему локализациа матеріала и способа изложенія, локализациа программы о способахъ дѣятельности придали бы изданію и его фракціи живой областной характеръ, который, кромѣ прямой пользы для данной области, былъ бы полезенъ и косвенно, какъ примѣръ и для дѣятелей другихъ областей. Но неясность ли

ударится на землѣ правда, и тогда земля будетъ раздѣлена равномерно между всѣми.» Въ 6 № «Народной Воли» корреспондентъ изъ Воронежской губерніи пишетъ, что въ той мѣстности «черный передѣлъ» названіе не особенно употребительное» и что въ Тамбовской губ. вмѣсто него говорятъ «литургія». (II)

идей, или боязнь потерять поддержку невеликорусских членов кружка (названные въ объявленіи объ изданіи газеты сотрудники большею частью не великоруссы), заставляла группу «Ч. П.» погнаться въ одно время и за областностью, и за всероссійствомъ. Правда, это всероссійство свое группа хотѣла вначалѣ осуществить на болѣе или менѣе федеральномъ началѣ, объявивъ въ концѣ 1 № подписку на изданія «народныхъ книгъ на великорусскомъ и малорусскомъ языкахъ». Но кончилось тѣмъ, что группа издала пока четыре №№ «Чернаго Передѣла» и столько же рабочей газеты «Зерно» исключительно на великорусскомъ языкѣ и ни одного листка на украинскомъ и въ дальнѣйшихъ своихъ заявленіяхъ объ изданіяхъ на этомъ языкѣ уже и не упоминаетъ.

Такая же участь постигла и заявленныя въ одно время съ выходомъ первыхъ номеровъ «Ч. П.» [дифференціаціонныя нахѣренія] основателей «Русской Соціально-Революціонной Библіотеки», въ числѣ которыхъ мы видимъ нѣкоторыхъ лицъ изъ тѣхъ, которые выступали публично, какъ члены редакціи «Ч. П.» «Объявленіе объ изданіи Русской Соціально-революціонной Библіотеки*) признало недостатокъ дифференціаціи въ прежней дѣятельности «русскихъ» социалистовъ, между прочимъ, въ слѣдующихъ словахъ: «До появленія «Паровой машины» на малорусскомъ языкѣ, мы не помѣли ни одной книжки, которая доказывала бы, что мы помнимъ о разномплеменномъ составѣ Россійской Имперіи**). Предназначая свои народныя изданія для всего трудящагося люда, отъ одного конца Россіи до другого, мы не приняли во вниманіе того обстоятельства, что русское государство состоитъ изъ различныхъ народностей, вполне сохранившихъ, въ низшихъ слояхъ населенія, свою національную самобытность и свой языкъ. «Сказку о четырехъ братьяхъ» могли понимать только великоруссы; «Емелька Пугачевъ» считался годнымъ для оживле-

*) Оно ни кѣмъ не подписано, но въ числѣ объявленныхъ въ немъ сотрудниковъ, которые вполне раздѣляли его идеи, находимъ имена г.г. Гартмана, Морозова, Лаврова, Павловскаго, Плеханова и др.

**) Издатели «Паровой Машины» всегда объ этомъ помнили и напоминали другимъ! М. Др.

нія революціонной традиції какъ въ Поволжьи, такъ и въ Малороссіи, воспѣвающей своихъ народныхъ героевъ, имѣвшей свои массовыя движенія. Какъ извѣстно, проповѣдники христіанства были въ этомъ отношеніи практичныѣ, чѣмъ мы, ибо апостолы своевременно позаботились о сошествіи святого духа и о полученіи дара говорить на всѣхъ языкахъ. Но авторы объявленія хотѣли соединить, по своему, разнообразіе съ единствомъ, предположивъ изданія всетаки для всей Россіи, или по крайней мѣрѣ для Россіи славянской, впрочемъ, кажется, безъ польскихъ областей,—но съ раздѣленіемъ на два отдѣла: 1) *Для интеллигенціи*, т. е., для читателей, подготовленныхъ къ чтенію серьезныхъ трудовъ и располагающихъ необходимымъ для этого досугомъ, и 2) *для народа*, т. е., для читателей, не могущихъ воспользоваться трудами первой категоріи (оригинальное опредѣленіе *народа*!). Сюда войдутъ популярныя брошюры для рабочихъ, крестьянъ, козачества и т. д. Народныя изданія „Р. С. Р. Б.“ по языку и способу изложенія будутъ примѣняться къ важнѣйшимъ экономическимъ и этнографическимъ особенностямъ различныхъ мѣстностей Россіи.

Мы уже намекали выше, что такое раздѣленіе народа и интеллигенціи не демократично, и непрактично. На основаніи всѣхъ видѣнныхъ нами примѣровъ, такое раздѣленіе, какъ компромиссъ между народно-областностью и государственностью, есть то же одна изъ тѣхъ „дырочекъ“, въ которыя уходятъ „божьи конфетки“. При всѣхъ такихъ компромиссахъ государственно-національный элементъ непременно поѣдаетъ элементы народно-областные. Интересы этихъ послѣднихъ могутъ быть ограждены только такою организаціею, которая признаетъ полную равноправность народно-областныхъ элементовъ (напр., въ области слова, необходимость для нихъ литературы, — какъ элементарной, такъ и высшей, — развитіе которой должно быть предоставлено на волю самихъ мѣстныхъ дѣятелей, а не быть отыѣриваемо сверху представителями центрального элемента и учрежденія), — такою организаціею, которая будетъ состоять прежде всего изъ народно-областныхъ обществъ, а потомъ уже изъ союза ихъ, такъ или иначе представленнаго.

На основаніи этихъ соображеній мы еще передъ выпускомъ «Объявленія объ изданіи Р. С. Р. Библіотеки», которая положила себѣ цѣлью объединеніе дѣятельности «всѣхъ фракцій русскаго социализма», считая за фракцію его и украинскихъ социалистовъ, группы «Громады», (каковая тѣсно соединена съ галицкою группою «Громадського Друга»),— предлагали и на собраніяхъ эмигрантовъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи, и въ печатныхъ циркулярахъ, разосланныхъ въ разные пункты, стремиться къ «Восточно-европейской интернаціональной федераціи», которая бы имѣла въ виду дѣятельность для всѣхъ націй Восточной Европейской равнины, входящихъ въ составъ, какъ русскаго государства, такъ и Пруссіи (литовцы, поляки), Австро-Венгріи (поляки, украинцы, румыны) и Румыніи (румыны, украинцы и великоруссы—въ Добруджѣ). Какъ первый приступъ къ такой федераціи, мы предлагали образованіе литературнаго союза для социалистическихъ публикацій на всѣхъ языкахъ Восточной Европы,—плебейскихъ, какъ и государственно-аристократическихъ.

Предлагая, что и замысль изданія «Русской Соціально-Революціонной Библіотеки» можетъ быть все таки полезнымъ дѣломъ, какъ шагъ, хотя и робкій, но все таки въ направленіи народно-областномъ,—мы сочли себя обязанными обѣщать свой литературный вкладъ въ эту библіотеку, хотя и должны были отказаться отъ принятія выбора въ члены ея редакціоннаго комитета и вообще отъ всякаго участія въ ея организаціонной дѣятельности, считая основанія «Библіотеки» не достаточно федеративными. Для проведенія болѣе радикально-федеративнаго плана, мы изложили его въ новомъ циркулярѣ: «Вниманію социалистовъ-эмигрантовъ изъ Россіи». Въ циркулярѣ этомъ мы воспроизвели, между прочимъ, слѣдующія пять положеній, представленныхъ нами весною 1880 г. на разсмотрѣніе собранія эмигрантовъ въ Женевѣ (великороссовъ, евреевъ, поляковъ, украинцевъ и др.) послѣ цѣлаго ряда рефератовъ разныхъ лицъ и преній: 1) *объ отношеніи борьбы за политическую свободу къ дѣлу социализма въ Россіи* и 2) *о федерализмѣ и централизмѣ въ дѣлѣ социалистической пропаганды въ Восточной Европѣ*. Вотъ эти положенія:

„1) Собрание отдасть предпочтене соціальнымъ и революціоннымъ организаціямъ равноправно-федеральнымъ передъ централистическими и іерархическими.

„2) Собрание считаетъ болѣе соотвѣтственнымъ интересамъ социализма на Востокѣ Европы организацію соціальныхъ партій по естественнымъ областямъ: географическимъ, экономическимъ и національнымъ, тѣмъ на основаніи государственныхъ границъ, существующихъ и традиціонныхъ.

„3) Въ интересахъ пропаганды социализма на Востокѣ Европы собрание считаетъ существенною необходимостью организацію социалистической печати на языкахъ народныхъ, а не на однихъ только языкахъ государственныхъ и высшихъ сословій.

„4) Такъ какъ изъ языковъ населеній Восточной Европы социалистическая печать уже начата на языкахъ русскомъ, украинскомъ, польскомъ и румынскомъ, то собрание считаетъ теперь очереднымъ дѣломъ организацію такой же печати на языкахъ: эстонскомъ, латынскомъ и литовскомъ, бѣлорусскомъ, на языкахъ евреевъ и кавказцевъ,—а также приспособленіе нѣмецкой социалистической литературы къ быту нѣмецкихъ рабочихъ на Востокѣ Европы.

„5) Признавая существенно необходимымъ образованіе и сохраненіе въ Восточной Европѣ разнаго рода мѣстныхъ (областныхъ и національных) социалистическихъ кадровъ, собрание вмѣстѣ съ тѣмъ считаетъ необходимымъ возможно болѣе тѣсную связь ихъ и взаимную помощь.“

Изъ этихъ положеній второе стало предметомъ особенно горячихъ преній на нѣсколькихъ собраніяхъ въ Жоневѣ и встрѣтило особенную оппозицію именно со стороны представителей «Równosci»,—органа «польскихъ социалистовъ», которыхъ самое имя должно бы говорить въ пользу признанія ими національной основы (базиса, а не принципа) для ихъ дѣятельности,—и «Чернаго Передѣла», органа «социалистовъ-федералистовъ», которымъ принадлежатъ выписанныя выше слова о необходимости считаться съ этнографическимъ составомъ населенія и пр. Громаднымъ большинствомъ наше положеніе было отвергнуто, вмѣстѣ съ самой идеей существова-

нія какихъ либо естественныхъ областей, кромѣ государствъ, —которыя, государства, и признаны были единственными основами для организаціи соціалистическихъ партій. Это рѣшеніе имѣеть въ виду посланіе группы «Przedswita»: «Къ товарищамъ русскимъ соціалистамъ», когда говорить о «рѣшеніи бывшей группы «Rownosc», принятомъ на основаніи переговоровъ съ русскими товарищами въ прошедшемъ году, а именно, что.

а) на характеръ соціально-революціонной организаціи вліяють *исключительно* обще-экономическіе интересы и политическія условія.

б) что организація соціалистическихъ партій можетъ совершаться на основаніи условій экономическихъ, съ одной стороны, и фактически существующихъ государственно-политическихъ, съ другой, причемъ этнографическія границы національности никакъ не могутъ служить базисомъ для организаціи и т. п. *).

*) Замѣтимъ, при случаѣ, что, какъ оказывается изъ вышеприведенныхъ словъ, группа бывшей «Rownosci» прекрасно понимаетъ, что значить слово «базисъ», между тѣмъ какъ еще въ 1890 г., когда мы, обсуждая занимающій теперь и эту группу вопросъ, сказали въ статьѣ «Les nations de l'Europe Orientale et le socialisme international» въ «Revue Socialiste», — что всѣ государственныя основы (bases) польскихъ и русскихъ соціалистовъ находятся въ противорѣчій съ революціей, а особенно соціальною, — то группа «Rownosci» приписало намъ мысль, будто ни у польскихъ, ни у русскихъ соціалистовъ нѣтъ соціально-революціонныхъ идей (principes), и подняла противъ насъ крестьянскій походъ, напечатавъ, — вѣстѣ съ представителемъ «Черн. Перед», — противъ нашей статьи протестъ (!) отъ имени „большинства польскихъ и русскихъ соціалистовъ въ Женевѣ“. Протестъ этотъ, давая ложное понятіе о нашихъ мысляхъ и, главное, намѣреніяхъ тѣмъ, кто не могъ прочесть нашихъ статей во французскомъ журналѣ, — подрывалъ въ самомъ началѣ разсужденія о томъ организаціонномъ вопросѣ, которымъ теперь должна была заняться гласно сама группа „Przedswita“. — Надѣмся, что читатель извинитъ намъ это и еще нѣсколько сдѣланныхъ въ такомъ родѣ прихвачаній и не сочтетъ ихъ за исключительно личныя. Ихъ всегда непріятно дѣлать, но иногда необходимо, въ цѣляхъ общихъ, такъ сказать, санитарнаго характера: если откуда, то именно изъ революціонныхъ сферъ, слѣдуетъ изгонять неискренность пріемовъ и всякое политиканство, дѣйствія инсинуаціями, анафемами и т. п. способами «старого міра», — лучшее средство изгнанія которыхъ гласное на нихъ указаніе.

Даже и изъ выписанныхъ выше положеній нашихъ не видно, чтобы мы отрицали значеніе обще-экономическихъ или политическихъ условій, но только мы не придаемъ этимъ условіямъ (да и никакимъ другимъ) *исключительнаго* значенія. Нельзя отрицать ни частныхъ экономическихъ условій каждой области,—между прочимъ, родовъ производства, расположенія центровъ его и рынковъ обмѣна, опредѣляющихъ расположеніе и движеніе населенія въ фактически существующихъ экономическихъ бассейнахъ, ни нравственныхъ условій, вытекающихъ изъ существованія національностей, которыя образуютъ связь между населеніемъ, каковая связь важна въ особенности при пропагандѣ словомъ и письмомъ, пропагандѣ, требующей своей организаціи. Нельзя отрицать также фактически существующихъ осложненій обще-экономическихъ и политическихъ условій, если въ извѣстныхъ областяхъ распластованіе населенія на аристократію, буржуазію, бюрократію и рабочіе классы соотвѣтствуетъ его раздѣленію на національности, какъ это, напр., имѣетъ мѣсто во всей почти странѣ отъ Вислы до Днѣпра.

Между тѣмъ «переговоры бывшей группы «*Rownosci*» съ русскими товарищами» прошли губкою по всѣмъ фактически существующимъ особенностямъ жизни народовъ и областей,—признавъ только условія обще-экономическія и государственныя *). Но такъ какъ въ каждомъ почти государствѣ, какъ мы не разъ говорили, фактическія условія сложили національный централизмъ,—то отрицательное отношеніе къ инымъ основамъ организаціи, кромѣ государственныхъ, оказывается равносильнымъ признанію преміи въ пользу государственно-національнаго централизма, т. е., въ Россіи великорусскаго, въ Пруссіи нѣмецкаго, въ Галиціи (такъ какъ о всей Австріи серьезно и рѣчи быть не можетъ) польскаго. Уже изъ послѣд-

*) Почти къ тому же заключенію пришелъ и г. Лавровъ въ примѣчаніи VII къ брошюрѣ Шэфле «Сущность социализма» — «*Национальный вопросъ въ социализмѣ*», издаванномъ и въ «Русск. Соц. Рев. Библіотекѣ» и по польски въ «*Biblioteka Rownosci*». Мы итѣмъ основаніе считать это примѣчаніе до извѣстной степени за отвѣтъ (отрицательный) на наши предложенія.

ного видно, что польская національность вышла не совсѣмъ обдѣленною изъ этихъ «переговоровъ». А кромѣ того, какъ мы уже показали, — въ третьемъ пунктѣ соглашенія «бывшей группы Rownosci съ русскими товарищами», — послѣ рѣшительныхъ словъ: с) «что слѣдовательно польская политическая партія, какъ нѣчто цѣлое, существовать не можетъ, а могутъ быть только польскія социальныя группы въ Россіи, Австріи и Германіи *), которыя, сообщаясь съ соц. организаціями иныхъ національностей въ данномъ государствѣ **), создаютъ органическій союзъ», — поставлена оговорка: «что не можетъ мѣшать имъ (польскимъ группамъ) входить въ связь между собой ***). Такимъ образомъ, изъ упомянутыхъ прошлогоднихъ переговоровъ вышли побитыми только національности плебейскія и области, ими населенныя, — что мы напередъ и предсказывали.

Мы говорили, между прочимъ, что безъ признанія необходимости областныхъ и національных организацій даже такое, повидимому, безспорное дѣло, какъ пропаганда на живыхъ языкахъ всѣхъ народовъ, а не однихъ только привилегированныхъ, не можетъ быть даже начата. И дѣйствительно, не только никто изъ забаллотировавшихъ наше предложеніе польскихъ и великорусскихъ централистическихъ псевдонационалистовъ, но и, въ частности, члены группы «Чернаго Передѣла» и «Русской Соціально-Революціонной Библіотеки», не смотря на свои обѣщанія, не издали ни одной не только книжки, но даже странички на какомъ бы то ни было плебейскомъ языкѣ, а теперь даже и не говорятъ о своихъ недавнихъ обѣщаніяхъ. Единственная литературная попытка пропаганды социализма на плебейскомъ языкѣ, сдѣланная съ тѣхъ поръ, — была бѣлорусская брошюрка «Про богатство та

*) а польскія группы — это какое же понятіе, этнографическое или общео-экономическое и политическое? Или только „этнографическія“ границы народа польскаго для польскихъ групп не могутъ служить базисомъ для организаціи??!

**) Какихъ національностей? — всѣхъ, или только государственныхъ и аристократическихъ??

***) Въ какихъ границахъ опять?

бедность», изданная украинскими социалистами, — которые остались в таком поразительном меньшинстве на женевских «переговорах» и против идей которых высказался и г. Лавров в одном из изданий «Русской Социально-Революционной Библиотеки».

Побитою оказалась на прошлогодних переговорах группы «Rownosci» и «русских ее товарищей» и идея областных организаций вообще. А между тем в одной из областей России уже показывались признаки крупных народных движений. Мы говорим об области украинской, в которой в последние 70-ые годы произошли весьма многочисленные аграрные волнения и несколько городских «беспорядков» и готовилось произойти противоеврейское движение. Это последнее было предвидено небольшою группою украинских социалистов, которые, стоя на своем областном базисе, видели осложнения «обще-экономических условий» национальными отношениями евреев и украинцев и указывали на необходимость принять во внимание эти осложнения. Между прочим, как раз перед тем, как польские социалисты группы «Rownosci» порешили вместе с их русскими товарищами, что «на характер социально-революционной организации влияют исключительно обще-экономические интересы и политические условия», трое из украинских социалистов сочли необходимым выступить с поддержкою мысли об образовании специальной группы социалистов евреев, которая бы имела целью пропаганду среди еврейского населения в Восточной Европе на живых его языках, и мотивировали эту поддержку следующим образом:

„В области, заселенной украинским народом в России и Австрии, живет теперь больше 1 миллиона евреев. С другой стороны, вряд ли где нибудь происходила столь ожесточенная борьба между массаю туземного населения и евреями, как в Украине XVII и XVIII ст., в которой евреи являлись органами противного народу государственного и социального порядка.

„В настоящее время только треть евреев украинской области может быть причислена к явно эксплуататорскому

классу другая же треть должна быть отнесена к классу рабочему, и эта треть, равно как и значительная часть изъ остальной трети, — помощников и прислуги у первой, — далеко не пользуется выгодами доходов, извлекаемых, хотя бы и при помощи ея членов, еврейскими капиталистами, и живет в нищету, часто даже превосходящей нищету «христианского пролетариата». Между тѣм старая социальна-национальная борьба между украинцами и евреями оставила по себѣ живую память у потомков обѣих сторон, и память эта удаляет одни от других и такіе слои обѣих элементов населенія, которые принадлежат к одинаково рабочим и одинаково терпящим от теперешних экономических порядков. При теперешнем отношеніи между украинским народом и евреями можно ожидать что всякое движеніе перваго против этих порядков будет сопровождаемо кровавыми сценами еврейскаго избиенія, гораздо болѣе несправедливыми, чѣм сцены XVII и XVIII в. С другой стороны, антагонизм между евреями и не еврейскими массами народа в Украинѣ служит одною из причин солидарности между такими слоями населенія самих евреев, которыхъ интересы в сущности противоположны между собою.

„Вот почему для социалистов Украинской области представляется дѣлом особенной важности организація пропаганды, которая бы имѣла цѣлью, с одной стороны, отдѣленіе рабочих еврейских масс от еврейских капиталистов, а с другой, — соединеніе еврейских рабочих с рабочими других племен. Так как одним из самых дѣйствительных средств для начала этой пропаганды может служить социалистическая печать на разговорныхъ языках евреев, то мы не сомнѣваемся, что всѣ наши товарищи в украинской области окажут поддержку вышеизложенному предпріятію товарищей-евреев“.

Встрѣченный враждебно какъ польскими и русскими псевдо-интернационалистами, такъ и украинскими націоналистами, замыселъ этотъ не привелъ пока ни къ чему, — если не считать заявленія къ нему сочувствія со стороны львовскихъ польско-украинскихъ рабочихъ кружковъ *). Противоеврейскій

*) Параллельно этой, пока чисто теоретической, попыткѣ еврейскихъ и украинскихъ социалистовъ въ Женевѣ, на самой Украинѣ попробовали сбли-

погромъ на Украинѣ засталъ врасплохъ тамошнихъ социалистовъ, русскихъ, поляковъ и евреевъ, далеко не малочисленныхъ. Мы далеки отъ мысли, чтобъ принятіе въ самое послѣднее время предложенія небольшихъ женевскихъ группъ, еврейской и украинской, могло оказать существенное вліяніе на ходъ послѣднихъ протівоеврейскихъ демонстрацій. Для такого вліянія необходима была долгая и систематическая работа. Но даже небольшія проявленія новаго отношенія къ еврейскому вопросу на Украинѣ,—въ родѣ одной-двухъ прокламацій и къ евреямъ, и къ украинцамъ, попытокъ удержанія христіанской массы отъ нанесенія вреда евреямъ-рабочимъ (которые такъ пострадали напр., въ Кіевѣ), участіе хоть нѣсколькихъ евреевъ-рабочихъ въ демонстраціяхъ протівъ еврейскихъ эксплуататоровъ,—все это могло бы послужить зерномъ для новаго, раціональнаго направленія движенія, проявившагося въ «разгромахъ евреевъ». Но ничего подобнаго не случилось на Югѣ Россіи главнымъ образомъ потому, что тамошняя масса русскихъ социалистовъ, родомъ изъ евреевъ, поляковъ и украинцевъ, отзлекаемая абстрактными формулами и централистическими тяготѣніями, оказалась неприготовленною къ пониманію мѣстныхъ соціально-національныхъ отношеній въ ихъ конкретныхъ формахъ. Во время самаго разгрома соціалистическіе кружки оказались совсѣмъ въ сторонѣ отъ дѣйствія, а послѣ погрома (или лучше сказать, послѣ перваго акта его) «русскіе социалисты» попробовали сказать о немъ свое слово,—но, какъ видно по примѣрамъ прокламацій, между прочимъ, и «Народной Воли», не совсѣмъ удачно. Судя по газетнымъ о нихъ извѣстіямъ, прокламаціи эти или идутъ совершенно въ разрѣзъ не только съ народнымъ взглядомъ, но даже и съ дѣйствительностью, отрицая совершенно еврейскій вопросъ, какъ осложненіе общаго вопроса объ эксплуататорахъ народнаго труда,

зятся между собою «братчики-штундисты» украинское и еврейское «братство» въ Елизаветградѣ, обсуждая съ обонхъ сторонъ возможность соединенія евреевъ и украинцевъ въ совмѣстномъ производительномъ, земледѣльческомъ трудѣ. Это—слабыя теперь зерна будущаго крупнаго движенія, которое одно въ состояніи гуманно рѣшить еврейскій вопросъ на Украинѣ.

«разгромлялъ евреевъ». А между тѣмъ истинная точка зрѣнія заключается не въ этихъ двухъ отношеніяхъ, а въ третьемъ. Но эта третья точка можетъ получиться только изъ детальнаго изслѣдованія дѣла съ его общими и частными, экономическими и національными подробностями. Эти подробности проскальзываютъ въ послѣднее время и въ великорусскихъ социалистическихъ газетахъ, только очень отрывочно. Такъ напр., въ № 4 «Чернаго Предѣла» находимъ такое, для многихъ, не желающихъ признавать что либо, кромѣ «обще экономическихъ отношеній», еретическое сообщеніе одного корреспондента съ лѣваго берега Днѣпра. «Когда панъ надъ тобою властвуетъ, это не такъ обидно, а то жидъ,—говорятъ крестьяне. Вообще, противъ пановъ нѣтъ такого сильнаго личнаго озлобленія, какъ противъ евреевъ, хотя, понятно, и первыхъ крестьянинъ далеко не жалуется. «Намъ бы только съ жидами справиться, а тамъ и за пановъ примемся»,—говоритъ онъ. Народъ, какъ мнѣ кажется, держится извѣстной градаціи по отношенію къ своимъ врагамъ. На первомъ планѣ является у него кулакъ иновѣрецъ, даѣе кулакъ православный, но изъ чужой народу среды, баринъ, и наконецъ уже слѣдуютъ гг. Разуваевъ и Колупаевъ, т. е., свой же братъ мужикъ*). Еврейскій разгромъ—презюдія къ болѣе серьезному и цѣлесообразному народному движенію». Послѣднія строки наводятъ, между прочимъ, на слѣдующія размышленія. Теперешнее положеніе Россіи многіе не безъ основанія сравниваютъ съ положеніемъ Франціи передъ Великой Революціей 1789 г. Во время же этой революціи предводителями крестьянской борьбы противъ дворянъ-помѣщиковъ и потомъ противъ королевской администраціи были очень часто сельскіе Разуваевы и Колупаевы, которые же больше всего и воспользовались плодами революціи

*) Сравни. въ украинской брошюрѣ „Як наша земля стала не наша“, 1876 г., стр. 55. Къ стати, замѣтимъ, что такъ любимое въ русской народнической литературѣ слово «кулакъ» въ переносномъ смыслѣ, очень мало распространено въ народѣ и въ самой Великороссіи. На Украинѣ никто его не понимаетъ.

или же совершенно становятся на точку зрѣнія тѣхъ, кто въ селахъ. Почему же повторится тому же самому и въ Россіи? Далѣе,—если въ народѣ существуетъ градація враговъ,—то не можетъ ли слѣдующій за еврейскимъ народный разгромъ направиться, напр., на правобочной Украинѣ на пановъ-поляковъ, въ другомъ мѣстѣ на полицейскихъ чиновниковъ и т. п. *) Вотъ подмѣтить эту градацію и вообще всѣ мѣстные варіаціи обще-экономическихъ и политическихъ условій, съ тѣмъ, чтобъ не быть вѣчно захватываемыми врасплохъ событіями,—какъ это постоянно случается съ русскими революціонерами, которыхъ захватило врасплохъ и польское возстаніе 1863 г., и сербско-болгарская война 1875—1878, и противоеврейское движеніе 1881 г.—только и могутъ областныя соціально-политическія организаціи, конечно, вооруженныя политическимъ образованіемъ. О такихъ организаціяхъ и слѣдовало бы прежде всего позаботиться **).

*) И самые евреи—теперь агенты фиска въ шенкахъ и при взысканіи недоимокъ.

**) Что незваніе великорусскими революціонерами положенія дѣлъ на Украинѣ было причиною ошибокъ ихъ въ польскомъ вопросѣ и неприготовленности во время еврейскаго погрома,—это видно съ перваго раза. Но такъ ясна связь подобной же неприготовленности во время послѣдней восточной войны съ отсутствіемъ достаточно сильной оппозиціонной организаціи въ украинской области. Дѣло въ томъ, что съ Украиной,—которая своимъ присоединеніемъ къ Москвитинѣ навязала послѣдней антитурецкую политику,—видѣе жизненныя подробности восточнаго вопроса, чѣмъ изъ Петербурга, и подробности эти чувствуются болѣе съ народной, а не съ православно-государственной точки зрѣнія, какъ въ Москвѣ. Вотъ почему небольшая группа сознательныхъ украинцевъ еще съ конца 60-хъ годовъ почувствовала близкую необходимость взрыва на берегахъ Дуная и стала пробовать обратить вниманіе, кого слѣдовало. на связь этого взрыва съ вопросомъ внутренней политики Россіи и убѣждать оппозицію, которую руководили люди петербургскіе, приготовиться къ тому, чтобы воспользоваться въ интересахъ свободы предстоящимъ движеніемъ. Изученіе украинскаго народа, напр. его преданій и политической позіи, подтвердило предположенію о томъ, что противотурецкое движеніе можетъ быть живымъ предлогомъ для освободительной агитаціи и среди украинскаго населенія. Всѣ попытки направить въ эту сторону вниманіе великорусской и овеликорушенной демократіи оказались напрасными. Даже когда въ Герцеговинѣ, Босніи и Болгаріи лилась кровь, публицисты и ораторы великорусскаго социализма продол-

Надо сказать, что въ течение 1880 г. въ кружкахъ, прикосновенныхъ къ «Черному Передѣлу», мысль о мѣстныхъ организаціяхъ, очевидно, ставилась на очередь,—но, къ сожалѣнію, опять находились «дырочки», въ которыя уходила эта мысль. Лѣтомъ 1880 года. намъ сообщенъ былъ проектъ программы «Великорусскаго общества «Земля и Воля» при письмѣ отъ «украинскихъ» членовъ этой организаціи, которые, не отказываясь отъ мысли объ основаніи подобнаго же общества для Украины, сочли нужнымъ, по временному нахожденію своему въ Великороссіи, присоединиться къ Великорусскому обществу. Мы не станемъ разбирать здѣсь самой программы въ ея частяхъ. Самое интересное въ ней было ея имя, вполне народно-областное, ясно національное,—разрывавшее со всякими государственными стремленіями и недомолвками. Но программа эта появилась въ печати во 2 № «Чернаго Передѣла» (вышедшемъ за границей) въ измѣненномъ видѣ: вмѣсто «Великорусскаго» общество названо «Сѣвернорусскимъ», —съ слѣдующимъ, впрочемъ, примѣчаніемъ: «Называя себя Сѣвернорусскимъ, общество «Земля и Воля» относитъ къ району своей дѣятельности и мѣстности Юго-восточной Россіи, въ которыхъ условія быта сельскаго населенія приняли формы, характеристичныя для русскаго Сѣвера». Въ этомъ примѣчаніи сказано длинно и темно то же самое, что говорило ясно одно слово,—«Великорусское». Къ чему и почему была сдѣлана замѣна? Почему?—это можно догадываться;—потому, что наз-

жали или игнорировать это кровопролитіе, или даже убѣждать сербовъ и болгаръ, чтобъ они подождали, пока произойдетъ въ Германіи, Австріи и Россіи социальная революція,—и тогда де-они разомъ получатъ и социальную, и національную свободу. (Впередъ). Цѣлью было убѣдить великорусскихъ социалистовъ даже въ необходимости устроить заблаговременно въ Румыніи складъ публикацій для распространенія въ долженствовавшей вступить туда арміи, не говоря уже о необходимости создать публикаціи, которыя бы были приспособлены для этой арміи, т. е., такіи, которыя бы ставили вопросы внутренней политики въ связи съ вопросомъ войны. Сколько нибудь систематическая посылка революціонныхъ публикацій въ Румынію началась только со второй половины военнаго періода,—а какъ немногія изъ нихъ и какія именно ставили въ вышеописанномъ смыслѣ социально-политическіе вопросы, это долженъ знать и самъ читатель.

взяіе «Великорусское» устрашало многихъ своихъ «націонализмомъ» и находилось въ противорѣчіи съ тѣмъ соглашеніемъ, о которомъ говоритъ посланіе «Przedswit»-а «къ русскимъ товарищамъ». Привести же подобная замѣна не могла ни къ чему, какъ только къ затемненію идеи о необходимости соціально-политическихъ организацій, соотвѣтственно естественнымъ условіямъ областей: географическимъ, экономическимъ и національнымъ.

Помѣщая программу общества «Земля и Воля», какъ «полученную отъ Петербургско-Московской организаціи», — заграничная редакція «Чернаго Передѣла» предпослала ей, между прочимъ, слѣдующія слова:

«Остается лишь пожелать скорѣйшаго появленія такихъ же Обществъ и въ провинціяхъ.

«Концентрація революціонныхъ силъ въ столицахъ погубила бы движеніе, и если до сихъ поръ никакія правительственныя репрессаліи не въ силахъ были его задушить, то единственно благодаря децентрализационному его характеру.

«Провинціи должны явиться такими же революціонными пунктами, какъ и столицы. Названіе общества «Земля и Воля» Сѣверно-русскимъ доказываетъ, что товарищи наши не упускаютъ изъ виду этой необходимости. Невзбѣжнымъ дополненіемъ Сѣверно-русской организаціи должна явиться организація Южно-русская. При условіи тѣсной связи и взаимной помощи между ними, такое раздѣленіе революціонныхъ группъ окажетъ имъ несомнѣнную пользу въ смыслѣ большаго знанія экономическихъ особенностей и бытовыхъ привычекъ различныхъ мѣстностей Россіи». («Ч. П.» II, 4—5).

Но никакихъ ожидаемыхъ «провинціальныхъ» организацій не воспослѣдовало, исключая «Южно-русскаго Рабочаго Союза». Такъ какъ программа этого «Союза» не обнародована, и ни мы сами, ни кто либо изъ лицъ, намъ знакомыхъ, не видѣлъ даже ни одной изъ тѣхъ частныхъ прокламацій, которыя, по словамъ газетъ, выпускались отъ имени этого «Союза», то мы и не можемъ судить ни о его характерѣ, ни о его отношеніяхъ къ разнымъ направленіямъ, заявившимъ себя въ послѣднее время въ соціально-революціонныхъ кругахъ

въ Россіи. Мы не имѣемъ ровно никакихъ матеріаловъ для того чтобъ судить о практической сторонѣ дѣятельности Южно-русскаго Рабочаго Союза», что же касается до теоретической его стороны, то на нее даетъ нѣкоторое указаніе его имя: «Южно-русскій»,—имя безцвѣтно-географическое, а не народное, ясно національное. Центромъ дѣятельности «Союза» былъ, кажется, Кіевъ,—одинъ изъ центровъ среди населенія украинскаго. Прими союзъ названіе «Украинскаго», тогда понятно было-бы, на какое живое населеніе онъ предполагаетъ дѣйствовать. Но «Союзъ» или не отдалъ себѣ яснаго отчета объ этомъ населеніи и его особенностяхъ,—которые главнымъ образомъ и обуславливаютъ необходимость и особой организаціи,—или тоже убоился показаться націоналистическимъ,—а потому выбравъ себѣ блѣдное географическое имя, подобно тому, какъ выбираетъ для областей имена правительство, желающее затереть все, что противорѣчитъ идеѣ «единства и нераздѣльности» государства: «Привислянскій край»,—«Х-й военный округъ» и т. п. Такъ какъ украинское населеніе не механическая совокупность двунсгихъ существъ, живущихъ въ извѣстныхъ провинціяхъ извѣстнаго государства, а столько же органическое цѣлое, сколько можетъ быть имъ населеніе извѣстной націи, то никакая нравственная работа среди него не можетъ быть успѣшна и глубока безъ яснаго признанія этой его органичности. А потому и кіевскій «Южнорусскій Рабочій Союзъ» врядъ ли можетъ быть признанъ зародышемъ для развитія такой успѣшной и глубокой работы на пользу украинскаго народа. Мы должны только упомянуть о немъ, какъ объ одной изъ, все таки, почтенныхъ первичныхъ мѣстныхъ организаціи, на ряду съ «Южнорусскимъ рабочимъ союзомъ», пробовавшимъ не безъ успѣха организовать въ 70-е годы въ городахъ побережья Чернаго моря, и съ петербургскимъ «Сѣверно-русскимъ рабочимъ союзомъ» 1879 г.,—но вовсе не въ числѣ такихъ, которыя бы показали примѣръ новой организаціи областныхъ политическихъ партій, радикально разорвавшихъ съ идеями національно-государственнаго централизма.

Уже изъ сказаннаго выше видно, что на такой разрывъ не рѣшились и учредители «Великорусскаго Общества Земля и Воля», превратившагося въ Сѣверно-Юго-Восточно-Русское. После напечатанія программы этого общества уже ничего не слышно о немъ, а вмѣсто того мы видимъ печатныя проявленія «Общества Земля и Воля», уже какъ учрежденія всероссійскаго. Съ девизомъ этого общества издаются въ 1881 году прокламаціи, газеты («Черный Передѣлъ» и «Зерно»), и хотя въ нѣкоторыхъ изъ этихъ публикацій и продолжаются заявленія о необходимости децентрализаціи, но заявленія эти не идутъ дальше общихъ словъ, а многія частности въ этихъ публикаціяхъ прямо свидѣтельствуютъ о вѣрности совершенно централизаторскихъ, національно-государственныхъ,—если не идей, то, говоря англійскимъ терминомъ, «привычекъ мысли» дѣятелей этого всероссійскаго общества.

Въ № 3 «Чернаго Передѣла» находимъ заявленіе отъ имени «прежнихъ издателей «Ч. П.» съ слѣдующими весьма радикальными словами:

. «Предостерегая партію отъ излишняго увлеченія вопросами чисто политическаго свойства, «Черный Передѣлъ», думаемъ мы, лишился бы значительной доли практическаго значенія, оставаясь вполне безучастнымъ къ политическому вопросу, столь жгучему теперь въ Россіи. Въ этой области, по нашему мнѣнію, органъ долженъ остаться вѣрнымъ принципу федерализма. Поэтому, распаденіе Россійской имперіи на самостоятельныя организмы по естественнымъ областямъ, будетъ откликомъ на зовъ, раздающійся съ другой стороны—«Всероссійскій Земскій Соборъ». («Ч. П.», 1881. № 3).

Какъ видитъ читатель, это заявленіе повторяетъ по своему тотъ пунктъ нашихъ предложеній, который такъ рѣшительно былъ отвергнутъ во время тѣхъ «переговоровъ», о которыхъ говоритъ посланіе «Przedswita» къ «русскимъ товарищамъ»,—отвергнутъ при дѣятельномъ участіи нѣкоторыхъ изъ «прежнихъ издателей» «Ч. П.—ла» за границей. Во всякомъ случаѣ это заявленіе можно было бы привѣтствовать, если бы оно повело за собою сознательно-послѣдовательные практическіе шаги. Но дѣло въ томъ, что такихъ шаговъ не только совѣмъ

не видно, покрайней мѣрѣ въ публикаціяхъ всероссійскаго общества «Земли и Воли», но даже видны шаги совсѣмъ въ противоположномъ направленіи.

Начать съ того, что всѣ подобныя заявленія слишкомъ абстрактны, а потому уже и неясны. Иногда же они редижированы до того сбивчиво, что со стороны совсѣмъ трудно уловить ихъ реальный смыслъ. Такова напр. редакція «Программы Народной Партіи», перепечатанной между прочимъ и въ «Вольномъ Словѣ». Въ программѣ этой между прочимъ читаемъ слѣдующія, съ перваго раза очень радикальныя въ федеративномъ направленіи, слова:

«Въ виду того, что разрушеніе идеи въ народѣ еще не привело его къ выработкѣ новаго опредѣленнаго политическаго идеала, народная партія выставляетъ слѣдующіе основные принципы общественнаго порядка, логически вытекающаго изъ культуры, характера и будущихъ экономическихъ отношеній русскаго народа, которые и считаетъ необходимымъ усиленно пропагандировать:

а) независимость національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссійскую имперію, б) автономія общинъ, с) свободная федерація общинъ *).

Но прежде всего желательно было бы встрѣтить въ этой программѣ (вообще, далеко не сжатой) перечисленіе хоть главнѣйшихъ изъ тѣхъ національностей, какія теперь связаны во Всероссійскую имперію,—на манеръ того, напр., какъ это сдѣлалъ Бакунинъ, когда писалъ свою программу «Народнаго Дѣла». Это перечисленіе было бы тѣмъ болѣе необходимо, что въ самой программѣ мы встрѣчаемъ слѣды представленія о *Россіи* (что въ обыкновенной рѣчи и равнозначно *Всероссійской имперіи*), какъ о чемъ то, если не единообразномъ, то органическомъ («Въ *Россіи* только одно крестьянство об-

*) Автономія и федерація болѣе крупныхъ мѣстныхъ единицъ, — уѣздовъ, областей, — пропущена и въ этой программѣ. Конечно, можно сказать, что она сама собою подразумѣвается, но о ней надо бы говорить постоянно, такъ какъ одна она не можетъ охранять автономію общинъ отъ слишкомъ большого давленія на нихъ центральнаго представительства.

лаждаетъ вполнѣ опредѣленнымъ идеаломъ «Земли и Воли», расходящимся съ принципами современнаго государственнаго и общественнаго порядка»),—а также потому, что программа ставить свои «основныя принципы общественнаго порядка»— не во имя общечеловѣческихъ, выясненныхъ практикою и наукою образованныхъ народовъ, «правъ челоѣка». «основныхъ правъ» и т. п.,—а какъ логически, вытекающіе изъ культуры, характера и даже будущихъ (!) экономическихъ отношеній (?) *русскаго народа*»,—хотя при этомъ и считаетъ еще «необходимымъ успѣшно ихъ пропагандировать» (кому?). Что же такое эта *Россія* «Народной Партіи», что такое ея *русскій* народъ, какія національности должны получить независимость, какъ слѣдствіе, между прочимъ, и будущихъ отношеній русскаго народа??—все это требуетъ болѣе точнаго опредѣленія, для того чтобъ федеративная программа «Народной Партіи» получила какое нибудь реальное значеніе *). Покамѣстъ же, даже такъ не ясно изложенныя анти-всероссійскія федеративныя стремленія не нашли себѣ приложенія даже въ такой неширокой области, какъ печать, находящаяся въ рукахъ кружковъ «Земли и Воли».

Передовая статья № 1 «Чернаго Передѣла» посвящена доказательствамъ необходимости «единенія, сосредоточенія главнаго контингента революціонныхъ силъ на самой насущной, цѣлесообразной и плодотворной практической работѣ». Забота нѣсколько странная для «органа социалистовъ-федералистовъ»! Изъ двухъ крайностей федералистамъ было бы естественнѣе увлечься рѣшительнымъ «раздѣленіемъ революціонныхъ группъ Россіи»,—говоря словами примѣчанія редакціи № 2 «Ч. II.» къ программѣ «Земли и Воли»,—нежели «сосредоточеніемъ». Раздѣленные группы, если только онѣ

*) Не желая повторяться, мы не будемъ говорить ни о слѣдахъ руссофилскаго народническаго мессіанизма въ этой программѣ, ни о ея классическо-якобинскомъ преклоненіи передъ «народомъ» и его «идеалами»,—не смотря на то, что программа полагаетъ нужнымъ поставитъ народу временныя правительства и признать, что народъ еще не выработалъ, напр., ни политическаго идеала, ни «широкаго коллективизма» и т. п. О «самодержавіи народа» хлопчеть и «Зерно» (перед. статья. № 4).

состоять изъ искреннихъ и дѣловыхъ людей, по мѣрѣ естественнаго расширенія круга работы, непремѣнно придутъ между собою къ резонному соглашенію,—между тѣмъ какъ «сосредоточенная» организація имѣетъ свойство сопротивляться разчлененію, особенно, если въ нее допущена мысль о томъ, что она сама можетъ опредѣлять не только для себя, но и для другихъ, что такое, «самая насущная, цѣлесообразная и плодотворная практическая работа». Необходимости, если не сосредоточенія, то объединенія разныхъ социальнореволюціонныхъ группъ въ Россіи (или лучше, группъ русской соц. рев. партіи), посвящена между прочимъ и статья г. Лаврова въ № 3 «Чернаго Передѣла». «Нѣсколько словъ объ организаціи партіи». Но, напр., группа «Громады»—которую желаетъ г. Лавровъ привлечь въ соглашеніе, какъ одну изъ «русскихъ» группъ,—считаетъ, что украинцамъ, какъ социалистамъ, «насущная работа» въ настоящее время открывается въ Австро-Венгріи,—хотя при этомъ признаетъ, что украинцамъ, какъ людямъ, дорожающимъ національной свободой своего народа,—въ Россіи самая насущная работа—борьба съ централизаціей политической. Всякое сосредоточеніе работы, да еще только въ предѣлахъ Россіи, какъ ставить вопросъ и редація «Чернаго Передѣла», и даже г. Лавровъ, который, впрочемъ, говоритъ болѣе о соглашеніи, чѣмъ о сосредоточеніи, но все таки только въ предѣлахъ Россіи,—для украинскихъ, напр., дѣятелей равноспільно связыванію, если не обѣихъ, то одной руки. Тоже слѣдуетъ сказать и о тѣхъ полякахъ, которые станутъ на почвѣ реальныхъ условій жизни польской, о румынахъ и т. п. Даже среди самыхъ великоруссовъ проповѣдь «сосредоточенія» не можетъ привести къ полезнымъ результатамъ, ибо, напр., средоточники—«террористы» будутъ считать «насущной работой» политическія убійства,—тогда какъ другіе революціонеры, политическіе и социальноэкономическіе, особенно въ провинціяхъ, найдутъ себѣ свои насущныя работы. Не лучше ли и не говорить о «средоточеніи»,—а предоставить каждой группѣ выбрать себѣ «насущную работу», по ея усмотрѣнію, лишь бы направленіе этой работы было полезно для дѣла

освобожденія челоѣка отъ ига умственнаго, національнаго, политическаго, экономическаго? Въ дѣлѣ же федерализма самое «плодотворное» будетъ прежде всего образованіе областныхъ и національныхъ организацій, которыя однѣ могутъ положить основу и для «независимости національностей, механически связанныхъ въ настоящее время въ единую Всероссийскую имперію», и для пропаганды среди различныхъ элементовъ ея населенія общечеловѣческихъ освободительныхъ идей.

Всероссійское общество «Земля и Воля» рѣшительно для этого не годится, какъ показываютъ его же публикаціи, — «Черный Передѣлъ» и «Зерно». Судя по всѣмъ видимостямъ, сотрудники ихъ, — великоруссы и украинцы, — не составили себѣ яснаго понятія ни о публикѣ, для которой они пишутъ, ни о населеніяхъ, о которыхъ они пишутъ. Судя по языку, «Зерно, рабочая газета» должна издаваться для великороссовъ: особенно хроника, озаглавленная — «русская жизнь» пишется вполне простонароднымъ, — и даже простонародничающимъ великорусскимъ языкомъ (передовыя статьи писаны смѣсью этого языка съ студентскимъ жаргономъ). Но этимъ же языкомъ написана статья о еврейскихъ погромахъ, обращенная прямо къ дѣйствующимъ лицамъ, къ украинскому населенію, — и такимъ образомъ не годится ни для петербургскихъ рабочихъ, которые сами евреевъ не громили, ни для украинцевъ, о которыхъ въ добавокъ «Зерно» даетъ петербургскимъ рабочимъ превратное понятіе, такъ какъ оно называетъ украинское населеніе безразлично «рускимъ» народомъ, какъ и населеніе петербургское. Въ «Черномъ Передѣлѣ» говорится, что мысль о «черномъ передѣлѣ» сильно распространяется въ украинской области, между тѣмъ какъ тамъ никто изъ крестьянъ и не пойметъ, что это такое «черный» передѣлъ и почему это какойнибудь передѣлъ можетъ называться по цвѣту. Словомъ сказать, безразличное смѣшеніе областей украинскихъ и великорусскихъ мѣшаетъ всероссійскимъ землевольцамъ не только говорить съ населеніемъ разныхъ областей доступнымъ имъ способомъ, но даже наблюдать жизнь этихъ областей.

Впрочемъ, въ 3 и 4 № «Чернаго Передѣла» есть нѣсколько прелюбопытныхъ корреспонденцій изъ Украины, преимущественно тѣхъ сотрудниковъ, которые не пускаются ни въ какія обобщенія, а просто, даже анекдотически, передаютъ свои наблюденія. И эти наблюденія показываютъ, что среди украинскаго населенія происходитъ чрезвычайно сильное броженіе, что это населеніе успивается понять условія и явленія окружающей его соціально-политической жизни и что ему немногаго не достаетъ, чтобы понять эти условія вполне вѣрно. Еще 120-ти лѣтъ не прошло съ тѣхъ поръ, какъ и въ Полтавской губерніи была республика,—конечно, со всѣми несовершенствами—но въ которой по принципу волость (казацкая сотня) выбирала свое правительство (старшинъ), уѣздъ (полкъ)—свое—а вся федерація (козацкая рада) выбирала президента и министерство (гетмана и генеральныхъ старшинъ). Такая республика существовала даже до $\frac{1}{2}$ XVIII в. на лѣвомъ берегу Днѣпра и уничтожена царицей, которую помнитъ вся Украина, какъ панскую покровительницу, только въ 1764 г.; въ харьковской и прилегающихъ частяхъ курской и воронежской губерній полковныя республики отмѣнены тою же царицею только въ 1765 году, а республика Запорожская только въ 1775 году. Напомнимъ, что однихъ «малороссійскихъ козаковъ» въ черниговской и полтавской губерніяхъ около 1.000.000 душъ; государственныхъ крестьянъ изъ бывшихъ слободскихъ украинскихъ полковъ до 700.000 душъ, да во всей Украинѣ помнятъ о запорожскихъ козакахъ *).

Рѣшительное раздѣленіе политико-соціальной оппозиціи въ Россіи по областнымъ организаціямъ повело бы за собою

*) Одинъ корреспондентъ «Ч. П.» рассказываетъ, какъ въ одной хатѣ старикъ и жена его говорили съ нимъ о Запорожьи, припоминали пѣсни запорожскія; наконецъ старуха говоритъ: «я слышю, вновь будетъ Запорожье — За чѣмъ же?» — «Да, говорятъ, чтобы землю отъ пановъ отбирать!» — Прибавимъ отъ себя, что въ началѣ 1870-хъ годовъ, когда объявлена была общая воинская повинность,—то во многихъ мѣстахъ на Украинѣ крестьяне поняли ее такъ, что теперь всѣ будутъ козаками и будутъ имѣть землю,—а въ екатеринославской губ. говорили, что Катерина на 100 лѣтъ уничтожила Запорожье, а теперь оно должно быть восстановлено: всѣ будутъ козаками и получать назадъ розданныя панамъ запорожскія земли.

сначала изученіе областныхъ и національныхъ особенностей жизни, преданій и настроенія разныхъ населеній, а потомъ и опредѣленіе наилучшихъ способовъ проведенія въ эти населенія идей свободомыслящей интеллигенціи. Что касается украинскаго населенія, то въ немъ послѣднее было бы и не трудно, такъ какъ и теперь многіе среди него говорятъ, что «не надо ни пановъ, ни поповъ, ни царей» и что «вѣрно не обойдется безъ того, чтобъ не взялся за дубье, да взбунтоваться». А потому украинскіе члены всероссійской «Земли и Воли», поддерживающіе «Черный Передѣлъ» и «Зерно», сдѣлали бы самое лучшее, если бы образовали специальное украинское общество и начали издавать специальные листки или газету на украинскомъ языкѣ,—и это косвенно имѣло бы полезное вліяніе, напр., и на самое «Зерно», которое, ставъ тоже специально великорусскимъ листкомъ, выиграло бы въ опредѣленности и матерьяла, и изложенія.

Эти слова пусть примутъ украинскіе члены «Земли и Воли», обратившіеся къ намъ съ письмомъ въ публичномъ дѣлѣ,—за отвѣтъ нашъ. Этими же словами мы можемъ заключить и нашу критику государственно-централистическаго всероссійства въ стремленіяхъ русскихъ народниковъ или «соціалистовъ-федералистовъ».

Намъ остается только сказать нѣсколько словъ объ ихъ отношеніяхъ въ Польшѣ. Специально и сколько нибудь основательно о польскомъ вопросѣ не высказалась и эта фракція, какъ и фракція политическихъ террористовъ. Отдѣльныя же замѣчанія, въ родѣ напр. рѣчи на женевскомъ митингѣ 29 ноября 1880 г. (г-жи В. Засуличъ и разныхъ представителей «Чернаго Переѣзла»), отличались довольно общимъ выраженіемъ сочувствія полякамъ-соціалистамъ съ полнымъ игнорированіемъ вопроса о границахъ Польши, т. е., по отношенію къ полякамъ соціалистамъ, о естественной области для приложенія ихъ труда. Въ одномъ случаѣ «Черный Передѣлъ» явно склонился въ польскимъ историческимъ стремленіямъ. Мы разумѣемъ помѣщеніе, безъ всякихъ оговорокъ, въ 1 № «Ч. II.» статьи, которая трактовала, подобно «Kownosci», социалистическое движеніе въ Галиціи, какъ «польское соц. движеніе», и при

знавала Галицію за «австрійскую часть Польши». Последнее есть прежде всего ошибка противъ школьной географіи, хотя довольно распространенная среди великорусскихъ публицистовъ, но нѣсколько удивительная у тѣхъ лицъ, которыя въ томъ же № «Ч. П.» заявили желаніе издавать книги и на украинскомъ языкѣ. До извѣстной степени помѣщеніе «Ч. П.—омъ» вышеупомянутой статьи въ духѣ «Rowności» объясняется тогдашними дипломатическими отношеніями двухъ заграничныхъ редакцій которыхъ подписи фигурировали рядомъ въ разныхъ манифестаціяхъ,—и не можетъ быть поставлено за счетъ всей группы. Въ какое отношеніе станутъ различныя фракціи этой группы, когда практическое приложеніе ихъ труда въ областяхъ на западъ отъ Днѣпра приведетъ ихъ въ реальное соприкосновеніе съ разными польскими элементами, покажетъ будущее. Пока же характеристично, что то соглашеніе заграничныхъ представителей группы «Чернаго Передѣла» съ группою «Rowności», о которомъ говоритъ посланіе «Przedswita» «Къ русскимъ товарищамъ», слѣдуетъ считать разорваннымъ заявленіями въ 3 № «Чернаго Передѣла» и въ Программѣ «Народной Партіи», которыя высказываются противъ государственныхъ основъ социальныхъ организацій и за «распаденіе Всероссійскій Имперіи на естественныя области и за независимость ея національностей». Впрочемъ судя по посланію «Przedswita», можно думать, что теперь группа его обращается съ предложеніемъ союза больше къ «русскимъ террористамъ», чѣмъ къ «народникамъ»—хотя, съ другой стороны, въ послѣднее время въ печать пропекли извѣстія о томъ, что сами русскіе «народники» теперь соединились съ «террористами». На чемъ состоялось это соединеніе, пока еще неизвѣстно документально или официально,—по крайней мѣрѣ намъ, у которыхъ нѣтъ подъ рукою всѣхъ публикацій петербургскихъ вольныхъ типографій. Равнымъ образомъ, неизвѣстно пока, какого рода отвѣтъ дали соединенныя фракціи «русскихъ социальныхъ революціонеровъ» или каждая порознь, на предложеніе польской группы «Przedswita». Вполнѣ обстоятельный отвѣтъ на это и подобныя предложенія, какъ мы уже не разъ говорили, можетъ быть данъ только въ связи съ рѣшеніемъ общаго вопроса объ

областной свободѣ и самоуправленій негосударственныхъ народовъ. Въ частности же когда дѣло идетъ о полякахъ, то всякія «русскія группы могутъ дать не только справедливое мнѣніе, но даже сколько нибудь логическое, — только тогда, когда бы они высказались ясно о вопросахъ плебейскихъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи: латышей, литовцевъ, бѣлоруссовъ и украинцевъ. До сихъ поръ мы не видимъ ясной постановки этихъ вопросовъ ни въ одной изъ недавно обнародованныхъ программъ ни польскихъ, ни великорусскихъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, мы въ концѣ обзора отношеній между польскими и великорусскими революціонерами за послѣдніе двадцать лѣтъ наталкиваемся на цѣлый рядъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей. Читатель припомнить, что мы и начали настоящія статьи съ указанія на существованіе этихъ неясностей, недомолвокъ и неизвѣстностей.

VII.

Мы окончили историческій обзоръ отношеній между польскими и великорусскими революціонерами, изъ которыхъ читатель можетъ видѣть, на сколько тѣми и другими руководили и руководятъ гораздо болѣе фивціи былого и теперешняго государствъ и государственныхъ національностей, нежели представленія о реально-существующихъ народахъ, которые представляютъ и реальныя національности, а равно и то, — на сколько эти фивціи вредятъ дѣлу освобожденія всѣхъ народовъ бывшей Польши и теперешней Россіи. Уже изъ самой критики этихъ фивцій и основанной на нихъ политики не трудно сдѣлать и выводы относительно другой политики, которая бы была основана на идеѣ о дѣйствительныхъ народахъ-націяхъ. Но прежде, чѣмъ мы перейдемъ къ этимъ выводамъ, мы считаемъ нужнымъ сдѣлать одну оговорку относительно самой вышеизложенной критики.

Читателю могло показаться, что критика эта исходила изъ односторонняго и, во всякомъ случаѣ, частнаго основанія.

Мы дѣйствительно постоянно примѣривали теоріи и дѣйствія разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій и круговъ къ народу украинскому и занимались этимъ народомъ гораздо больше, чѣмъ другими плебейскими народами бывшей Польши и теперешней Россіи. Такъ поступали мы не только потому, что для насъ, какъ для украинца положеніе этого народа всего ближе и извѣстнѣе, но и потому, что отношенія разныхъ польскихъ и великорусскихъ элементовъ къ этому народу представляютъ на себѣ наиболѣе типическихъ сторонъ отношенія разныхъ элементовъ націй привилегированныхъ къ націямъ плебейскимъ, а также и потому, что изъ всѣхъ плебейскихъ націй Востока Европы украинская нація и самая многочисленная, и самая энергическая, и по своему географическому положенію, равно какъ и по самой своей родственности съ важнѣйшими изъ тамошнихъ привилегированныхъ націй, обречена играть особенно видную роль не только какъ важнѣйшій изъ объектовъ захвата для центростремительныхъ элементовъ въ національностяхъ привилегированныхъ, но и какъ важнѣйшій изъ центробѣжныхъ элементовъ на Востокъ Европы. Въ свое время украинцы, отчасти организованные въ политическомъ отношеніи, потрясли существованіе польскаго государства; въ XIX ст. украинцамъ же, организованнымъ пока только на научно-литературномъ полѣ (и то не очень еще сильно) принадлежитъ самая видная роль въ поднятій общаго федеративнаго вопроса въ Восточной Европѣ, который, конечно, приведетъ за собою потрясеніе основъ Россіи, какъ централизованнаго государства. Накопѣць, если нельзя согласиться безусловно съ тѣми истолкователями теперешняго революціоннаго броженія въ Россіи, которые, какъ напр. проф. Илловайскій, видятъ въ немъ преимущественно «украинскую интригу»,—то огромное процентное отношеніе украинцевъ (хотя бы и не сознающихъ себя таковыми) въ русскихъ революціонныхъ кругахъ есть явленіе во всякомъ случаѣ весьма характерное и обобщающее важныя послѣдствія,—тѣмъ болѣе, что изъ всѣхъ народныхъ массъ Россіи въ настоящее время едва ли не болѣе другихъ взволнованы текущими событіями массы народа украинскаго. Вотъ почему, думается намъ, что

примѣриваніе стремленій, программъ и способовъ дѣйствій разныхъ польскихъ и великорусскихъ партій къ положенію народа украинского имѣетъ интересъ и теоретическій, и практический, не только частный, но и общій для мыслящихъ людей всѣхъ націй Восточной Европы.

Съ точки зрѣнія общихъ интересовъ этихъ націй мы разсматривали и польскій вопросъ, къ которому мы и подошли, исходя именно изъ этихъ интересовъ. Напомнимъ читателямъ нашъ намекъ въ самомъ началѣ настоящей статьи о томъ, что настоящее революціонное и вообще сколько нибудь активно-оппозиціонное движеніе въ Россіи не имѣетъ должной силы, между прочимъ, потому, что въ немъ не принимаютъ достаточнаго участія поляки,—что польскій вопросъ не поставленъ въ настоящее время никѣмъ съ достаточной энергіей.

Признаемся откровенно, что, говоря о польскомъ движеніи, мы разумѣемъ преимущественно движеніе національно-политическое. Какъ ни рады мы появленію среди поляковъ зачатковъ соціалистическаго движенія, мы не можемъ же не видѣть, что это послѣднее не только теперь не имѣетъ значительнаго количества послѣдователей, но и не можетъ имѣть ихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Сколько бы ни говорили, что соціальныя вопросы есть «вопросъ желудка», а потому будто бы легко понятны для всѣхъ,—но вопросъ не самаго непосредственнаго ощущенія голода, а организація постоянного спасенія людей отъ этого голода, есть одинъ изъ самыхъ сложныхъ вопросовъ, а потому и одинъ изъ тѣхъ, которые требуютъ много времени для уясненія и разрѣшенія, даже теоретическаго. Вотъ почему придется еще долго ждать, пока польское соціалистическое движеніе станетъ значительною политическою силою. Мы думаемъ, что на извѣстное время это движеніе гораздо болѣе имѣетъ шансовъ развитія въ Познани и въ Галиціи, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Другое дѣло польское національно-политическое движеніе, которое и теперь можетъ имѣть за себя, такъ или иначе, сотни тысячъ. если не милліоны, народа,—такъ какъ трудно себѣ представить мало-мальски нравственно развитога поляка, который бы не хотѣлъ извѣстной независимости и свободы для

своего племени. Вотъ почему мы оставляемъ здѣсь рѣчь о чисто-соціалистическомъ,—экономическомъ,—движеніи въ Польшѣ, о которомъ поведемъ рѣчь въ особой статьѣ—«Польскія соціалистическія программы и принципы государственности»,—и остановимся исключительно на вопросѣ объ участіи поляковъ въ предстоящемъ политическомъ переворотѣ въ Россіи, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, и двѣ, заявившія себя въ печати, фракціи польскихъ соціалистовъ подошли въ послѣднее время къ этому вопросу.

Кто говоритъ, какъ группа «Przedswita»—«политическая свобода», тотъ уже тѣмъ самымъ говоритъ: и областная, и національная независимость; иначе онъ не понимаетъ произносимыхъ имъ словъ. Независимость известной области и націи можетъ быть достигнута или полнымъ отдѣленіемъ ея въ особенное государство (сепаратизмъ), или огражденіемъ ея самоуправленія безъ этого отдѣленія (федерализмъ). Когда идетъ дѣло о такой или иной автономіи Польши, то прежде всего является вопросъ: какой Польши? Исторической, или этнографической? Примѣръ 1863 г. доказалъ, что всякое заявленіе въ пользу возстановленія независимости исторической Польши можетъ быть только вредно для свободы и поляковъ, и всѣхъ другихъ народовъ, подвластныхъ россійской имперіи. *Теперь для здравомыслящихъ людей можетъ быть только рѣчь о независимости Польши этнографической*,—т. е., когда идетъ рѣчь о польскихъ земляхъ въ Россіи, то даже не о всей Конгрессуевѣ, такъ какъ и въ ней Холмско-Сѣдлецкій край населенъ не поляками, а украинцами, а Августовскій населенъ литовцами и даже до раздѣловъ Польскаго государства входилъ въ составъ Литвы*). Края, лежащіе за границами этнографической Польши, должны получить свою автономію, и польскій вопросъ въ этихъ

*) Считаю нужнымъ оговориться что послѣднія мѣры русскаго правительства въ отношеніи холмско-сѣдлецкихъ руссиновъ и насильственное ихъ обращеніе изъ униатовъ въ православіе вызвали у нихъ наклонъ въ польскую сторону, который, еще не известно, къ чему приведетъ. Во всякомъ случаѣ, только прекращеніе религіозныхъ гоненій и возбужденіе среди забужающаго украинскаго самосознанія можетъ остановить католическую и польскую реакцію среди этого населенія.

краяхъ можетъ быть только вопросомъ о правахъ польскихъ лицъ и обществъ или, мѣстами, общинъ, колоній.

Какой путь рациональнѣе для порученія автономіи Польши и поляковъ: сепаратистическій или федералистическій? Мы думаемъ, что экономическая исторія привислянской Польши показала, что государственное ея отдѣленіе отъ днѣпровскаго бассейна было бы для нея невыгодно. Кромѣ того оно и практически неосуществимо, такъ какъ поляки одни безсилны побѣдить Россійскую имперію, а на иностранную помощь теперь разсчитывать не на кого, такъ какъ даже Австрія одна не станетъ вести наступательной войны съ Россіей за обладаніе Варшавой, а Пруссія, если бы и хотѣла отдѣлить Варшаву отъ Россіи, то для германизации отторженной области, чего не желаютъ сами Поляки. Остается слѣдовательно—путь федераціи. Варшавскій край можетъ получить извѣстную автономию или непосредственно отъ теперешняго русскаго правительства, какъ было сталъ онъ получать ее при марк. Вѣлѣпольскомъ, или при общемъ преобразованіи Россіи. По нѣкоторымъ признакамъ, можно думать, что теперь между поляками есть круги, которые склонны вѣрить въ осуществимость первой возможности. Въ этомъ увѣряютъ насъ панегирики марк. Вѣлѣпольскому, которые теперь исходятъ даже отъ людей, причисляемыхъ къ лагерю либерально-демократическому, а также заявленія польскихъ газетъ и корпорацій о легальности поведенія поляковъ въ виду происходящей теперь «смути» въ Россіи. Несомнѣнно, что среди поляковъ есть люди, которые думаютъ, что, если не прямыми заявленіями легальнаго и даже консервативнаго направленія, то просто выжидательнымъ сохраненіемъ спокойствія,—можно наконецъ дожидаться момента, когда царское правительство согласится возвратиться къ системѣ марк. Вѣлѣпольскаго. Къ такой политикѣ должны обнаруживать особенную склонность именно историческіе патріоты польскіе, такъ какъ она нѣкъ чему не обязываетъ по отношенію къ населеніямъ непольскихъ областей, а между тѣмъ административная автономія Конгрессовки (все таки своего рода исторической, а не этнографической, Польши),

— мечтается, — послужить первымъ камнемъ для отстройки всего зданія Польши 1772 г. *).

Но дѣло въ томъ, что всякіе расчеты на уступчивость петербургскаго правительства теперь мало основательны, не только потому, что никакое правительство не уступаетъ, если у него не требуютъ уступокъ (и самое управленіе марк. Вѣдѣпольскаго было результатомъ агитаціи противъ системы кн. Паскевича), но и потому, что петербургское правительство перестало быть въ полномъ смыслѣ самодержавнымъ по отношенію къ полякамъ: оно уже давно зависитъ отъ указаній великорусско-нѣмецкихъ централизаторско-обрусительныхъ круговъ, которыя, указанія, еще въдобавокъ пользуются поддержкою и берлинскаго кабинета **). Такимъ образомъ, *польскій край въ Россіи можетъ получить автономію, равно какъ и всю сумму правъ, составляющихъ сущность политической свободы, только вмѣстѣ съ другими краями этого государства. А получить все это могутъ разные края въ Россіи только при ясно-сознанной программѣ. Программа эта должна быть федеральная, съ признаніемъ полной равноправности всѣхъ областей и національностей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, по особенному положенію Россіи, какъ государства преимущественно мужицкаго, а также вслѣдствіе того, что между собственною Польшею и Великороссіей лежатъ цѣлыя націи*

*) Характерно, что недавно одинъ изъ біографовъ марк. Вѣдѣпольскаго, при всемъ сочувствіи къ идеѣ демократіи и національности, — счелъ нужнымъ бросить нѣсколько намековъ противъ «разчленителей» Конгрессушки, сообразно принципу національностей же.

**) Еще въ 1863 г., говоря о противникахъ уступокъ полякамъ, «Times» очень вѣрно замѣтилъ, что неуступчивая «старорусская партія» въ правительственныхъ кругахъ Россіи есть собственно «нѣмецкая партія». Съ тѣхъ поръ къ пруссофильскимъ дипломатамъ, остзейскимъ генераламъ и русскимъ бюрократамъ съ катковскими теоріями присоединились и московскіе славянофилы, которые еще въ 1863—64 г.г. совѣтовали рѣшать польскій вопросъ не по прусски, а по славянски, но которыхъ православіе загнало въ лагерь катковской обрусительной бюрократіи въ дѣлахъ западной половины имперіи, какъ теперь ненависть къ революціи пригнала ихъ къ помѣщичьимъ теоріямъ въ дѣлахъ остальной Россіи.

болѣе или менѣе плебейскія, федеральная программа должна принять въ себя непременно демократическія стремленія, какъ политическія, такъ и экономическія. Если и въ Австріи аристократическій федерализмъ не имѣетъ большой силы и встрѣчаетъ могучаго врага въ германизаторскомъ централизмѣ, который усиливаетъ себя относительнымъ, буржуазнымъ, демократизмомъ,—то въ Россіи аристократическій федерализмъ совершенная невозможность. Онъ не только не встрѣтитъ къ себѣ сочувствія въ населеніяхъ краевъ, лежащихъ между Польшей и Великороссіей, особенно въ населеніи украинскомъ, но найдетъ себѣ открытыхъ враговъ, какъ въ этихъ населеніяхъ, такъ и въ Великороссіи, въ которой вдобавокъ всѣ централистическіе элементы, не только бюрократическіе, но и помѣщичьи, ухватятся за демократическое знамя (конечно, съ расчетомъ не показывать его на Востокъ отъ Дняпра), чтобъ только подорвать автономныя движенія въ западной половинѣ имперіи.

Конечно, логически проведенный демократическій принципъ приводитъ къ социализму, но мы совершенно понимаемъ, что такой логичности нельзя требовать въ настоящее время отъ всѣхъ не только въ практикѣ, но и въ теоріи. Такая логичность есть теперь не только дѣло извѣстной искренности натуры и способности къ самоотверженію, но также, и даже гораздо больше, дѣло дальновидности и извѣстнаго политическаго образованія,—т. е., изъ суммѣ качествъ, еще довольно рѣдкихъ въ теперешнихъ обществахъ. Но въ наше время всякому, имѣющему какія либо общія политическія идеи и стремленія, обязательно уже отрѣшиться отъ всякихъ предразсудковъ бѣлой кости и понять истину, высказанную еще Аристотелемъ, о томъ, что общество (государство) не можетъ быть спокойнымъ при экономическомъ неравенствѣ, а потому и понять, что всякая умная политика, въ томъ числѣ и консервативная,—должна имѣть въ виду всячески уменьшать это неравенство. Польскимъ же политикамъ исторія поставила дилемму: или принять искренно демократическую программу (хотя бы на первыхъ порахъ и не социалистическую) въ вопросахъ экономическихъ, при программѣ федеральной въ воп-

росахъ политическихъ, — или терпѣть надъ своимъ краемъ и племенемъ и, значить, надъ самими собою, чужую диктатуру.

Казалось бы, колебаться въ выборѣ не слѣдовало бы. А потому можно думать, что сколько нибудь реальное размышленіе о своемъ положеніи приведетъ политически образованныхъ поляковъ къ необходимости принять дѣятельное участіе въ образованіи въ Россіи федерально-демократической партіи. Первымъ приступомъ къ образованію такой партіи должно быть основаніе по *всѣмъ областямъ Россіи и среди всѣхъ ея національностей политическихъ обществъ*. Уже этотъ приступъ налагаетъ на теперешнихъ образованныхъ поляковъ довольно нелегкую обязанность: тѣ изъ нихъ, которые живутъ въ вепольскихъ областяхъ, должны выдѣлить изъ себя покрайней мѣрѣ извѣстную часть для образованія или для усиленія кадровъ національныхъ партій среди народовъ плебейскихъ въ этихъ областяхъ: латышскихъ, литовскихъ, бѣлорусскихъ и украинскихъ. Идея эта не совсѣхъ нова для польскаго общества, въ которомъ уже были пробы литовскаго, украинскаго и даже бѣлорусскаго направленія и научно-литературнаго, и даже политическаго характера *), — только эти пробы были сравнительно слабы и ложно направлены, все къ цѣли возстановленія Польши 1772 г. Польское общество въ дѣятельности для этой цѣли обнаружило богатство энергій до такой степени, что давало отъ себя силы на поддержку всякаго врага Россіи, даже далеко за предѣлами старой Польши: не только, напр., черкесовъ и другихъ кавказцевъ, но даже хивинцевъ и турецкаго султана, — къ которому поступали на службу вовсе не одни авантюристы, но и убѣжденные польскіе патріоты. Почему то, что дѣлалъ ограниченный и даже ошибочный патріотизмъ, не можетъ сдѣлать широкая идея общаго освобожденія всѣхъ народовъ Востока Европы, тѣмъ болѣе, что въ рамкахъ этой идеи помѣщается и нор-

*) Среди старой эмиграціи 30-хъ годовъ было общество, назвавшее себя даже «Нисанъ» въ память «уманьской рѣзни», произведенной украинскими гайдамаками въ 1768 г.

мальный патриотизмъ реальной польской націи, которая иначе не можетъ быть освобождена, какъ въ общемъ процессѣ освобожденія этихъ народовъ?

До извѣстной степени, тоже выдѣленіе изъ себя кадровъ для дѣятельности въ пользу плебейскихъ національностей придется произвести и овелпкорушенной интеллигенціи великорусскихъ областей, на Украинѣ, въ Бессарабіи и др. Затѣмъ, сама великорусская страна слишкомъ велика, чтобы ее могла представлять одна «единая и нераздѣльная», политическая организація.*)

Когда такимъ образомъ въ каждой изъ областей и національностей Россіи организуются политическія общества, — тогда они образуютъ изъ себя настоящую федерально-демократическую партію, которая и возьмется за дѣло преобразованія Россіи въ дѣйствительно свободную въ политическомъ отношеніи страну, т. е., въ федерацію.

Преобразование это не можетъ быть дѣломъ очень короткаго промежутка времени. Еще самая идея именно о федеративномъ устройствѣ Россіи, какъ мы видѣли, сознается далеко не многими. Разъ же сознанныя, идея эта должна собрать около себя кружки, которые затѣмъ рѣшатся приступить къ организаціи правильныхъ политическихъ обществъ, а эти послѣдніе уже предпримутъ рядъ дѣйствій, отъ болѣе или менѣе мирныхъ до революціонныхъ, для достиженія своихъ цѣлей. Цѣли эти могутъ быть достигнуты не безъ борьбы не только съ теперешнимъ правительственнымъ элементомъ, но и съ другими, которые могутъ выступить на сцену изъ самаго теперешняго общества, воспитаннаго въ идеяхъ государственно-національной централизаціи. Дѣйствующія въ настоящее время поколѣнія были бы счастливы, если бы имъ довелось увидѣть по крайней мѣрѣ заложеніе первыхъ основъ превращенія Россіи въ федеральное государство. Эти первыя основы, по нашему мнѣнію, могли бы быть и не очень радикальны, лишь бы онѣ

*) Мы думаемъ, впрочемъ, что слишкомъ велика для этого и украинская область.

были твердо положены и искренно усвоены обществомъ, такъ чтобы стали безповоротными, какъ, напр., безповоротны реформы, какія дѣлаются въ Англіи.

Самымъ прочнымъ залогомъ развитія Россіи въ направленіи федеральномъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наибольшей экономіе ея силъ, которыя иначе должны будутъ затрачиваться на періодическія революціи и реакціи, было бы направленіе исхода настоящаго кризиса Россіи къ закладкѣ прочнаго мѣстнаго самоуправления, а не къ одному только установленію центрального представительнаго собранія, по примѣру французскихъ конституцій. Франція, въ которой съ 1789 г. составлено семнадцать конституцій, испробовала съ тѣхъ поръ четыре революціи,—и все таки она вытерпѣла три солдатскихъ переворота, и едва съ недавняго времени имѣетъ слабые и непроченные зачатки муниципальнаго самоуправления, все еще не полную свободу печати и сходокъ и не имѣетъ свободы ассоціацій: во Франціи даже синдикальныя камеры рабочихъ не признаны закономъ и, что всего характернѣе, *существованіе этихъ ассоціацій рабочихъ, какъ и многихъ другихъ свободъ, притивно именно законамъ,—изданнымъ во время великой революціи (1791—1796) въ тѣхъ видахъ, что бы воспрепятствовать возстановленію старыхъ и установленію контр-революціонныхъ ассоціацій!* Вотъ что значить заботиться о замѣнѣ самодержавія монарха самодержавіемъ народа, не входя въ анализъ того, что такое собственно составляетъ политическую свободу!

Такъ какъ общество состоитъ прежде всего изъ лицъ, а народъ (нація) изъ обществъ, а государство (которое часто называютъ народомъ въ политическомъ смыслѣ) часто изъ разныхъ народовъ, то политическая свобода должна прежде всего состоять изъ разныхъ круговъ учреждений, которыя бы, не закрывая одинъ другого, обезпечивали свободу лицъ, обществъ, народовъ. Очень можетъ быть, что дѣло установленія политической свободы въ Россіи начнется съ созыва центрального *Земскаго Собора*—который, каковъ бы онъ ни былъ, даже какъ делегація существующихъ земствъ, все таки будетъ лучшимъ инициаторомъ реформъ, чѣмъ царскіе чиновники съ свѣдущими людьми или безъ оныхъ. Съ своей стороны мы дума-

емъ, что дѣло политической свободы,—которую мы, вслѣдъ за Прудономъ (*qui dit: liberté dit fédération ou ne dit rien*) считаемъ невозможною безъ федераціи,—тогда только вышло бы на вѣрную дорогу, когда бы оно было начато провинціальными движеніями. Но какъ бы ни началось это дѣло, *желательно бы было, чтобы устраненія чиновническаго произвола неограничились устройствомъ всероссійскаго Земскаго Собора, а чтобы тотчасъ же было обращено особенное вниманіе на установленіе законовъ и учреждений, которые бы обезпечивали: а) свободу личную* (неприкосновенность безъ суда, свободу вѣры и безвѣрія, свободу слова и печати, свободу сходовъ, безоружныхъ манифестацій, прошеній,—свободу ношенія оружія и военно-гимнастическихъ упражненій,—*право иска* передъ судомъ противъ всякаго чиновника и учрежденія, нарушающаго личную свободу и законные интересы лица), *б) свободу товариществъ*,—частныхъ, культурно-національныхъ и политическихъ, *с) самоуправленіе общинъ, сельскихъ и городскихъ, d) самоуправленіе областныхъ единицъ*,—начиная отъ менѣе крупныхъ, волостныхъ и уѣздныхъ, до болѣе крупныхъ, провинціальныхъ.

Организація самоуправленія провинціального самое трудное теперь дѣло въ Россіи, такъ какъ въ періодъ московско-петербургской централизаціи,—естественная группировка населенія въ областяхъ разорвана и замѣнена часто совершенно произвольною группировкою ихъ въ уѣзды, губерніи и генералъ-губернаторства, военные, учебные, судебные округа и проч. Изъ всѣхъ этихъ единицъ наиболѣе естественныя—уѣзды, хотя бы только потому, что онѣ наименьшія по объему, а слѣдовательно уѣзды и должны быть приняты за основу построенія провинціального самоуправленія въ Россіи. Конечно, избирательные законы объ уѣздныхъ земствахъ должны быть измѣнены въ направленіи какъ можно болѣе демократическомъ и затѣмъ выборными должны стать не только теперешнія земскія учрежденія, но и вся уѣздная администрація и полиція (что не представляетъ большой новости, такъ какъ при крѣпостномъ правѣ земскіе исправники были выбираемые дворянами). Губернскія учрежденія, вообще, должны быть организованы такъ, чтобъ они только дополняли дѣятельность уѣздныхъ, а не

являлись надъ ними начальствующей инстанціей. Что касается до губернскаго управленія собственно, то мы думаемъ, что Россіи долго еще не удастся избавиться отъ «помпадуровъ», называемыхъ губернаторами, которыхъ, по всей вѣроятности, сохранило бы, въ своихъ расчетахъ, самое радикальное Учредительное Собраніе, какое только можетъ выставить теперешняя Россія. Но необходимо по крайней мѣрѣ совершенно оградить земскія учрежденія отъ давленія и теперешней почти кассационной власти губернаторовъ, сохранивъ за ними только одно административно-полицейское значеніе, обставивъ ихъ коллегіями съ участіемъ избираемыхъ членовъ и оградивъ выборныхъ уѣздныхъ чиновниковъ администраціи и полиціи отъ произвола губернаторовъ несмѣняемостью на срокъ выбора иначе, какъ по суду *). Затѣмъ, уѣзднымъ земскимъ собраніямъ разныхъ губерній должно быть предоставлено право входить между собою въ соглашеніе касательно общихъ имъ нуждъ равно какъ и земствамъ губернскимъ.

Такимъ образомъ постепенно сложится естественная группировка уѣздовъ во вторичныя группы, которыя могутъ со временемъ стать болѣе естественными, чѣмъ теперешнія губерніи, и въ естественныя же третичныя группы, — области въ собственномъ смыслѣ слова, для которыхъ жизнь опредѣлитъ и формы представительства, и кругъ дѣйствій послѣдняго. Возможно (и даже желательно), что нормальная организація уѣздовъ поведетъ къ совершенной атрофіи губерній и къ установленію только двухъ автономныхъ единицъ: уѣзда и области. собственно, съ ихъ двойнымъ представительствомъ. Во всякомъ случаѣ, двойственное ли, или тройственное, областное представительство послужитъ прочною гарантіей не только противъ произвола *центральной администраціи* и ея агентовъ, но и противъ стремленій *центрального представительства* къ го-

*) Права иска передъ судомъ противъ всѣхъ чиновниковъ со стороны лицъ, корпорацій и мѣстныхъ представительствъ за дѣйствія незаконныя и за исполненіе незаконныхъ предписаній высшаго начальства, (подобно праву существующему въ Англіи), помогло бы огражденію столько же мѣстнаго самоуправленія, сколько и личныхъ правъ.

сподству надъ областями, при твердомъ установленіи принципа, по которому никакое болѣе широкое представительство не имѣетъ власти надъ болѣе тѣснымъ въ извѣстномъ *кругѣ дѣлъ, заступаніе которыми всецѣло принадлежитъ извѣстнымъ мѣстнымъ учрежденіямъ*. Выѣстъ съ тѣмъ только опираясь на свободныя областныя учрежденія, *всероссійскій Земскій Соборъ* получить прочное существованіе и избѣгнуть опасности быть *играліщемъ* дворцовыхъ реакцій, партіонныхъ революцій и контр-революцій и солдатскихъ переворотовъ,—какимъ *играліщемъ* служили съ 1789 г. да служатъ отчасти и до сихъ поръ Національныя, Учредительныя, Законодательныя и т. п. собранія централизованныхъ государствъ Западной Европы.

Обезпеченіе личныхъ правъ и общиннаго и мѣстнаго самоуправленія служить лучшею гарантіей и *правъ національныхъ*, которыя, въ сущности, суть ни что иное, какъ права личныя: неприкосновенность извѣстныхъ особенностей лицъ и обезпеченіе для этихъ лицъ наиболѣе естественныхъ способовъ и путей развитія до общечеловѣческаго идеала. При нормальномъ ходѣ вещей, каждая національность придетъ къ организаціи своего, необходимаго въ особенности для достиженія цѣлей нравственнаго развитія, союза въ предѣлахъ всей области, ею населяемой, такъ что въ государствахъ разнонаціональныхъ національныя бассейны,—особенно, когда они не слишкомъ велики (а это имѣетъ мѣсто почти во всей западной половинѣ Россіи), и представляютъ наиболѣе естественныя области, которыя мы назвали третичными. Но въ настоящее время мы признаемъ, что априорное раздѣленіе Россіи, по этнографической картѣ на области, съ созданіемъ для каждой изъ нихъ своего рода центрального представительства, было бы дѣломъ слишкомъ доктринерскимъ,—особенно, принимая во вниманіе, что и національныя границы теперь не вездѣ совпадаютъ съ границами экономическихъ бассейновъ. Априорное же вырѣзываніе провинцій по преобладающимъ численно національностямъ,—могло бы теперь создать въ каждой своего рода національные централизмы, въ родѣ тѣхъ, какіе замѣчаемъ въ коронныхъ областяхъ Австро-Венгріи. А потому мы думаемъ, что и въ этомъ вопросѣ лучше всего начать построе-

ніе зданія снизу вверху. Фундаментомъ для огражденія неприкосновенности національностей и свободнаго развитія ихъ должна быть прежде всего широта личныхъ правъ, свобода частныхъ ассоціацій, а также широта правъ общинъ и уѣздовъ устраивать свои дѣла, въ томъ числѣ и дѣла народнаго образованія, въ которомъ національность играетъ особенно важную роль. Право уѣздныхъ и губернскихъ земствъ входитъ между собою въ соглашеніе по общимъ для нихъ дѣламъ постепенно выработаетъ формы солидарности между землями, населенными каждою націей, и организуетъ завѣдываніе дѣлами каждой, въ томъ числѣ и дѣлами народнаго образованія, наиболѣе удовлетворительно *).

Необходимо признать, что въ настоящее время осуществленіе на практикѣ совершенно безпорнаго въ теоріи права каждой націи на всѣ виды народнаго образованія на своемъ языкѣ обстановлено немалыми трудностями. Трудности эти есть единственно результатъ прежней завоевательной, аристократической и бюрократической политики, которой слѣдовали государства извѣстныхъ національностей, успѣвшихъ, по разнымъ причинамъ, естественнымъ и относительно-случайнымъ, занять привилегированное положеніе. Послѣдствіемъ старой политики было: раздѣленіе населеній извѣстныхъ областей на классовыя націи, задержаніе націй плебейскихъ на низшей степени литературнаго развитія и т. п. Дѣло вѣковъ приходится теперь поправлять съ извѣстнымъ вниманіемъ къ сложившимся жизненнымъ условіямъ, а не доктринерски, хотя бы и съ самыми благими цѣлями. И здѣсь самое лучшее начать работу снизу вверху,—отъ образованія элементарнаго, которое и теперь вездѣ можетъ быть производимо на народныхъ языкахъ. Затѣмъ, высшее образованіе на національныхъ языкахъ должно быть вводимое, по мѣрѣ ихъ литературнаго развитія.

*) Напомнимъ, что Швейцарія, въ которой пользуются неприкосновенностью не только три крупнѣйшія національныя разновидности: нѣмецкая, французская и итальянская, но и мелкія: т. наз. латинская и романская (въ Граубюнденѣ)—не только не разрѣзана на сплошныя національныя области, но даже имѣетъ кантоны съ смѣшаннымъ населеніемъ. Въ Швейцаріи національная равноправность гарантирована неприкосновенностью личныхъ правъ во всей федераціи и общинныхъ въ каждомъ кантонѣ.

Сообразно этому, напр., польскій языкъ долженъ теперь же стать языкомъ средняго и высшаго образованія въ границахъ этнографической Польши и въ тѣхъ общинахъ за этими границами, которыя того пожелаютъ. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о языкѣ нѣмецкомъ въ городахъ прибалтійскихъ провинцій, который, впрочемъ, и теперь занимаетъ вполне обеспеченное положеніе. Мы полагаемъ, что въ этихъ провинціяхъ теперь же возможно учрежденіе среднихъ учебныхъ заведеній и съ преподаваніемъ на языкахъ эстонскомъ и латышскомъ которые могутъ постепенно войти и въ университетское образованіе. Языкъ румынскій имѣетъ всѣ виды учебныхъ заведеній въ королевствѣ Румыніи, а потому учрежденіе румынскихъ гимназій не составитъ большой трудности для Бессарабіи, тѣмъ болѣе, что южная часть ея уже имѣла румынскія гимназіи (вмѣстѣ съ болгарскою) во время недавняго соединенія своего съ запрутскою Румыніей. Языкъ украинскій имѣетъ въ Австріи свои гимназіи (въ Львовѣ полную, въ другихъ мѣстахъ рел. и укр. лит.) и университетскія кафедры (въ Львовѣ 4, въ Черновцахъ 1), но мы признаемъ, что обязательное введеніе этого языка даже въ гимназіи Южной Россіи теперь было бы сопряжено съ большими трудностями. —а потому это введеніе должно быть предоставлено естественному ходу жизни. Тоже слѣдуетъ сказать и о языкахъ литовскомъ и кавказскихъ съ тою только разницею, что введеніе этихъ языковъ по крайней мѣрѣ въ гимназіи представляетъ тѣмъ болѣе настоятельную нужду, чѣмъ болѣе эти языки отличны отъ теперешняго государственнаго языка, великорусскаго.

Вообще же въ тѣхъ случаяхъ, идѣ въ уваженіе теперешняго положенія вещей языкомъ средняго и высшаго образованія нужно будетъ оставить языкъ великорусскій, до болышаго развитія языковъ мѣстныхъ, необходимо: предоставить полную свободу преподаванія на этихъ языкахъ въ заведеніяхъ частныхъ и общинныхъ, а также ввести во всѣхъ среднихъ и высшихъ заведеніяхъ особыя кафедры для мѣстныхъ языковъ, сознательное употребленіе и основательное знаніе которыхъ необходимо для всѣхъ мѣстныхъ дѣятелей. Кромѣ того, въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ должно быть дано право какъ при-

и магистратуры, как и штатским профессорам открывают курсы на каком им угодно языке (штатным, конечно, за исключением общеобязательного курса). Затем, областныя земскія собранія (разныхъ степеней) постепенно будутъ рѣшать вопросъ о степени широты обязательнаго употребленія того или другого языка въ среднемъ и высшемъ образованіи. На нашихъ глазахъ въ нѣскольکو десятковъ дѣтъ съ аналогическою и проектируемою нами постепенностью рѣшенъ былъ вопросъ объ уравненіи плебейскаго финскаго языка съ языкомъ шведскимъ, бывшимъ прежде единственно офиціальнымъ языкомъ въ Финляндіи,—и никто не пострадалъ ни отъ этого уравненія, ни отъ его постепенности, а всѣ жизненные интересы края выиграли.

По такому же способу можетъ быть рѣшенъ и вопросъ объ употребленіи разныхъ языковъ въ учрежденіяхъ судебныхъ и административныхъ, о чемъ мы не считаемъ нужнымъ распространяться далѣе, такъ какъ этотъ вопросъ не имѣетъ такого общаго значенія, какъ вопросъ о языкахъ въ школахъ. Вопросъ же о языкѣ, на которомъ будутъ переписываться между собою разные присутственныя мѣста, есть болѣе дѣло канцеляристовъ, чѣмъ населенія собственно.

Какъ видитъ читатель, набросанныя сейчасъ соображенія не представляютъ чего нибудь неудобноисполнимаго и даже отличаются значительною уступчивостью сложившимся уже условіямъ жизни. Въ дѣлѣ реформы, главное, чѣмъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ дорожить,—это не столько попытками сразу осуществить всецѣло то, чего требуетъ теорія,—что по большей части не удастся и ведетъ за собою сначала реакцію, а потомъ вредный оппортюнизмъ, т. е., уступчивость качественную, а не количественную,—сколько яснымъ опредѣленіемъ направленія, въ какомъ безповоротно должны быть дѣлаемы реформы, сообразно росту общественнаго сознанія. Въ данныхъ, занимающихъ насъ, вопросахъ для насъ важно, чтобъ различные политическіе дѣятели въ Россіи искренно признали несоотвѣтствіе централистическо-національныхъ идей, польскихъ и великорусскихъ, съ интересами общей свободы и жизни различныхъ народовъ и областей бывшей Польши и теперешней Россіи. Сознаніе это, по закону вещей, должно

отразиться на ихъ политическихъ идеалахъ, на способахъ ихъ дѣятельности и, наконецъ, на плодахъ этой дѣятельности. Мы не позволяемъ себѣ пускаться въ частныя опредѣленія какъ способовъ, такъ и плодовъ этой дѣятельности. Равнымъ образомъ мы не считаемъ для себя возможнымъ пускаться въ соображенія п о томъ, кто собственно теперь можетъ взяться за осуществленіе желаемого нами преобразованія Россіи, тѣмъ болѣе, что, правду говоря, всѣ, заявившіе себя въ послѣднее время общественные элементы, — правительственные, революціонные и земскіе, очень мало возбуждаютъ въ насъ оптимистическихъ ожиданій. Степень реформаторской искренности правительства видна уже изъ того, что даже въ то время, когда оно подбираетъ всевѣдущихъ людей на помощь своему невѣденію, оно не только не думаетъ снять уздечку съ печати, которая одна теперь могла бы послужить голосомъ новыхъ людей изъ общества, но даже давить и существующія покушающіяся быть независимыми изданія. Революціонеры, пока останутся при теперешнемъ своемъ составѣ, — преимущественно юношескомъ и непрофессиональнымъ, — в на теперешней степени своего политическаго образованія, безсильны произвести что либо, кромѣ «террористическихъ» опытовъ и смутнаго броженія въ странѣ, — которые, конечно, колеблютъ существующее устройство государства, но не валяютъ его окончательно и не замѣняютъ его новымъ; теперешніе революціонеры въ Россіи не въ состояніи даже организовать сколько нибудь широкое движеніе ни въ т. наз. интеллигенціи, ни въ т. наз. народѣ. «Земцы» въ массѣ своей слишкомъ пассивны и даже тѣ изъ нихъ, которые до сихъ поръ дѣлали правительству замѣчанія о недостаткахъ теперешняго управленія, не только не возвысились до систематической его критики, съ противопоставленіемъ ей также систематическаго идеала, — но даже унижались до постановки всего вопроса о реформахъ въ Россіи такъ, что якобы самостоятельное земство лучше будетъ бороться съ «крамолою», чѣмъ полиція.

Очевидно, что для проведенія сколько нибудь дѣйствительной реформы политическаго строя Россіи, нужны совсѣмъ

новыя люди. Слѣдуетъ надѣяться, что, если страна способна дать ихъ, то они появятся въ областныхъ и національных *политическихъ обществахъ*, составленныхъ изъ лицъ зрѣлыхъ, разныхъ профессій. Но гадать не только о способахъ дѣйствія, но даже о составѣ этихъ обществъ, да еще изъ «прекраснаго далека», было бы дѣломъ напраснымъ. Съ своей стороны, мы считаемъ задачу свою законченною если намъ удалось критикою политики и стремленій до сихъ поръ заявившихъ себя дѣятелей—изъ обществъ, отъ которыхъ до сихъ поръ наиболѣе зависѣлъ ходъ дѣлъ на Востокѣ Европы, —указать на то, что, по нашему мнѣнію, было и есть въ нихъ ошибочнаго, и если намъ удастся, наброскомъ въ общихъ чертахъ нашихъ соображеній относительно болѣе цѣлесообразнаго направленія успій къ установленію хотя бы элементарной свободы для населеній обширной страны, —возбудить въ читателяхъ охоту къ самостоятельному пересмотру затронутыхъ нами вопросовъ. Только послѣ всесторонняго разсмотрѣнія сложныхъ политико-соціальныхъ отношеній, какія установились теперь на Востокѣ Европы, и въ частности въ Россіи, могутъ выработаться и правильные принципы политики въ этой странѣ. Правильные же принципы эти,—будучи разъ въ мысляхъ общественныхъ дѣятелей и перешедши въ ихъ горячія желанія, всегда найдутъ себѣ вышнюю форму выраженія и средства для исполненія,—какъ и наоборотъ, самая горячая преданность извѣстному дѣлу, доходящая даже до героизма, но не вооруженная сознаніемъ надлежащаго его направленія и дѣйствительной его обстановки, почти всегда приводитъ только къ болѣе или менѣе бесплодной тратѣ силъ личныхъ и общественныхъ.

THE BORROWER
AN OVERDUE F
NOT RETURNED
OR BEFORE THI
BELOW. NON-F
NOTICES DOE
BORROWER FR

Harvard Col
Cambridge, MA

~~WIDENER~~

SEP 10 19
~~SEP~~

BOOK DUE

~~CANCEL~~

